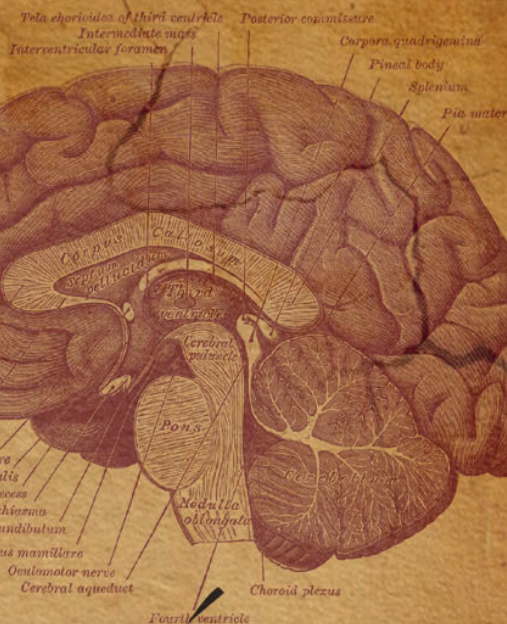

1st cervical
or Atlas

2nd cervical
or Axis

1st thoracic

1st lumbar

А Р О Н

У т е р я н н ы й И с т о к

Г И Р Ы

Роман Арефкин
Арон Гирш. Утерянный источник

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Арефкин Р. В.

Арон Гирш. Утерянный исток / Р. В. Арефкин — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Придя в себя в больничной палате, Риз вскоре обнаруживает, что он является пациентом частного исследовательского центра, сотрудники которого разработали уникальную методику нейро-хирургического вмешательства, названную «нейросинтез» и позволяющую восстанавливать личность человека, пережившего клиническую смерть. В романе "Утерянный исток" на кону сюжета ставится не только жизнь героев, но и их разум.

Пролог

Старый пикап буквально переваливался с ухаба на ухаб, отчего подвеска скрипела и напоминала несмазанные ступицы колёс от телеги, нежели ходовые части автомобиля.

По натянутому над головой брезенту беспрестанно бил дождь и то и дело пространство содрогалось от оглушительных раскатов грома. Ливень шёл уже третий день, и для ненастья не имели значения территориальные границы карликовых государств. В небе, тучи нависали тяжёлыми серыми мешками и несмотря на свою внешнюю неповоротливость, они куда более ловко путешествовали между военными постами и демаркационными линиями.

– Дожди здесь, бывает, льют неделями не переставая. – говорил Чжан-Оу, один из немногих проводников, владеющих более-менее сносным английским – Воды с неба послано много, но индо-китайский костёр по-прежнему тлеет.

Такие иносказательные фразы иногда позволял себе Чжан-Оу, когда путники были вынуждены совершить очередную кратковременную остановку.

Обычно старый Чжан-Оу водил группы из пяти человек минимум. Этими людьми были состоятельные туристы, уже побывавшие во всех доступных уголках мира, но так и не утолившие желания почувствовать себя в качестве «первооткрывателей» Экскурсии по территориям Индокитая были одинаково экстремальными и дорогими, поэтому статус туриста, сумевшего пересечь территории квази-государств, моногородков и автономных территорий, собравшихся на этой спорной территории в южной Азии, позволял в какой-то степени гордиться собой и ощущать наличие в жизни определённой реализованной задачи, которая была под силу далеко не каждому.

Однако на этот раз старик Чжан-Оу согласился стать проводником всего для двух человек, которые совершенно определённо не попадали под категорию «состоятельных туристов» Это были двое мужчин, одному из них, на вид, было около тридцати лет, второму – не более сорока. Путники разительно отличались друг от друга как внешностью, так и характерами, и Чжан-Оу, любивший наблюдать в пути за повадками европейцев, ещё больше удивлялся, наблюдая за этими двумя.

Оба путника были из России. Чжан-Оу, разумеется, знал о такой стране, но его знания, как того и следовало ожидать, ограничивались его оценочными суждениями о территориальной обширности государства и его суровом климате.

Обыкновенно, туристы платили Чжан-Оу за маршрут, охватывающий несколько наиболее примечательных мест, и возвращающийся обратно к границам с Индией, откуда туристы могли путешествовать уже организовано. Но эти двое мужчин заплатили Чжан-Оу лишь за дорогу в один конец, это обстоятельство удивило проводника, но его скудные знания английского не позволяли ему узнать, что путники намерены делать дальше, когда они достигнут города Гелепху. Поэтому, Чжан-Оу надеялся, что с ним рассчитаются сразу же по прибытию к месту назначения, и был приятно удивлён, когда один из мужчин, тот, что был постарше, не очень высокого роста для европейцев, но зато внушительной комплекции, расплатился с проводником заранее, когда до места назначения путников отделял день пути.

Этот мужчина имел массивную грудную клетку, форма которой напоминала бочку, его руки были сильными, массивными и не чурались труда. Мужчина был лысым, волосы попросту отказывались расти на его голове, благодаря чему кожа на макушке то и дело собиралась в складки, которые служили своего рода дополнительной составляющей мимики мужчины, особенно в те моменты, когда между ним и его спутником происходили какие-то важные разговоры. На лице мужчины растительность всё-таки пробивалась, но делала она это с такой неохотой, что спустя долгое время в пути, только светлая щетина покрывала его подбородок.

Вторым путником был молодой человек, стройного телосложения и высокого, по сравнению с товарищем, роста. У него были тёмные волосы, которые теперь немного отросли и стали длиннее, чем молодой человек привык. Этот человек был гораздо менее эмоционален, чем его

товарищ и поэтому, во время привалов у костра, в ожидании скудного ежедневного рациона, молодой человек больше слушал, чем говорил.

Чжан-Оу успел понять, что путники направлялись в город Гелепху, который являлся самым крупным городом провинции Сарпанг, южный Бутан. Эта территория граничила с севером Индии, и здесь не было слишком высоких и неприступных гор, как на севере и западе Бутана. Кроме того, путники путешествовали явно нелегально, стараясь оставаться вне внимания официальных властей. Пресечение границы, тем более с закрытым королевством Бутан, это очень непростое дело.

Если бы мужчины решили попытаться проникнуть в Бутан со стороны китайского Тибета, то им пришлось бы иметь дело с пограничной службой КНР, а это гораздо сложнее, чем в случае с более демократичной Индией.

Из того, что путники пытались выяснить у Чжан-Оу, проводнику стало понятно, что в Бутане у двух странных русских есть то-ли знакомые, то-ли просто какие-то люди, в городке под названием Лайя. Но здесь Чжан-Оу, даже при всём своём желании, не мог помочь путникам. Королевство Бутан ревностно охраняло свой статус недоступного края и нелегальное присутствие на его территории грозило самыми суровыми последствиями. Даже богатые туристы могли позволить себе пребывание в Бутане лишь в составе организованных экскурсионных групп, с уплатой ежедневного сбора за пребывания на территории королевства.

Эти же двое, одного из которых звали Риз, другого Гвидо, намеривались пересечь центральную часть королевства, от его южной границы до северо-западного предела. На их пути лежали множество крупных городов, вокруг которых располагались ещё больше мелких деревень. Всё это сводило на нет их надежды на незаметное, тайное путешествие по стране, в которой каждая единица механического транспорта была под учётом, как и расчёт отпускаемого топлива. Королевство Бутан было самым счастливым местом для жизни в южной Азии, но только для тех, кому повезло родиться в этом королевстве и получить статус подданного.

В силу всех этих причин, как и сомнительного характера задумки двух загадочных путников, Чжан-Оу вежливо отказался от любого возможного вознаграждения, как и от перспективы провести путников от Гелепху до Лайя.

Во время их последнего стойбища в пути, когда индийский пограничный пост был уже позади, Чжан-Оу сумел так подобрать нужные слова и выставить их в таком порядке, чтобы Риз, мужчина с которым он всё время общался, понял интересующий проводника вопрос. Куда путники собирались после прохождения Лайя?

Риз, прежде чем ответить проводнику на этот вопрос, какое-то время обсуждал со своим товарищем, насколько это разумно, раскрывать такие сведения. В конце концов, Риз сказал Чжан-Оу, что в Лайя есть несколько человек, которые знают дорогу от деревни до прохода между тремя вершинами. Речь шла о трёх горах на северо-западной границе Бутана – Джомолхари, Джу-Джанг и Массанг-Джанг. По мнению Риза, а проводник видел, что уверенность молодого человека зиждилась не на голом энтузиазме, искомые им люди уже ходили этой тропой и помогали другим европейцам пройти.

Чжан-Оу не сомневался в проводниках из деревни Лайя, в конце-концов, он сам ни разу не был в тех местах и предпочитал думать, что тамошние проводники ни чуть не хуже его самого. Однако, он знал, что за названными Ризом горами находится уже совсем другая территория, неподвластная королевству Бутан, независимая от китайского Тибета и существующая на правах полнейшей автономии. Карликовое государство называлось Бурпа, и бывалый Чжан-Оу не согласился бы за все деньги мира пересечь границы тамошних владений. Но проводник понял, что его опасения совершенно не интересовали путников, мужчины имели своё собственное мнение и цели, посему, Чжан-Оу предпочёл позволить неведению путников защитить их если не от неминуемой гибели, то хотя-бы от преждевременных мук волнений и тревог.

Перед въездом в Гелепху, Чжан-Оу остановился в постоялом дворе крошечной деревни на отшибе провинции Сарпанг. Путники не имели ничего против, чтобы переночевать не в кунге пикапа, а в более-менее привычных условиях. После делительного путешествия, Риз и Гвидо полностью пересмотрели свои прежние взгляды на систему ранжирования гостиниц. Теперь, если бы они были на то уполномочены, то они бы присуждали по пять звёзд каждому постоялому двору, который мог предложить своим посетителям чистую постель и крышу над головой, способную защитить от дождя. Постоялый двор на границе с Сарпанг заслуживал половину звезды, кроватей здесь не было, и спать предлагалось на импровизированных лежаках, сделанных из подручного материала. Но зато крыша была сработана на совесть и сверху ничего не лилось. Такая комната-номер была одной из всего двух номеров в небольшом глиняном здании, вторая комната была занята какой-то беременной женщиной, из местных, над которой постоянно кружили какие-то другие, уже старые женщины, очевидно местный вариант повитух.

Чжан-Оу, в виду отсутствия альтернативы, заявил, что будет ночевать в кабине пикапа, но Риз не позволил проводнику коротать ночь в машине, пригласив его переночевать в комнате. Это был уже не первый раз за время путешествия, когда Чжан-Оу удивлялся своеобразному радушию своих заказчиков. Обыкновенно клиенты не рассматривали проводника как равного им человека, наравне преодолевающего тяготы и лишения пути. Большинство клиентов относилось к старому проводнику как к необходимой части экипировки или оснащения для путешествия, взятого на прокат.

Риз и Гвидо делились с проводником пищей, если им доводилось перехватить чего вкусного. Чжан-Оу, взамен, раскрывал путникам некоторые свои хитрости, насколько это позволял здравый смысл и языковой барьер.

– Чжан-Оу, – Гвидо, каждый раз, начиная разговор с проводником, с усиленной артикуляцией произносил его имя, пытаясь избежать искажения сложных звуков, поскольку в пути мужчина уже успел усвоить, что тональные языки региона требуют в первую очередь правильной фонетики, а лишь потом, грамматики – я вот всё думал, а спросить стеснялся, ...

Ризу, видя, что Гвидо пытался говорить с проводником, приходилось принимать на себя роль переводчика, поскольку Гвидо, в отличие от Чжан-Оу, вообще не владел английским, за исключением нескольких броских фразовых глаголов, выученных по кинофильмам.

– ...как ты стал проводником? Зачем и почему? – видимо в последнюю ночь, понимая, что на утро проводник навсегда покинет их, Гвидо решил пооткровенничать – Откуда ты язык знаешь, европейский?

Поняв вопрос, Джан-Оу, растроганный откровенностью своих клиентов, хотел рассказать длинную и интересную историю, но в силу ограниченного словарного запаса и умения составлять только самые простые предложения, старый непалец передал суть своей истории в максимально сжатой форме.

– Его род издавна входил в касту Невари, – переводил Риз то, что пытался всеми силами, с лихим энтузиазмом, объяснить Джан-Оу – это одна из каст в кастовой системе Непала.

Гвидо кивал, давая понять, что идея ему ясна. В конце концов, за время своего длительного пути, и он и Риз, поднатаскались в теоретической социологии региона и могли теперь понимать базовые принципы, на котором строилось общество местных этносов.

– Невари, это такая особенная каста, к которой принадлежат люди, из более низких сословий, выбившиеся в Невари благодаря своим умениям и заслугам перед правителем. По мужской линии, предки Джан-Оу были военными, если я всё правильно понимаю.

– Да здесь сильно не напутаешь! – комментировал Гвидо – У нас та же история, что при «царе-горохе», что при «советах», что сейчас, если родился не в богатой семье, то военная служба единственный социальный лифт.

Риз продолжал переводить то, что говорил Джан-Оу:

– Невари особая каста ещё и потому, что она является мостом или переходом, по которому представители низов, такие как Шерпы, Таманги, Магары и другие, могут добиться статуса Чхетри или Такури.

– Ну-ну, – Гвидо запротестовал в шуточной форме – терминологию можно и опустить, я не думаю, что я запомню хотя бы пару из этих слов.

– Прадед нашего проводника, – излагал Риз уже на свой лад – будучи преданным слугой правителя, в своё время пристал к подпольному движению, которое боролось против экономического и правового доминирования со стороны Британии.

– Ого! – Гвидо посмотрел на старика, который бросал восторженные взгляды то на него, то на Риза – Так твой прадед революционером значит был.

– Его прадед принял участие в попытке свержения колониального администратора в Непале. – пояснил Риз – Но я не могу понять в котором году это было. С числами у него проблемы! Хотя, он говорит, что попытка восстания была неудачной, но спустя какое-то время, страна обрела независимость.

– Ну Непал то стал независимым от Британской короны в тысяча девятьсот двадцать третьем году, – Гвидо демонстрировал, как тщательно он проштудировал краеведческий справочник, который купил ещё в России – стало быть и дед нашего проводника чудил где-то в начале двадцатого века.

Риз оценил логику своего товарища.

– В общем, после провальной попытки восстания, участников повстанческого движения повесили, и лишь немногих помиловали. – пояснил Риз – Но Джан-Оу говорит, что его прадеда, в наказание, лишили статуса Невари и он оказался, как бы за пределом кастовой границы.

Гвидо удивило такое понятие, и он посмотрел на старика, который, без всяких слов, понял, о чём в данный момент думал лысый мужчина.

– Это как неприкасаемые в Индии? – спросил Гвидо у Риза, и тот переадресовал вопрос Джан-Оу.

Старик ответил, что в непальской кастовой системе не было монолитной кастовой группы неприкасаемых, как в Индии, зато были касты, такие как Ками, Дамаи и Сарки, которые по своей сути соответствовали неприкасаемым в Индии.

– Ну так стало быть, – размышлял Гвидо – его деда опустили на самое социальное дно.

Риз ничего не ответил, только несколько раз кивнул.

Видя, что между путниками воцарилось молчание, Джан-Оу словно поспешил развеять чрезмерно мрачные тона своей истории.

– Он говорит, – переводил Риз – что после обретения независимости Непалом, его прадед снискал поддержку у тех людей, что входили в касты Бахуны и Тагадхани, это что-то вроде высшего социального статуса. Из низших каст уже невозможно подняться в вышестоящие касты, но потомкам его прадеда позволили пользоваться некоторыми, социально-значимыми благами, среди которых было образование.

Старик добавил ещё что-то и Гвидо тут же устремил взгляд на Риза, в ожидании перевода.

– Он говорит, что когда он получил образование, он не смог получить работу по профилю, поскольку представители других каст, попросту не желали видеть рядом с собой выходца из Ками. Даже Шерпы не приняли его, и ему пришлось работать самостоятельно, так он стал проводником.

Гвидо молча кивнул, и посмотрел на Джан-Оу исподлобья, ему стало очень жалко старика, хотя тот совершенно не выглядел нуждающимся в его жалости, напротив, старик был полон сил, часто улыбался и казалось, что уныние было ему совершенно неведомо.

– Знаешь, – обратился Гвидо к Ризу, который заваривал чай, настойчиво купая чайный пакетик в кипятке – я вот так думаю, что вся эта их кастовая система, кажущаяся нам такой дикой и нелогичной, на деле мало чем от нашего общества отличается.

Риз задумался, на секунду позабыв про пакетик с чаем, посмотрел на Гвидо и ответил:

– Ну, при более детальном рассмотрении, можно прийти к несколько иному выводу.

– Какому такому выводу? – поинтересовался Гвидо, не сводя взгляда с Джан-Оу, который налил в свой походный котелок кипятка и принялся размешивать в нём какие-то травы.

– При всей причудливости местных обычаев, куда бы мы ни направились, везде будут люди. А люди, – Риз сделал многозначительную паузу, посмотрев перед собой – до недавнего времени были все одинаковы.

Гвидо ничего не ответил. Он поудобнее устроился на лежанке, заменившей ему матрас. Хозяин постоянного двора не поскупился на набитые соломой тюфяки. Вскоре, мужчина заснул. Утомлённый долгой, полной неудобств дорогой, путник легко погружается в сон, которого всегда не хватает.

Риз, допив свой чай, решил последовать примеру Гвидо. Завтра предстояло войти на территорию провинции Сарпанг, и если верить словам Джан-Оу, там, во второй половине дня, можно будет встретить человека, по прозвищу Карнавал, который брал на себя организацию нелегально доставить путников к интересующему их месту.

Риз спросил у Джан-Оу, в котором часу они будут подниматься завтра, ответ не сильно обрадовал Риза, проводник собирался поднимать путников уже через четыре с небольшим часа, на сон времени оставалось мало.

К неприятному удивлению, Риз обнаружил, что уже который сутки ему с большим трудом удаётся заснуть, несмотря на сильную усталость. При потухшем свете, даже и в более комфортных условиях, нежели чем на данный момент, Риз начал испытывать проблемы с отхождением ко сну. Ситуацию усугубляло то, что молодой человек не мог позволить себе самообман, он понимал, что это явление каким-либо образом было связано с недавними событиями в его и без того экстраординарной жизни.

Чем больше он размышлял над этим, тем твёрже убеждался в наличии причинно-следственных связей между своей теперешней бессонницей, безжалостно обкрадывающей его при и без того скудном количестве часов, отведённых на отдых, и событиями, в результате которых он теперь оказался на этом своём пути.

В такие минуты, мучительно длинные, кажущиеся часами, Риз как мог, старался заставить себя думать о чём либо другом, но воспоминания уподоблялись заезженной киноплёнке, а память, судя по всему, сделалась на удивление селективной.

Этой ночью, лёжа на циновке, в глиняном сарае именуемым в местных краях постоянным домом, Риз понимал, что он уже давно странствует под чужим небом и звёздами. И возможно лишь одна единственная вещь, заставлявшая его всё это время с такой стойкостью переносить лишения пути, теперь была уже достаточно близко. Как ни странно, но потенциальная близость цели скорее удручала Риза, нежели мотивировала, и об этом он долгое время боялся признаться самому себе, не говоря уже о своём товарище.

Риз лежал на спине, глядя прямо перед собой, туда, где в крошечной тьме скрылся потолок невысокого домика. Риз ожидал сна, но в который раз, вместо сна, приходили воспоминания....

Глава 1

Риз увидел свет, когда свет яркой лампы сумел впервые пробиться своими лучами сквозь тьму, окутывавшую сознание Риза.

Придя в сознании, Риз не сразу смог сориентироваться относительно своего местоположения, и положения в пространстве. Более того, он не мог даже контролировать свои собственные движения. В уши словно вливалась беспорядочная какофония звуков, шумов, отголоски голосов. Глаза не различали достаточно чётких контуров, и всё что он видел, были бесформенные пятна различных оттенков. Во рту Риз ощущал нечто инородное, неорганическое. Руки

не слушались, и если Ризу и удавалось управлять ими хоть в какой-то мере – это были беспорядочные движения.

Пребывая в состоянии полнейшей растерянности, неспособным найти никакого рационального способа взаимодействовать с окружающей действительностью, Риз оставался какое-то время недвижимым. Вскоре, ещё одна форма восприятия вернулась под его контроль – восприятие звука. Не осознавая перспектив этого сложного механизма, Риз сумел издать нечленораздельный рёв. Именно этот звуковой сигнал и помог Ризу привлечь к себе внимание. В комнате появились ещё какие-то расплывчатые фигуры, которые двигались над Ризом. От них исходили звуки, различить которые Ризу не удавалось. Тем не менее, с появлением этих фигур, молодой человек осознал наличие ещё одного доступного ему анализатора – обоняния. С появлением нескольких фигур, Риз ощутил странные, неестественные запахи, контрастирующий с запахом химикатов, пропитавших окружающее пространство.

Появившиеся фигуры то склонялись над Ризом, то вновь удалялись, всякий раз проделывая какие-то манипуляции. Тем не менее, через несколько мгновений, тьма вновь стала сгущаться, унося ещё уязвимое сознание в спасительную тьму.

Повторное свидание с реальностью случилось уже через двенадцать часов, когда сознание Риза вновь пробралось через тьму к непонятному источнику света, и на этот раз, оно обнаружило, что вокруг него был множество подвижных пятен, которые то приближались совсем близко, загораживая собой всё остальное пространство, то отдалялись. Столкнувшись с непостижимым хаосом ощущений, Ризу уже было не суждено спастись бегством в забвение.

Прошло какое-то время, прежде чем сквозь гомон звуков Риз стал различать человеческую речь. Затем постепенно к нему вернулась способность зрительной идентификации предметов, распознавание людей. Настоящим достижением для молодого человека стал возврат способности к координированному управлению своим телом. Сперва, Риз смог подчинить своему контролю только руки, но вскоре его мозг наладил контроль и над нижними конечностями.

Прошло несколько дней, прежде чем Риз смог самостоятельно удерживать себя на ногах и сделать первые шаги. Ему во всём помогали медицинские сотрудники, однако они же и пугали его как своим поведением, так и самим своим присутствием. Ни один из посещавших его специалистов не разговаривал с ним. Это не было игнорирование, напротив, интерес врачей был велик, и каждый день к пациенту приходили новые специалисты, молодые и пожилые. Все смотрели на него как на нечто диковинное, листали какие-то бумаги, и с большим энтузиазмом обсуждали что-то. Большинство посетителей всегда оставались за стеклянной дверью палаты Риза, и только одни и те же лица приближались к нему. Среди таких специалистов, безусловно, самым важным был уже не очень молодой мужчина, достаточно высокого роста, худощавого телосложения, несколько сутулый, носивший очки на длинном худом носу. Его непременно сопровождал другой мужчина – молодой, такого же роста, но с тёмными волосами, пронизательным взглядом. Этот мужчина, несомненно, был помощником первого, и вместо очков, на лице этот человек носил слегка ехидную улыбку, и казалось, что он не переставал ощущать свою значимость даже в те минуты, когда руководитель исследования говорил, а все остальные молчали.

Помимо помощи Ризу в его повседневных нуждах, специалисты периодически проводили какие-то тесты, забирая у него образцы капиллярной и венозной крови, частицы кожи, образцы волос. Несколько раз пытались проводить заборы со слизистой ротовой полости, однако судя по всему, это не удавалось.

Ризу долго не удавалось справиться с непокорным речевым аппаратом, и даже когда ему в голову приходили сформированные мысли, высказать их не удавалось. Врачи внимательно смотрели на пациента, иногда со снисходительной улыбкой, иногда без всяких эмоций. Медсёстры, как правило, испытывали какую-то неприязнь всякий раз, когда Риз пытался с ними заговорить. Сперва, это обескураживало Риза, затем стало причиной раздражения, но даже

малого намёка на такую эмоцию было достаточно, чтобы все специалисты в одно мгновение покидали палату молодого человека, перемещаясь за стеклянную дверь и продолжая наблюдать с обратной стороны, словно в ожидании чего то, что должно было бы случиться, но так и не случилось.

Ночи стали казаться Ризу особенно длинными. Если днём он был буквально окружён вниманием, то ночью всё обстояло по-иному. Компанию Ризу составляли дежурная медсестра за стеклянной дверью, и электронные часы под потолком. В палате молодого человека не было даже окна. Но что было хуже всего, Риз не мог заснуть. Никогда прежде он не испытывал таких проблем со сном. Сколь долго бы он не лежал с закрытыми глазами, сон буквально отказывался приходить к нему. Ночи напролёт Риз ворочался в своей постели, в бесплотных попытках уснуть. Самым удивительным оказалось то, что по утру, молодой человек не испытывал никакой сонливости или дискомфорта связанного с бессонной ночью.

Всё чаще к Ризу стали приходить руководитель исследований и его помощник. Этих двух постоянно сопровождали несколько медицинских сестёр и санитар. Риз уже знал, что мужчину в очках звали Кирилл Генрикович, а его помощника – первого заместителя проекта, звали Максимилиан, но очень часто к нему обращались как Макс.

Иногда эти двое просто беседовали с Ризом. Это существенно помогало пациенту овладевать своим речевым аппаратом. Вскоре, Риз мог уже излагать свои мысли. Иногда исследователи приносили с собой мобильное оборудование и проводили различные испытания. Первым, самым запоминающимся событием для Риза стал день, когда ему разрешили покинуть пределы своей палаты. В сопровождении санитар, молодой человек прибыл в помещение, оборудованное сложной электроникой, там же его ждали Кирилл Генрикович и Максимилиан.

– Вот и наш герой. – приветствовал пациента руководитель исследования, его помощник очень редко разговаривал с Ризом.

В тот день, Риз подвергся ряду исследований, МРТ, КТ и объёмной энцефалографии. Кирилл Генрикович оценивал полученные данные, а Риз получал возможность наблюдать и анализировать эмоции доктора. Кирилл Генрикович был доволен ходом своих работ, о чем постоянно сообщал Максимилиану, и указывал на отдельные фрагменты данных. Максимилиан, как правило, соглашался с руководителем, однако не испытывал того же энтузиазма.

Вскоре, вектор исследований сместился, физиологические исследования сменились когнитивными. Кирилл Генрикович лично занимался с Ризом, помогая ему восстанавливать пласт за пластом, все основные знания, которые некогда были усвоены молодым человеком. Доктор двигался от простого к сложному, и часто оставался очень доволен тем, как эффективно происходило восстановление общей и оперативной памяти, как функционировало мышление. За этими занятиями последовали периодические экзаменами, когда Риз получал задания, которые должен был выполнять самостоятельно, и на этом поприще пациент также преуспел.

Однажды, вернувшись в свою палату после очередной сессии проверок, Риз обнаружил, что ему теперь был доступен компьютер, и как выяснилось позднее – с доступом в интернет. Задачи усложнялись.

С тех пор, как двери палаты Риза уже не закрывались, молодой человек мог свободно перемещаться в пределах исследовательского блока. Однажды, это ему позволило стать свидетелем «разговора за закрытыми дверями», когда он впервые смог убедиться, что Кирилл Генрикович, вечно невозмутимый и сдержанный, тоже может проявлять живые и бурные эмоции.

– Всё идёт очень неплохо. – говорил Кирилл Генрикович, находясь с кем то в своём кабинете – Я не ожидал таких темпов восстановления когнитивистики. Это означает, что метод работает даже лучше, чем мы того ожидали. Между нейронами восстанавливается связь, но что поражает меня, так это извлечение сохранённой на подкорковых основах информации. Это ведь может означать...

– Мне кажется, Кирилл, ты бежишь впереди паровоза. – прозвучал ответ другого мужчины, и Риз смог узнать голос Максимилиана – Да, объект показывает неплохие результаты, но ты сам вкладываешься в этот процесс на полную. Ты с ним по несколько часов в день занимаешься, ты не можешь теперь быть уверен, что те сведения которыми объект теперь оперирует, это извлечённая информация, а не вновь-приобретённая, на ваших занятиях, например, ну или из интернета, доступ к которому ты ему предоставил.

– Чушь! – почти выкрикнул Кирилл – Я лишь даю информационный стимул, но знания он обнаруживает самостоятельно, как отклик на стимулы. Интернет, так мы проверяем истории запросов ко всем серверам, все логические адреса, к которым он обращается. Ты же не будешь утверждать, что человек, просматривая новостные ленты, сможет потом с нуля, оперировать фундаментальными знаниями, которые закладываются годами?

– Нет, это разумеется, но мне кажется, ты несколько преувеличиваешь значение.. Я хочу сказать, Кирилл, что твоя личная заинтересованность может привести к неверной интерпретации...

– Не носи ахиною, Макс! – раздался женский голос, который Ризу слышать ещё не доводилось – Кирилл делает всё, чтобы удалось...ну ты понимаешь. Это не означает, что Кирилл голову потерял.

– Я не имел этого в виду. – парировал Максимилиан – Однако именно я здесь психотерапевт, и располагаю кое-какими знаниями относительно реакций человека на те или иные события. Я лишь хочу уберечь Кирилла от самообмана...

– Позаботься лучше о себе, – холодно ответил Кирилл Генрикович – а то мне кажется, у тебя тоже должны быть свои заинтересованности в этом деле.

В ответ на эту реплику, Максимилиан откашлялись, будто подготавливая ответ:

– Я не отрицаю, что участие в проекте является для меня своего рода отправной точкой. Но я, помимо этого обстоятельства, не забываю и о научной этике.

После этой фразы последовало молчание, прервать которое решила женщина:

– Ладно, ребята, нет же причин вам цапаться. Всё идёт же нормально, Кирилл, когда можно ожидать...

– Не знаю, – ответил доктор, не дав женщине договорить – это всё-таки первый такой эксперимент, и мы наблюдаем первый опыт.

– Понятно, – ответила женщина – дай мне знать сразу же, как только появятся первые признаки.

Ответа на эту реплику не последовало, но Ризу стало понятно, что Кирилл Генрикович и эта неизвестная женщина ожидают каких-то одинаковых результатов.

В тот день, Риз так и не дождался, пока Кирилл Генрикович останется наедине. Вернувшись в свою палату, молодой человек запустил браузер и впервые за все предшествующие дни, что ему было дозволено пользоваться интернетом, он удалил историю запросов, взяв за правило поступать так отныне после каждого сеанса.

Этой ночью Ризу впервые снился сон. Во сне он переживал какие-то, совершенно непонятные ему моменты жизни, явно ему не принадлежавшей. Незнакомые люди, незнакомая местность. Летательные аппараты, способные совершать вертикальный взлёт за счёт винтовых механизмов, называемые вертолётками. На одном из таких аппаратов, в сопровождении незнакомых людей, Риз мчался над бескрайними зелёными массивами, которые оказывались плотными лиственными лесами. В следующих сценах сна, Риз видел как он и окружающие его люди спускаются по специальному тросу на землю. Куда-то бегут, что-то тащат. Риз ощущал еле различимые отголоски забытых чувств. Утраченный во сне счёт времени не позволял Ризу прийти к выводу, видит ли он отдельную сцену, или же это размытый коллаж из множества отрывков. Сон оборвался внезапно, когда Риза буквально растрясла чья-то рука, дотянувшаяся

до него из реальности. Сумев наконец раскрыть глаза и отразить, где остался сон, а что было явью, Риз увидел стоявшего над ним Кирилла Генриковича.

– Риз, давай вставай. Нам нужно кое с кем увидаться, так что...

Садясь в постели, Риз сказал:

– Увидеться? Ночью?

– Уже утро, и совсем не раннее. – ответил доктор, указав на настенные часы.

На электронном табло высвечивалось без пяти минут десять часов.

– Понятно, – отозвался Риз, покидая койку.

– Ты хорошо спал? – спросил доктор.

– Ну, если не считать моих снов, – отвечал Риз – когда видишь сон и потом так тяжело просыпаться, даже не понимаешь, сколько времени на самом деле прошло.

– Ты видел сон? – поинтересовался Кирилл Генрикович.

– Да. – ответил Риз – Впервые за последнее время я увидел сон.

– О чём он был, твой сон?

И Риз, вкратце, пересказал доктору увиденный им сон. Кирилл Генрикович нахмурился, сдвинул очки к кончику носа и помассировал переносицу.

– Это всё, что ты видел во сне? – спросил доктор, получив от Риза лишь утвердительный кивок – Ладно. Времени сейчас нет, нам нужно идти.

И они пошли по коридору в комнату, куда Риз ещё не входил. Это был просторный зал, с одним большим овальным столом посередине, и с прямоугольным столом, значительно меньшего размера, на противоположной стороне.

За овальным столом сидели люди, всего шесть человек, перед некоторыми из них лежали какие-то бумаги, некоторые расположили перед собой различные устройства, такие как планшеты с клавиатурами, электронные диктофоны. Два человека, с видеокамерами в руках, стояли поодаль от собравшихся и снимали происходящее на видео.

Кирилл Генрикович провёл Риза за прямоугольный стол, усадил его и сам сел рядом. Спустя несколько минут, кто-то из собравшихся неуверенно сказал:

– Ну, всё готово, давайте начинать.

Это была своего рода пресс-конференция, люди за овальным столом имели в той или иной степени отношение к науке. Лишь двое из присутствующих были журналистами. Речь шла о чём-то таком, что Ризу не удавалось понять. С самого начала, молодой человек вообще не понимал суть происходящего, лишь после того как прозвучали несколько вопросов, он понял, что именно он находится в центре внимания собравшихся. Но люди интересовались им в особом ключе, адресуя все вопросы не ему самому, а Кириллу Генриковичу, который, в свою очередь, и отвечал на все вопросы, многие из которых касались напрямую Риза.

– Как ваш пациент чувствует себя? Он уже сумел адаптироваться?

– Как вы сами можете это видеть, мой пациент успешно преодолел самый сложный, постоперационный период, и теперь он ориентируется ни чуть не хуже нас с вами. – отвечал доктор.

– Скажите, вы ведёте подробный мониторинг наиболее значимых нейро-биологических показателей?

– Разумеется. Следует сказать, что на начальном этапе мы вели общий мониторинг, чтобы быть уверенными, что все системы функционируют надлежащим образом. – отвечал Кирилл Генрикович – Впоследствии, когда мы убедились, что физиологическая составляющая пациента не вызывает подозрений, мы сконцентрировали наше внимание на активности мозга. И я могу сказать, что на сегодняшний день, на этом направлении пациент также демонстрирует превосходные показатели.

– Возможно, самый важный вопрос, – не унимался один из журналистов, чувствуя активную поддержку присутствующих – как обстоят дела с когнитивной функцией пациента?

На этот раз, прежде чем дать незамедлительный ответ, Кирилл Генрикович повернулся к Ризу и посмотрел на него.

– Ты не будешь против, – спросил доктор – если они зададут тебе несколько вопросов?

Риз пожал плечами, давая понять, что не возражает. Собравшиеся сперва зашептались, затем затихли, и уже другой человек – седовласый мужчина, встал со своего места и задал вопрос:

– Молодой человек, скажите пожалуйста, как вы вообще находите пребывание в исследовательском центре?

Ризу вовсе не понадобилось много времени, чтобы ответить:

– Ну, за исключением ограниченного пространства, которое начинает мне надоедать, меня всё устраивает.

Несмотря на то, что ответ не содержал никакой конкретики, люди за столом опять зашептались. Ризу показалось, что такое их поведение носит весьма раздражающий характер. Собравшиеся явно удивились, что молодой человек мог связно говорить, очевидно, по их представлению, он должен был не сильно отличаться от подопытного шимпанзе.

– Как вы сами считаете, – продолжал задавать вопросы мужчина – вы уже готовы покинуть стены вашей палаты?

– Ну, у меня здесь централизованное отопление в палате, – отвечал Риз, сознательно придавая своей интонации серьёзный тон, чтобы предать, таким образом, ироничный оттенок собственным словам. – и кормят меня здесь, пока, бесплатно. Так что торопиться, наверно, незачем.

Сказав это, молодой человек ожидал, что его шутка вызовет хотя бы улыбки у собравшихся, но вместо этого на лицах людей появилось выражение недоумения. Им казалось, будто Риз сказал нечто неуместное или попросту бессмыслицу.

– Простите бога ради, – с заискивающей, притворной улыбкой заговорил один из присутствующих – но какое отношение питание имеет к централизованному отоплению?

Риз смерил ухмыляющегося мужчину ничем не выражающим взглядом, и пояснил:

– Простите, если мои слова вас озадачили, но я, почему то, вспомнил произведение Ярослава Гашека про храброго солдата Швейка в плену, ту его часть, где Швейк был помещён в психиатрическую лечебницу...

Люди расхохотались, хотя было видно невооружённым глазом, что большинство из них смеялись только чтобы замаскировать своё смущение друг перед другом. Мужчина, задававший Ризу вопросы широко улыбался, попеременно переводя взгляд то на Риза, то на Кирилла Генриковича. Молодой человек сам посмотрел на сидящего рядом с ним доктора, который глядел на него задумчивым и удивлённым взглядом.

Ещё несколько вопросов было задано Ризу, но все они носили самый непринуждённый и общий характер. Затем внимания вновь был удостоен Кирилл Генрикович. Когда собрание закончилось, из помещения вышли все собравшиеся люди, каждый из которых подходил к доктору и с чем-то его поздравлял. Наконец, Риз и Кирилл Генрикович остались одни, теперь, когда никого кроме них в помещении не было, из-за воцарившейся тишины можно было слышать гул от потолочных светильников.

– Тебя не утомил этот цирк? – спокойно спросил доктор, наполняя пластиковый стакан холодной водой из кулера.

– Да вроде нет, всё нормально. – ответил Риз, глядя в спину доктору – Я правда не понимаю, с чего всё это.

Доктор выпил содержимое стакана и повернулся к Ризу:

– Ты где вычитал про Швейка?

Риз задумался, затем коротко ответил:

– Да я просто вспомнил.

– Вспомнил?

– Да, знаете, так иногда бывает, поставят какой-нибудь вопрос, или услышишь что-нибудь этакое, и тут-же в памяти словно всплывает... информация что-ли. Как будто знал это когда-то давно, но потом надёжно так позабыл, а теперь...

– Это реакция на стимулы, это понятно. – констатировал Кирилл Генрикович, говоря скорее сам с собой, нежели с Ризом – И как часто у тебя это происходит?

– По разному. – смущённо ответил Риз – Бывает всего раза два за день, а в иной день может очень многое всплыть.

– Можно я задам тебе очень важный и наверное личный вопрос?

Риз удивлённо посмотрел на доктора, затем непринуждённо пожал плечами, давая понять, что ничего против не имеет.

– Риз, скажи пожалуйста, ты знаешь, кто ты такой?

Как только прозвучал этот вопрос, Риз ощутил внезапный позыв ответить, но только череда нечленораздельных, сбивчивых звуков сорвалась с его уст. Он не знал.

– Как ты считаешь, – продолжал Кирилл Генрикович – каким образом ты попал сюда?

И вновь, Риз сумел только покачать головой, ощущая свою беспомощность, потерянность и отстранённость от реального мира.

Риз и Кирилл Генрикович прогуливались по исследовательскому центру и беседовали. И хотя до этого дня Риз был уверен, что уже успел выучить наизусть каждый сантиметр местных коридоров и помещений, из-за разговора, который с ним вёл доктор, молодой человек ощущал, будто всё вокруг отчуждало его и он вполне мог бы заблудиться за очередным поворотом.

– Ты был доставлен в реанимационное отделение токсикологического центра, после того как тебя доставили туда специальным рейсом. Предпосылки этому твоему состоянию мне достоверно не известны. Я пытался выяснить хоть что-то, но похоже в деле было замешено правительство. Информация по тебе даже не закрыта, её наличие попросту отрицается. – тон голоса Кирилла Генриковича звучал так, будто ему было сложно говорить о вещах, которые, по сути, мало его касались.

– Я надеялся, ты сможешь мне рассказать, – продолжал Кирилл Генрикович – что с тобой случилось. Я старался как мог ускорить процессы восстановления твоей памяти. Твои воспоминания, к сожалению, спутаны и не содержат никаких конкретных сведений.

Риз задумался, будто пытаясь что-то вспомнить, но ничего не приходило в голову.

– Я точно не могу вам ничего рассказать об этом, – ответил после короткого раздумья Риз – потому как ничего подобного я не то, что не помню, для меня это вообще внезапное открытие.

Для самого молодого человека, эти события были совершенно чуждыми, будто-бы ему рассказывали о другом человеке.

– Я не знаю, что и сказать, Кирилл Генрикович. – добавил Риз – Я не имею ни малейшего понятия о том, что вы говорите, но мне бы хотелось узнать, что было дальше.

– Дальше? Дальше всё складывалось так, что в отделении интенсивной терапии, куда ты был доставлен, врачи были готовы констатировать клиническую смерть. Ты понимаешь, что это значит?

Риз неуверенно кивнул, но Кирилл Генрикович понял, что этот момент следует прояснить:

– Видишь ли, в клинической медицине мы выделяем два типа смерти – клиническую и биологическую. Клинической смертью называется состояние, при котором у пострадавшего выявляются необходимые признаки, свидетельствующие о отсутствии функционирования головного мозга. Фактически, в состоянии клинической смерти, функционирующими остаются только те системы, которые функционируют автономно, то есть дыхание и кровообращение. Биологическая же смерть, в свою очередь, это состояние полного отсутствия функ-

ционирования всех систем. Иными словами, биологическая смерть – состояние необратимое, в то время как смерть клиническая ещё может быть, в некоторых ситуациях, купирована. Вся суть в том, что до тех пор пока сохраняется функционирование систем дыхания и кровообращения, головной мозг не подвергается существенным повреждениям. Здесь ключевым вопросом становится сохранность нейронов, ведь если в перспективе человек выходит из состояния клинической смерти, от сохранности нейронов зависит то, каким он вернётся к жизни.

Риз внимательно следил за объяснениями доктора, периодически кивая, давая понять, что он понимает, о чём идёт речь.

– Ты был под действием какого-то яда, а это, в свою очередь обуславливает травматическое воздействие на нейроны головного мозга. Однако в твоём случае, характер вещества, которое воздействовало на тебя, предотвратило разрушение нейронных связей. Мало кто знает, что утопление в воде, например, температура которой ниже минус семи градусов, хотя и обуславливает асфиксию головного мозга, но в то же самое время низкая температура сохраняет нейроны от повреждения. Это своего рода консервация, наподобие той, что используют крионирования. Однако современным специалистам ещё не доводилось слышать о химическом веществе, которое могло бы оказывать подобный эффект.

Чем ближе Кирилл Генрикович подбирался к сути вопроса, тем сложнее Ризу было понимать его.

– Видишь ли, – продолжал доктор – с одной стороны, это таинственное вещество сохранило твои нейроны головного мозга, защищая их от повреждения, но с другой стороны, пребывание в состоянии клинической смерти приводит к асфиксии других органов и тканей, сохранение которых становится затруднительным, поскольку они не получают достаточного кровообращения и оксигенации. В определённый момент останавливаются сердечные сокращения и вот с этого момента останавливается кровообращение, что травмирует почки, печень, и влечёт биологическую смерть. В случае с утопленниками, даже при своевременном извлечении утопленника из холодной воды, можно, в принципе, восстановить проходимость дыхательных путей и сердечный ритм, но с этого же момента усиливается угроза нейронам головного мозга, поскольку при более высокой температуре окружающей среды, устраняется криоконсервационный эффект. И опять-таки, ни один специалист не мог знать, как поведёт себя твой организм, так как твой случай был уникальным.

– Это были вы, кто решил попробовать спасти меня? – спросил Риз.

По интонации доктора, и по движениям его глаз, Риз понял, что в этой части истории Кирилл Генрикович многого не договаривает.

– У меня были некоторые обстоятельства, позволявшие мне предположить, что мой недавно разработанный метод оперативного вмешательства в головном мозге, смог бы спасти тебя. – Кирилл Генрикович наполнил ещё один пластиковый стакан водой из кулера, который столь подходящим образом оказался за очередным поворотом коридора – Ты был переведён на аппарат искусственной вентиляции и гемодинамики, это специальные устройства...

– Я знаю, для чего они используются. – отозвался Риз – Такие я видел и здесь, это оборудование берёт на себя функции сердца и лёгких.

Доктор кивнул, в очередной раз, отмечая про себя прозорливость и внимательность пациента.

– Собирался консилиум, всякие местные «светилы» высказали самые пессимистичнее прогнозы на твой счёт. Большинство ратовали за то, чтобы отключить тебя от оборудования. В арсенале закорюченных остолопов не было нужного инструментария. Они ссылались на стандарты и рекомендации, утверждая, что ситуация была безвыходная.

Пройдя какое-то расстояние в молчании, Риз спросил?

– А у вас, стало быть, был «метод»?

– Наш центр занимается весьма специфическими исследованиями, которые, к сожалению, помимо прогрессивного подхода, влекут определённый социальный резонанс. – ответил доктор – Я достаточно длительное время уделил исследованию одного перспективного направления вмешательства в структуры головного мозга. Целью моих исследований стала разработка метода использования мозговых тканей донора для формирования новой нейронной базы для лиц, которые находятся в состоянии клинической смерти.

На этот раз Риз уже дал доктору понять, что с этого момента ему становится всё труднее понимать, о чём говорил Кирилл Генрикович.

– Многие пострадавшие, находясь в состоянии клинической смерти, при удачном стечении обстоятельств, переводятся на искусственное жизнеобеспечение, и длительное время могут пребывать в коматозном состоянии. Современные методы диагностики тканей головного мозга позволяют нам анализировать сохранность основных функциональных участков мозга, отвечающих за самое важное – за сознание и личность индивида. Мой метод вмешательства называется нейросинтезом, и подразумевает сепарирование и извлечение этих наиболее важных участков мозговой ткани у пациента, и внедрение их в мозговую ткань, принадлежащую другому индивиду, который выступает в качестве донора.

– Разумеется, – перебил доктора Риз – в качестве донора выступают те, кто не может себе позволить такую процедуру.

Кирилл Генрикович едва заметно улыбнулся, обнаружив у Риза признаки моральной оценки.

– Не совсем так. В качестве источника донорской ткани могут выступать те пациенты, которые пережили гибель тех самых участков ткани, которые отвечают за сознание, личность, за память и опыт. Согласись, даже если бы имелась возможность вывести из состояния комы пациента, мозг которого утратил все эти важнейшие отделы, то насколько это было бы гуманным по отношению к нему самому и его близким? Такой человек едва ли отличался бы от животного, ведь в основе его жизнедеятельности легли бы только безусловные рефлексы и инстинкты. Не кажется ли тебе более разумным, чтобы на той, сохранённой основе, которую теперь представляет мозг такого пациента, мог бы быть восстановлен некогда живший индивид?

Риз задумался, было видно, что вопрос доктора поставил его в тупик.

– Не пытайся дать однозначный ответ. Такового не существует. – наконец сказал Кирилл Генрикович – В этом то и проблема. Люди склоняются к одному или другому ответу, в зависимости от их убеждений. Тем более, изобретённый мною метод явно не вписывается в концепцию современного «опиума для народа»

Риз понимающе кивнул, а затем спросил:

– Я ведь правильно понимаю, что я пережил такое оперативное вмешательство? Этот ваш нейросинтез.

Кирилл Генрикович уклончиво ответил:

– Твой случай особый.

Риз не заметил, как они подошли к его палате. Было очевидно, что прогулка подошла к концу, как и откровенность Кирилла Генриковича.

– Я с недавнего времени стал задумываться над тем, когда бы я мог покинуть ваш исследовательский центр? – спросил Риз.

Кирилл Генрикович, к удивлению пациента, безразлично пожал плечами и ответил:

– У нас здесь не тюрьма. Ограничения, которым ты подвергался, были предприняты для твоего же блага. Теперь, ты можешь покинуть наш центр, когда пожелаешь.

– Действительно? – Риза сильно удивил такой ответ доктора, он явно ожидал другой реакции.

– Единственное, о чем я бы посоветовал тебе побеспокоиться, так это контроль твоего состояния, общего и психологического. – пояснил доктор.

– Психологического? Вы полагаете, у мен есть основания для беспокойства?

– Ты пережил очень серьёзное вмешательство на головном мозге, и у всего, что теперь с тобой происходит, есть свои далеко идущие последствия.

Сказав это, Кирилл Генрикович осторожно похлопал Риза по плечу, улыбнулся ему, а затем развернулся и покинул палату. Молодой человек остался один.

Остаток дня Риз просидел за компьютером, просматривая в интернете различные источники информации, связанные с наблюдениями за успехами нейробиологии. Риз зашёл на официальный сайт частного исследовательского центра, в котором он сам находился. Данное учреждение было построено на средства частных инвесторов, и в своём составе центр имел два отделения. Одно занималось предоставлением медицинских услуг, концентрируя своё внимание главным образом на терапии инсультов и реабилитационных программах постинсультных состояний. Другой отдел занимался исключительно исследованиями головного мозга. Именно здесь работал Кирилл Генрикович, и на сайте была размещена некоторая информация о докторе.

Кандидат медицинских наук, бывший член РАН и независимого объединения нейрохирургов России. Впоследствии, был исключён из обоих объединений, в связи со своей исследовательской деятельностью.

На отдельной странице была размещена короткая новость о том, что сын главного эксперта исследовательского отдела погиб при неясных обстоятельствах. Молодой человек провёл несколько недель в коме, после чего, из-за невозможности его спасти, было принято решение отключить его от жизнеобеспечения.

В принципе, просмотрев множество новостей и прочитав свыше дюжины статей, Риз не нашёл ничего, что могло бы показаться ему релевантным по отношению к его собственной ситуации.

В конце концов, когда на часах было уже почти за полночь, Риз лёг в постель, чувствуя себя уставшим.

В эту ночь Риз спал крепко, но сон заставлял молодого человека несколько раз подряд просыпаться, пытаясь всякий раз отличить явь от видения, Риз вновь и вновь возвращался к посещающим его образам.

Молодому человеку снилось, будто бы он продирался через заросли разнообразной, не вполне дружелюбной растительности. Шипы, растущие на ветвях многих кустарников, то и дело цеплялись за штаны. Некоторые растения, казалось, обвивали ноги Риза, затрудняя каждый его шаг. В небе светило яркое солнце и судя по всему должно было быть очень жарко, но густая растительность, среди которой Риз пытался найти свой путь, делала воздух влажным и тяжёлым. Одежда пропиталась потом, и липла к телу, но это было наименьшим из неприятностей, которые Ризу приходилось преодолевать. Помимо усталости, многочисленных ссадин от острых шипов местной растительности и духоты, Риз испытывал гнетущее чувство, природу которого понять не удавалось. Всякий раз, когда усталость достигала такой степени, при которой Риз больше всего на свете хотел остановиться и передохнуть, его настигало словно животное восприятие того простого факта, что ему нужно продолжать путь, что он не имел никакого права на промедление. И Риз не останавливался, продолжая преодолевать непокорные заросли и самого себя.

Как долго продолжалось восхождение, Риз не мог определить, поскольку время утрачивали всякое значение в этом его видении. Но, спустя какое-то время, Риз обнаруживал, что растительность вокруг него изменялась, высокие мангры уступали место обильному кустарнику, которые постепенно становился всё ниже а его колючие ветви – тоньше и короче. Вскоре, Риз понимал, что он всё это время поднимался в высокогорье, оставляя позади не только ман-

гровые заросли, но и преследование. С какого-то момента он понимал, что то гнетущее чувство, не позволявшее ему остановиться ни на минуту, было преследованием. Кто-то следовал за Ризом, и хотя молодой человек не мог с должной определённой сказать, кем был этот «кто-то», он понимал всю необходимость двигаться дальше.

Оставив позади лес, Риз столкнулся с новыми невзгодами на своём пути. Теперь ничего не защищало его от солнца, а ветер, который периодически накатывал с далёких склонов, был тёплым и сильным, так что только создавал дополнительные препятствия.

Риз знал, куда ему следовали идти. На более-менее пологих отрезках пути он пытался перейти на бег, и ему это удавалось, пусть и не на долго. Вскоре он достиг входа в ущелье. Скальные стены здесь были украшены работой человеческих рук. В тверди скалы были вырезаны многочисленные узоры. Риз приложил свою ладонь к шершавой поверхности скалы, покрытой замысловатой резьбой. Первым, что ощутила его ладонь, стал жар, излучаемый нагретой скалой. Символы представляли собой пиктограммы, и Риз не знал их значения, но было очевидно, что в данном конкретном месте, само наличие символов играло важную роль. Риз понимал, что он прибыл туда, куда стремился. Это было ущелье, образованное скалами, одна из которых устремлялась высоко вверх, в то время как другая, будучи более пологой, образовывала каменное кольцо. Внутренняя стена ущелья, образованная слиянием двух скал, была покрыта резьбой, изображениями, каждое по отдельности из которых не имело самостоятельного значения, но в совокупности, они составляли единую композицию. Это была фигура человека, опустившегося на колени и склонившего голову перед собой, над ним возвышалась ещё одна человеческая фигура, которая уже имела более размытые контуры. Создавалось впечатление, будто вторая фигура была продолжением первой. Напротив этих двух фигур стоял человек, голова которого была увенчана каким-то специфическим убором, этот человек держал на вытянутых руках, перед собой, чашу, которая была направлена к первым двум фигурам. Позади двух фигур находилось ещё одно изображение человека. Этот человек был изображён лежащим на плоской поверхности, позади него находилось изображение, завершающее композицию. Это были люди, всего три человека, но Риз понимал, что это изображение означало именно общность людей. Один из этих людей протягивал в направлении лежащего человека некий предмет, который точь- в точь напоминал головной убор, на голове у крайней правой фигуры.

Под этой, испещрённой резьбой, стеной, находился широкий каменный круг, поверхность которого была также покрыта резьбой, но здесь, вместо изображений были уже пиктографические символы, значение которых оставалось для Риза загадкой.

Глядя на это каменный круг, молодой человек понимал, что это был своего рода алтарь, использовавшийся для отправления религиозного культа.

Стоя перед этим алтарём, Риз начинал испытывать неясную тревогу, усиливавшуюся с каждой минутой. В какой-то момент, когда необъяснимая буря тревожных чувств достигала своей кульминации, Риз вдруг понимал, что там, высоко в небе, куда уходила острая вершина одной из скал, кружили неизвестные ему бело-серые птицы. При этом, птицы издавали умопомрачительный крик, а так как самих птиц было неопределимое множество, их крики срастались в единый гомон, от которого невозможно было скрыться.

В какой-то момент, осознавая собственную неспособность переносить эту какофонию, Риз закрывал уши руками и пытался найти для себя укрытия. Но от отвратительного гомона уже не было спасения. Слившиеся в единый шквал крики птиц, пронизывали не только тело, но и само естество Риза, делая его неспособным думать. В такие моменты, Риз понимал это сам, он предпочёл бы броситься со скалы, чтобы только прекратить эту пытку. Стараясь противопоставить все пронизываемому звуку собственные мысли, Риз брёл вдоль скальной стены, сам того не замечая, как поднимался над дном ущелья. Это восхождение продолжалось до тех

пор, пока он не достигал образованной в скале залы. Здесь, вопреки здравому смыслу, Риз обретал защиту от гнетущих его птичьих голосов.

Сделав всего один, неосторожный шаг, Риз оступился и был готов упасть на твёрдую каменную поверхность, при этом он не отводил своих рук от ушей, предпочитая испытать боль от падения на камни, нежели позволить парализующему звуку вновь влиться в сознание.

Падение должно было длиться не дольше секунды, но как это часто бывает во снах, закрыв глаза, Риз падал целую вечность, пока его тело не было встречено мягкой прохладой, вместо ожидаемой шершавой поверхности скалы.

Осмотревшись, Риз не без удивления обнаружил, что он находился неподалёку от достаточно большого, затянутого свежим льдом озера. То, что по всей видимости в летнее время было приозёрным берегом, теперь покрылось снегом, а водная гладь оказалась парализованной ещё неокрепшей ледяной коркой. Станным было то, что Риз не мог видеть противоположного берега озера, которое по какой-то причине утонуло во тьме. С обеих сторон от Риза стоял лес, и верхушки многочисленных сосен не шевелились, столь безветренной была погода.

Посветив лишь несколько минут на то, чтобы осмотреться вокруг, Риз ощутил, как холод пронизывал его тело.

В поисках укрытия блуждать не пришлось, всего в нескольких десятках метров от него стоял не очень большой частный дом. Риз не увидел ни света в окнах, ни дыма из дымохода на крыше. Кроме того, перед крыльцом дома, на свежем снегу, не было никаких следов.

Подойдя к крыльцу, первым, что бросилось в глаза Ризу, было отсутствие окон. Вот почему с расстояния, Риз не смог увидеть света. В стенах этого дома не было ни одного отверстия для окон и из-за этого, вблизи дом казался несуразным, как незаконченная картина начинающего художника-пейзажиста.

Постучавшись в дверь, Ризу никто не ответил. Проявив настойчивость, Риз повторил свою попытку, ещё раз и ещё. В конце концов, он оказался вынужден просто войти без всякого приглашения, что он и сделал, так как дверь легко поддалась и открылась внутрь. На ней не было замка.

Риз оказался в узком пространстве, которое при обычных условиях могло бы служить прихожей. Однако там, где оказался молодой человек, не было ни следов от обуви. Не самой обуви. Более того, всё выглядело так, будто дом было либо не достроен и им ещё никто не пользовался, либо же напротив, он был покинут, и предыдущие хозяева приложили усилия, чтобы не оставить случайным визитёрам никаких удобств или даже намёков на уют и гостеприимство.

Тем не менее, воздух здесь был тёплым, и Риз слышал, как откуда-то доносится тихое потрескивание тлеющей в огне древесины. При этом, в замкнутом пространстве не было ни дыма, ни чада. Риз постоял между стенами коридора какое-то время, затем, почувствовав, как его тело буквально наполнялось теплом, молодой человек проследовал по коридору. Путь был совсем не долгим, коридорчик заканчивался поворотом и выводил в гостиную, откуда и исходило тепло и звуки костра.

Сперва Риз не поверил своим глазам, когда оказался на пороге гостиной, но отрицать увиденное он был тоже не в силах. Ещё стоя в прихожей странного дома, молодой человек, слушая звуки костра, сделал вывод о судьбе кострового дыма, теперь же, ему стало ясно, почему продукты горения не скапливались в помещении. Дело в том, что в гостиной не было крыши. Стены этого помещения оканчивались сами собой и смотрели в пустоту, наполненную звёздами – ночное небо.

Риз не был уверен, видел ли он именно небо, по крайней мере снаружи, как он успел заметить, звёзд на небе совсем не было, только густые облака, тянувшиеся со всех сторон света. В комнате небо было чистейшим, без единого облачка. Между многочисленными звёздами пульсировала тьма, словно неведомая сила заставляло эту материю колыхаться.

В гостиной был камин, и именно в нём догорали остатки древесины, выделяя больше всего тепла. У дальней стены стоял простой диван, а неподалёку от самого камина стояли два стула с широкими резными спинками.

Присмотревшись к полу, Риз обнаружил, что тот, кто растопил камин, запачкал половые доски сажей. Рядом с камином стоял поддон, в котором очевидно носили дрова на растопку. Всё это казалось странным, так как напоминало Ризу абсурдные ситуации из сказок о путнике, забредающем в чужой дом, и оказывающемся пленником его нездоровой природы.

Из комнаты вела одна единственная дверь, за которой продолжался узкий коридор, уходивший на второй этаж.

Проследовав по коридору, и оказавшись перед невысокой но довольно крутой лестницей, Риз поднялся сперва на огибающую лестницу площадку, затем на второй этаж. Здесь продолжился коридор, становясь ещё более узким, при этом, из каждой стены, обрамляющей коридор, могла открываться дверь, всего их было четыре. Риз поймал себя на мысли, что вокруг не было ни единого искусственного источника света. Тем не менее, молодой человек мог вполне сносно различать предметы.

Оказавшись у первой из дверей, Риз аккуратно прикоснулся к ручке, с удивлением обнаружив, что она не была покрыта пылью, именно эта дверь, по всей очевидности, не так давно открывалась.

Обхватив овальную, гладкую поверхность дверной ручки, Риз попытался повернуть её так, чтобы открыть дверь. Послышался характерный звук механизма дверного замка, но это не был звук открывающегося механизма, напротив, по характеру звучания Риз безошибочно угадал, что дверь была заперта. Приложив незначительное усилие, молодой человек проверил дверной замок на прочность, заставляя дверь потребоваться в проёме. Дверь не поддавалась. Повторив свои попытки несколько раз, Риз оставил дверь в покое.

Молодой человек решил проследовать по узкому коридору второго этажа и осмотреть остальные три комнаты, раз уж первая оказалась недоступна.

Оказавшись у следующей двери, Риз обнаружил, что эта дверь, в отличие от своей предшественницы, не использовалась столь часто. Древесина была покрыта слоем пыли, и когда Риз повернул дверную ручку, дверь безо всякого труда открылась, позволяя молодому человеку войти внутрь.

Риз ожидал, что в лицо ему ударит аромат затхлости, пыли, как это бывает в помещениях, слишком долго остающихся непотревоженными присутствием человека. Но вопреки его ожиданиям, в маленькой комнатухе было на удивление чисто. Здесь не было ни единой пылинки, а если говорить точнее, здесь вообще ничего не было.

Голые стены не имели ни покрытия, ни цвета, ни оттенка, и хотя такое сложно себе представить, но глядя на эти стены, Риз затруднялся дать даже самое приблизительное описание их внешнего вида.

Продолговатой формы, маленькая комната оканчивалась окном, не имевшим остекления. Именно на отсутствие остекления молодой человек поначалу был готов списать отсутствие пыли. Но вспомнив о том, какие условия были снаружи, не менее удивительным теперь казалось и отсутствие снега в комнате. Риз уставился в окно, и с первого взгляда ему показалось, будто что-то совершенно необъяснимое привлекало его взор. Заинтересовавшись своим наблюдением, молодой человек также утратил всякое чувство осторожности, он не ощущал более никакой опасности, и ему отчасти даже казалось, будто он знает этот самый дом.

Риз приблизился к окну, не отводя взгляда от чёрного проёма в стене. Да, снаружи должна была быть ночь, и заволоченное зимними облаками небо могло быть чрезвычайно тёмным, но то, что виднелось из оконного проёма, не было ночью, не было ночным зимним небом. Приблизившись достаточно близко, чтобы увидеть пространство снаружи, Риз был поражён своей находкой. То, что открылось его взору, потрясло молодого человека до глубины души,

перехватив его дыхание и заставив тотчас же отвернуться, припасть на одно колено, и зажмуриться. Оставаясь в таком положении, Риз глотал ртом воздух, в надежде поскорее восстановить дыхание. Глаза он не раскрывал из-за опасения, что вновь сможет увидеть то, что было там. За оконным проёмом.

Наконец, когда молодому человеку удалось вернуть себе на мгновение утраченное самообладание, он предпочёл поскорее удалиться к двери, ведущей в коридор, так, чтобы оказаться подальше от окна. Делая эти несколько шагов, Риз не раскрывал до конца глаз, предпочтя сделать это тогда, когда он окажется уже в коридоре, с обратной стороны от двери этой злосчастной комнаты. И когда от двери Риза отделял последний шаг, молодой человек услышал внезапный, острый звук трескающегося стекла. Буквально подпрыгнув на месте, Риз безошибочно угадал источник звук, он находился у молодого человека под ногами. Позабыв про своё потрясение, Риз присмотрелся и увидел, что своим неосторожным, слепым шагом, он наступил на небольшого размера зеркало, которое в свою очередь треснуло, но осталось одним целым. Отражающая поверхность теперь была испещрена многими десятками глубоких трещин. Риз прекрасно помнил, как на входе в эту комнату, он осмотрел всё то небольшое, что представляло из себя её внутреннее пространство. Ни единого постороннего предмета не было внутри. Однако теперь, на полу у порога лежало это зеркало, и единственным предположением, которое позволил себе сделать Риз было то, что некто оказался за его спиной в тот самый момент, когда он выглянул в злополучное окно. Этот кто-то, руководствуясь одному ему известными причинами, подложил зеркало и вновь оставил Риза одного.

«— Зачем?» – спрашивал себя Риз – «Для чего он это сделал?»

Подняв с пола потрескавшееся зеркало и поднеся его перед собой, Риз постарался увидеть отражение через паутину трещин. Увиденное в искажённой поверхности отражение, заставило Риза потерять дар речи, и в следующий миг, тьма поглотила его.

В палате горел свет, и помимо двух дежурных санитар, в помещении был сам Кирилл Генрикович.

– Мне доложили, – говорил доктор – что ты тревожно спал.

– Что? – переспросил Риз.

– В обязанности дежурных санитар входит внешний мониторинг твоего сна. – пояснил доктор – Они заметили, что ты сперва сильно ворочался, затем стал издавать тревожные звуки, а затем у тебя появились признаки сомнилокии¹ Тебя пытались разбудить, но ты не просыпался, вызвали меня и я имел возможность немного пронаблюдать за тобой.

Риз сидел на краю своей кушетки, растирая глаза, ещё не адаптировавшиеся к свету лампы.

– Видишь ли, во многом сон является рекреационным механизмом. Будучи полистадийным процессом, во время сна происходит послойное построение нашей психологической модели, а также формируются устойчивые комплексы наших знаний, памяти и того, что мы называем жизненный опыт.

– Я, кажется, что-то слышал об этой теории. – отозвался Риз, в его голосе не звучало сильного энтузиазма – Но если я не ошибаюсь, всё что касается научного познания о сне, это пока что в большей части гипотезы.

Кирилл Генрикович повернулся к молодому человеку и улыбнулся.

– Видишь ли. Сон это не просто набор образов, картинок или игра воображения. В нашей нервной системе ничего не происходит просто так. То, что ты видишь во сне, это своего рода интерпретация работы нейронов с информацией. Разумеется, что в зависимости о слишком большого количества субъективных психологических факторов, каждый конкретны человек будет видеть «свою картинку» – пояснил доктор – Мы не рассматриваем сон с перспектив аналитической психологии Фрейда, это нас не интересует. Напротив, для нас наибольший интерес представляет нейрофизиология. В твоём случае, как я предполагаю, сон является весьма

информативным процессом. Частые моторно-двигательные возбуждения во время сна могут свидетельствовать о нескольких различных процессах.

– Кирилл Генрикович, – Риз пристально посмотрел на доктора, который предпочёл ответить пациенту снисходительной улыбкой – вы, совершенно очевидно, знаете что-то, что не доверяете мне. Я понимаю, что это вы специалист, и вам должно быть виднее, однако меня эти обстоятельства касаются не в меньшей степени.

Кирилл Генрикович вздохнул, стараясь восстановить своё самообладание, и вновь занять позицию, позволяющую ему говорить менторским тоном.

– Я понимаю, что тебе хочется получать ответы на все вопросы, которые каждодневно становятся перед тобой, с учётом твоей ситуации. Но и ты пойми нас, ты – наш самый первый опыт. До тебя, ещё никто не подвергался нейросинтезу, и соответственно, твой случай, каждодневно, ложится в основу научного познания данной области нейрофизиологии. С какой-то точки зрения, это может воодушевлять, ведь быть первопроходцем – всегда честь. С другой стороны, именно первопроходцам приходится сложнее всего на своём пути, потому что первопроходец оказывается вынужден наступать на самые первые «грабли», совершать ошибки.

Риз задумался над словами доктора, в частности о спорном характере своего положения. Однако, молодой человек обратил своё внимание на совершенно другой аспект:

– Кирилл Генрикович, скажите, не совпадение ли это, что с самого первого дня как я пришёл в сознание, я нигде не обнаружил ни единого зеркала в вашем центре. Я имею в виду, что ни в моей палате, ни в коридорах, ни даже в уборной, нигде нет зеркал. С чем это связано?

Доктор ответил Ризу пристальным, оценивающим взглядом.

– Почему ты вдруг спрашиваешь об этом?

Риз заметил, что доктора либо озадачил его вопрос, а это, в свою очередь, означало, что Ризу удалось нащупать подход к тем сведениям, которые мог скрывать доктор, либо ему пришлось поставить вопрос, ответа на который у доктора попросту не было.

– С недавних пор я задаюсь вопросом, почему меня сознательно лишают некоторых предметов, без которых жизнь, знаете ли не очень удобна. – ответил Риз, даже не пытаясь придать своему голосу дополнительной убедительности.

– Я, пожалуй, распоряжусь, чтобы тебя снабдили зеркалом. – растеряно ответил доктор – Ты верно заметил, что все отражающие поверхности были убраны от тебя подальше. Это было сделано не без причины. Опять-таки, причина во многом заключается в тебе самом, Риз.

Сказав это, Кирилл Генрикович ещё раз посмотрел на часы, и словно отметив про себя ни то время, ни то какой-то иной факт, удалился, оставив Риза наедине с самим собой.

Спустя какое-то время, Ризу в палату принесли зеркало. Санитар внёс средних размеров настенное зеркало, которое держал отражающей поверхностью к себе, и спросил, куда бы Риз хотел его разместить. Молодой человек отмахнулся от этого предложения, сказав, что размещать зеркало не придётся.

– Не стоит беспокоиться, я полагаю, что в скором времени я покину это место.

Санитар растеряно поглядел на Риза, затем пожал плечами, и положил зеркало на кушетку.

– Будьте осторожны с этим. – санитар дал странную, показавшуюся Ризу неуместной, рекомендацию, после чего вышел из палаты.

Риз стоял на том же месте, где его застал санитар, и смотрел на зеркало, которое лежало всего в нескольких метрах от него на кушетке. Отражающая поверхность теперь смотрела вверх, и Риз мог видеть отражение потолка палаты. Понимая, что всего несколько шагов теперь отделяло его от собственного изображения. Риз посмотрел в дверной проём палаты, убедившись, что дежурный персонал был занят собственными делами, и никто сейчас за ним не следил. Не то чтобы молодой человек пытался утаиться от внимания дежурных санитар, просто

ему сделалось неловко от одной только мысли, что молодые люди и одна медсестра могли увидеть его нерешительность перед столь обыденным делом, как созерцание себя в зеркале.

Отведя взгляд немного в сторону, Риз подошёл к кушетки и посмотрел на отражение в зеркале.

Вопреки опасениям, молодой человек не утратил самообладания. С поверхности зеркала на него смотрело отражение человека. Это был молодой мужчина, ориентировочно в возрасте между двадцатью восемью и тридцатью годами. Тёмно-каштановые волосы были уложены в некое подобие причёски, которая казалась несколько причудливой и непривычной, хотя Риз не мог вспомнить, какую причёску он обычно носил. На правой половине головы, от самого темени и до линии лобной кости, пролегал шрам. Это был ещё свежий, розоватый хирургический шов. Очевидно это и было операционным полем, через которое осуществлялось хирургическое, а скорее нейро-хирургическое вмешательство, тот самый нейросинтез, о котором говорил Кирилл Генрикович.

Нижняя челюсть уже успела покрыться многодневной небритостью. Риз провёл несколько раз рукой по подбородку. Затем, молодой человек оскалил зубы, осмотрев, в каком состоянии пребывает его «набор дентина»². Риз примерно оценил собственный рост и комплекцию, которые соответствовали вполне усреднённым показателям, хотя телосложение молодого человека было несколько атлетичным. Риз ещё раз осмотрелся, убедившись в отсутствии чужого внимания, после чего снял с себя больничную сорочку. На туловище не было никаких следов оперативного вмешательства. Однако, в нескольких местах Риз обнаружил очень старые шрамы, которые сильно напоминали последствия пулевых ранений. На шее, на боковой стороне справа, был ещё один шрам, тоже застарелый, но его контур не позволял определить орудие, которым он был нанесён. Риз, в принципе, был склонен полагать, что этот шрам был нанесён холодным оружием.

В общих чертах, Риз остался доволен тем, что он увидел, а именно, молодой человек не испытал ни потрясения, ни чувства отчуждения своего тела. Кирилл Генрикович лишь единожды делал акцент на том, что восприятие его собственного тела может повлечь психологическое отторжение, как побочный эффект после комы. Тем не менее, единственным послевкусием ознакомления с самим собой, осталось ощущение того, что человек, смотрящий на Риза в отражении, был ему одновременно знаком и незнаком. Это ощущение обуславливало неопределённость, но молодой человек предпочёл поверить, что это был своего рода побочный эффект от перенесённой комы.

Вновь Риз пытался найти в интернете сведения, которые могли бы хоть как-то пролить свет на событие, случившееся с ним. Но ничего подобного найти не удавалось, и это обстоятельство беспокоило Риза куда сильнее, чем его облик, кроме того, приводя себя в порядок перед подаренным ему зеркалом, Ризу показалось, что он довольно быстро начал привыкать к своей внешности.

– Я ведь должен был где-то жить? – спрашивал себя Риз, пытаясь вспомнить хоть что-то, связанное со своим жилищем.

– А как я жил? Были ли у меня близкие, возможно жена и дети? – продолжал размышлять вслух Риз, лежа на своей кушетке, позволяя глазам отдохнуть после затянувшейся работы с компьютером.

– Ты жил один. – в палате раздался спокойный мужской голос.

Риз приподнялся на кушетке, чтобы увидеть, в его палату вошёл Максимилиан, первый помощник Кирилла Генриковича. Мужчина очень редко уделял внимание Ризу, и от этого его визит казался неожиданностью.

– Ты, стало быть, задался экзистенциалистскими вопросами, касательно своей жизни. – прокомментировал Максимилиан – Значит дело близиться к выписке.

Риз некоторое время смотрел на психотерапевта, затем сказал:

– Я планирую выписаться послезавтра, с утра. Но вот вдруг обнаружил, что даже не помню, где я жил.

– Ты жил один, в своей квартире, и насколько нам всем известно, у тебя не было ни жены, ни детей, и раз никто за всё время не пришёл к тебе, то стало быть твоя личная жизнь также не была очень яркой.

Риз задумался, затем утвердительно кивнул.

– Мы искали твоих родителей, но выяснилось, что ты сирота. Некоторые документы из детского дома, воспитанником которого ты являлся, нам удалось получить. Но эти сведения не информативны. Сложнее обстоял вопрос с твоим местом работы. У нас, разумеется, есть свои собственные источники, но и здесь нам не удалось найти каких либо, более менее подных сведений. В любом случае, тебе предстоит самостоятельно разобраться с этими вопросами. Кирилл Генрикович надеется, что со временем большая часть твоей памяти восстановится, хотя я бы на твоём месте не стал возлагать на эти ожидания больших надежд.

– Ну, – протянул Риз – ваши прогнозы, напротив, не отличаются оптимизмом.

– Извини меня, если я преумножаю твою печаль, – улыбнулся Максимилиан – но я по своей природе – реалист.

Риз ничего не ответил, слова мужчины казались ему неприятными, смысл этих слов веял холодом и безнадёгой.

– Извини, если мои вопросы покажутся тебе неуместными. – сказал Максимилиан, продолжая пристально смотреть на Риза – Я знал, что твой сон восстанавливается, ты вновь видишь сновидения. Однако эпизоды сомнамбулизма можно интерпретировать двояко. Не мог бы ты рассказать мне о своих сновидениях?

Ризу показалось странным, что впервые за долгое время этот специалист проявил к нему такой интерес.

– Я не уверен, – отвечал Риз – что мои сновидения имели какой-бы то ни было смысл. В частности, это были какие-то смутные сюжеты, если можно так выразиться.

– Сюжеты. – отозвался Максимилиан – Стало быть твои сны это не просто образы?

– Ну, я не уверен, в конце концов, я не уловил какого-то конкретного смысла, понимаете? Максимилиан едва заметно кивнул.

– Я думаю, то, что я вижу во сне, не имеет особого значения...

– Скажи, во сне ты наблюдаешь себя со стороны, или ты участвуешь в происходящем? – перебил Риза Максимилиан, задавая свой вопрос.

– В своих снах, я скорее участник каких-то событий, – ответил Риз – но в тоже самое время, я не уверен, что я являюсь тем, кто я есть.

Максимилиан смотрел как бы сквозь своего собеседника, обдумывая услышанное.

– Очень хорошо, – наконец произнёс мужчина – в таком случае, я был тебе признателен, если бы ты описал, что за события ты наблюдал.

Риз только пожал плечами, пытаясь вспомнить что-то конкретное. Последний свой сон молодой человек не забыл, но вот описывать его словами, было очень сложно. К тому же, несмотря на то, что Максимилиан считал себя большим профессионалом по части психоанализа, находить общий язык с пациентами, был не его конёк. Риз не испытывал особого энтузиазма разговаривать с ним на темы своих снов.

– Я бы с удовольствием вам рассказал, если бы помнил что-то конкретное. – ответил Риз на просьбу Максимилиана – Однако, уже к полудню я, как правило, забываю всё, что видел.

Максимилиан посмотрел на Риза, и после непродолжительной паузы ответил ему едва заметной улыбкой, в которой сам Риз прочитал некоторое пренебрежение.

Уже собираясь покинуть палату, Максимилиан остановился в нескольких шагах от дверного проёма и спросил:

– Твои сны, как тебе самому кажется, имеют ли значение по отношению к твоему прошлому?

Риз задумался, понимая, что давать однозначный ответ было бы опрометчиво, однако и говорить неправду он не хотел.

– Я сторонник такого мнения, – отвечал Риз – что сны во многом являются продуктом нашего воображения, нежели отголосками прошлого.

Максимилиан только кивнул, и вышел из палаты.

Риз, оставшись один, продолжил теперь думать над своими снами. Было нечто странное в том, что этот вот поборник научной теории вдруг снизошёл до личного общения.

На следующий день Риз с самого утра чувствовал себя в несколько приподнятом настроении. После гигиенических процедур и завтрака, молодой человек направился на поиски Кирилла Генриковича. Насколько Ризу было известно, у доктора сегодня была какая-то конференция и вебинар, поэтому до обеда не стоило беспокоить его. Уже во второй половине дня, полагая, что все мероприятия остались позади, Риз шёл по коридору, отмечая, что сегодня ему встречалось гораздо меньше людей. Не было дежурного персонала, отсутствовали врачи, и вообще, складывалось впечатление, будто внимание к его персоне стало остывать. Риз счёл, что это вполне естественное явление, у всех в исследовательском центре была своя работа, а «уникальность» его случая, очевидно, уже вышла в тираж. За очередным поворотом коридора, молодой человек увидел дух человек, идущих рядом друг с другом. Это были мужчина и женщина, они шли в одном с Ризом направлении. В какой-то момент мужчина приобнял женщину, та охотно утонула в объятиях мужчины. Было видно, что они о чём-то разговаривают, но расслышать о чём именно шла речь не удавалось. Темп ходьбы Риза был гораздо быстрее чем темп этой пары, поэтому молодой человек мог бы довольно быстро настигнуть людей, но те исчезли за дверьми, которыми оканчивался длинный коридор. Ризу было известно, что за этими дверьми находилась площадка, с которой можно было вызвать лифты, или же пройти через неё и воспользоваться лестницей. Если на панели вызова лифта набрать номер наземного этажа, что можно было бы оказаться там, где исследовательский центр контактировал с внешним миром – на ресепшине. И Риз понимал, что в этой зоне переходного состояния, разделяющей «стерильный» мир исследовательского центра и внешний мир повседневной жизни ему предстоит очень скоро оказаться.

Выйдя на площадку с лифтами, Риз уже не обнаружил наблюдаемых им в коридоре людей. Минув лифты, которыми молодой человек предпочитал не пользоваться из-за непонятной внутренней брезгливости по отношению к этим устройствам, Риз по лестнице поднялся через два этажа и оказался там, где должен был найти Кирилла Генриковича. Всякий раз, когда доктор отсутствовал в своём кабинете, он либо вообще покидал центр, либо находился здесь, где работали другие исследователи, занимавшиеся ни то аналитической психологией, ни то ещё чем-то. Ризу так ни разу не пришлось напрямую столкнуться с этими специалистами.

Здесь никто уже не носил больничных одежд, в этом не было никакой необходимости, поскольку вся клиническая и лабораторная стерильность оставалась на других этажах.

Сегодня и здесь было не много народу. Риз двигался на звук, доносившейся из кабинета, на двери которого висела табличка «старший специалист-аналитик» Снаружи можно было слышать, как приятный женский голос говорил с кем то, и когда Риз подошёл достаточно близко, ему стало понятно, что женщина общалась по телефону. Решив дождаться окончания разговора, Ризу пришлось стоять всего в нескольких шагах от приоткрытой двери. Это позволило ему услышать некоторые фразы, которые говорила женщина, но молодой человек не нашёл в них никакого смысла. Главным образом женщина выражала своё удивление каким-то предстоящим кадровым перестановкам в исследовательском центре, и её сильно удивляло отсутствие, как она выразилась, «существенных оснований» для таких перемен.

По интонации женщины не представлялось возможным определить точно, как она сама относилась к предстоящим переменам, было только ясно, что эти перемены не стали причиной упадка её настроения.

С какого-то момента, Риз смог понять, что услышанный им разговор имел какое-то отношение к самому Кириллу Генриковичу, поскольку женщина несколько раз назвала должность врача. Женщина, в разговоре, позволила себе сделать короткую, едва заметную ремарку относительно личной трагедии главы исследовательского отдела, и что якобы это обстоятельство не могло не оказать влияния на его восприятие действительности.

Наконец, разговор женщины был окончен, она вернула трубку аппарата в исходное положение.

Риз постучался о косяк двери, женщина в кабинете замерла от неожиданности, но тут же опомнилась:

– Да, чем я могу вам помочь?

– Добрый день, – Риз вошёл в кабинет – я вынужден вас побеспокоить по такому поводу...

Женщина бегло осмотрела молодого человека снизу доверху и безошибочно определила в нём пациента.

– Я ищу Кирилла Генриковича, мы вроде как договаривались, что он примет меня не на долго. – заявил Риз.

– Ах да, вы его пациент... – женщина прикоснулась рукой ко лбу, и о чём-то задумалась – Видите ли, Кирилл Генрикович отсутствует по личным причинам, и я даже не знаю, когда он появится здесь. Будет лучше, если вы подойдёте...

– Нет, понимаете ли, я по поводу моей выписки. Уже завтра я должен выбыть из центра.

Вновь женщина удивлённо посмотрела на Риза.

Женщина была достаточно молодой, одета в строгий, но удобный костюм. Её светлые волосы были собраны в замысловатую форму на затылке, но местами отдельные локоны были высвобождены и свисали, наподобие шёлковых прядей.

– Извините меня, я наверно не правильно всё поняла. – женщина присела за стол, и выдвинула верхний его ящик, принялась перебирать в нём какие-то бумаги – Кирилл Генрикович говорил что-то о вашей выписке, но в вязи с нашей недавней суматохой, у меня это практически из головы вылетело.

Женщина вынула из ящика папку с бумагами, положила её перед собой и раскрыла. Сделав жест, призывающий Риза присесть напротив неё, женщина стала вытаскивать из папки листы.

– Смотрите, здесь Кирилл Генрикович подготовил для вас кое-какие выписки. В частности, здесь отчёт о хирургическом вмешательстве. Ведомость, подтверждающая факт вашего пребывания в нашем центре. Особое внимание на этот документ. – женщина повернула лист лицевой стороной к Ризу – Это перечень имущества, которое было с вами, на момент вашей госпитализации. Вещи вы сможете получить, когда отдадите этот документ администратору на первом этаже.

Риз принял перечень, и тут же посмотрел на напечатанную в нём табличку, каждая строка в которой содержала название определённого предмета. Среди перечисленных вещей была одежда, мобильный телефон, ключи от квартиры. Отдельной строкой были указаны документы, удостоверяющие личность. Здесь говорилось о том, что документы были изъяты органами внутренних дел, и были указаны координаты отдела, куда можно было обратиться за получением документов.

– Насчёт ваших документов, – женщина очевидно заметила, на чём Риз заострил своё внимание – Кирилл Генрикович просил передать, чтобы вы не обращались в указанный отдел, поскольку из-за вашего длительного пребывания в состоянии комы, наш центр был вынужден согласиться с некоторыми формальностями и теперь, на вас будут изготавливаться новые доку-

менты. Похоже, вам по месту жительства придёт информация о состоянии готовности документов.

Риз растеряно кивнул, соглашаясь с получаемой информацией.

– Обратите также внимание на этот документ. – ещё один лист, на этот раз заполненный с обеих сторон, женщина показала Ризу – Здесь Кирилл Генрикович оставил рекомендации для вас, которые вам надлежит исполнять согласно расписанному графику.

Женщина вновь собрала все документы в одну папку, оставив Ризу только документ с перечнем вещевое имущество.

– Скажите, – обратился Риз – нет ли более точной информации, когда Кирилл Генрикович вновь будет на месте?

– Я не уверена, что могу дать такой ответ. – с небольшой натяжкой в голосе ответила женщина – Видите ли, у нас в центре грядут серьёзные кадровые перестановки. Я не должна вам об этом говорить, но думаю, вы имеете право знать. Кирилл Генрикович в ближайшее время покидает пост главы исследовательского отдела.

Риз сильно удивился этому обстоятельству, поскольку доктор был ещё полон сил, и казалось, что не было никаких причин для того, чтобы он покинул свой пост.

Прочтя недоумение во взгляде Риза, женщина всё-таки решила приоткрыть завесу бюрократической таинственности.

– Последнее достижение Кирилла Генриковича оказало существенное влияние на современную концепцию нейрохирургии. Последствия этого мы только начинаем ощущать, и в ближайшее время наш центр готовится расширить этот опыт. Но сам Кирилл Генрикович, как ни странно, изъявил желание покинуть нас. – последовала непродолжительная пауза, в течении которой женщина словно подбирала слова – Место Кирилла Генриковича займёт его первый помощник, вы наверно имели возможность видеться с ним.

Риз сразу же понял, о ком шла речь. На место Кирилла Генриковича, получается, теперь вставал Максимилиан.

– Я, в свою очередь возглавляю отдел аналитики состояния пациентов в постоперационном периоде. – сказав это, женщина очевидно почувствовала, что эта информация в данной ситуации вряд ли была уместной – Меня зовут Елизавета Лурия, я главный клинический психолог исследовательского центра.

Девушка протянула изящную руку через стол, Риз не ожидал такого движения, и несколько мгновений, в растерянности, молодой человек смотрел на протянутую руку. Наконец, справившись с ситуацией, Риз аккуратно пожал руку, после чего Елизавета смущённо улыбнулась.

– Я, видите ли, хотел поговорить с Кириллом Генриковичем перед выпиской, – сказал Риз – но очевидно это уже не возможно. Я был бы не против иметь возможность связаться с ним,

– Я вас понимаю. – участливым тоном ответила Елизавета – Но я не могу предоставить вам такие сведения, особенно с учётом того, что Кирилл Генрикович оставил вам свои подробные рекомендации. Знаете что, давайте поступим следующим образом.

Женщина взяла со стола небольшой, оранжевый листок для записок и принялась на нём что-то выводить. Когда женщина прекратила оставлять записи, она посмотрела на то, что получилось, и протянула листок Ризу.

– Это мой электронный адрес и номер рабочего телефона. Если вдруг вы почувствуете, что вам нужна консультация, свяжитесь со мной. Я думаю, что через какое-то время всё здесь успокоится.

Риз принял предложенный листок, и позаботился о том, чтобы он нигде не затерялся. Поблагодарив Елизавету, молодой человек удалился в свою палату. Пришло время готовиться к убытию.

На следующий день, Риз собрал свои вещи, которые были при нём в палате. Молодой человек был приятно удивлён, когда ему сообщили, что используемый всё это время ноутбук был куплен Кириллом Генриковичем, и отчасти являлся необходимым компонентом для постоперационного восстановления. Теперь же, когда доктор явно был занят какими-то другими, более важными делами, ему совершенно не было дело до отдельного имущества. Разумеется. Никто не сказал Ризу напрямую, что он может забрать этот ноутбук, но никто и не возразил, хотя молодой человек несколько раз поднимал этот вопрос.

В конце концов, Риза проводили на первый этаж, где он ожидал приёма у администратора. Это была деловитая женщина средних лет, утратившая добрую часть своей остроты зрения и теперь носившая очки сильными увеличивающими линзами. Женщина ознакомилась с перечнем имущества, которое подлежало выдаче Ризу, и вскоре вещи вернулись своему владельцу. Молодой человек некоторое время смотрел на вещи, одежду, ощупывал их, явственно представляя, как бы он мог выглядеть, будучи одет во всё это. Станным молодому человеку казалось и то, что вещи выглядели достаточно новыми, единственное, что отличало их от ни разу не ношенных вещей, так это их помятость. И хотя при получении одежды, Риз видел, что все вещи в центре хранились весьма аккуратно и бережно, после извлечения одежды из чехла, складывалось впечатление, будто кто-то сознательно приложил усилия для того, чтобы на джинсах, куртке, флисовой кофте, появились многочисленные складки. Однако цвет вещей выдавал в них их новизну, столь яркими были оттенки, будто одежда была куплена и сразу же сброшена в чехлы для хранения. Ещё более странно дело обстояло с обувью. Это была пара увесистых кожаных ботинок с завышенным голенищем, на коричневых шнурках. Обувь попытались состарить таким образом, что на том месте где стопа принимает естественный изгиб при ходьбе. Образовались глубокие складки-борозды, однако ни оттенок кожи, ни тем более яркость коричневых шнурков, не походили на обувь, которую относили хотя бы один единственный сезон. Риз откуда-то вспомнил то обстоятельство, что в городе, каждую осень и зиму тротуары и проезжую часть посыпают реагентом, предотвращающим образование излишнего льда. В результате, все дороги остаются серыми, грязными и липкими, от вступившего в реакцию со снегом реагента. Достаточно одного сезона не регулярной носки кожаной обуви, чтобы та потеряла свой покупной лоск. С этими ботинками всё обстояло иначе, но более всего, их выдавала подошва. Протектор толстой подошвы был как новый ни единой потёртости, это могло означать только то, что эту обувь фактически не носили, однако кто-то прикладывал не малые усилия чтобы заставить вещи выглядеть старше, чем они были на самом деле.

Риз оделся и ещё какое-то время смотрел на себя в зеркало, одежда сидела хорошо, размеры идеально подходили, но при всём при этом, странное чувство какого-то несоответствия не покидало Риза.

– Вы получили полный пакет документов. – раздался женский голос откуда-то позади, и Риз, обернувшись, увидел Елизавету Лурию, стоявшую в вестибюле– У вас несомненно могут появиться вопросы, поэтому не стесняйтесь нас побеспокоить. Я, со своей стороны, обещаю, что сообщу Кириллу Генриковичу о вас, как только такая возможность представится.

Риз неуклюже поблагодарил женщину. Ещё немного времени ушло на то, чтобы прочесть адрес дома и посмотреть на ключи от квартиры, которые были вместе с хранимыми вещами. Такси не заставило себя долго ждать, и молодой человек уже совсем скоро стоял у подъезда жилого дома, где находилась его квартира.

Оказавшись перед дверью квартиры, Риз без труда открыл замок входной двери, и оказался лицом к лицу с темнотой. С самой прихожей веяло запустением, квартира оставалась необитаемой достаточно долго. Ризу предстояло заново наполнить помещение жизнью.

Если в относительно небольшом количестве жилых квадратных метров и есть какое либо преимущество, так это то, что нет никакой необходимости по долгу обживать их. Уже спустя

три часа, Риз превосходно себя чувствовал на новом месте, которое в принципе новым и не было.

Первым делом Риз освоился на кухне, что было не сложно, поскольку вся имевшаяся посуда присутствовала в количестве, чтобы удовлетворить потребности одного единственного обитателя квартиры. Приготовив себе чай, который тоже благополучно был найден на кухне, Риз принялся исследовать другие помещения. Из мебели в квартире был только складывающийся диван, который мог в перспективе трансформироваться в двухместный, но оставался в собранном виде. Ещё был шкаф для одежды, с несколькими горизонтальными полками. В качестве стола, рядом с диваном стоял газетный столик, невысокий и удобный, чтобы за ним работать сидя на диване.

Из техники, в углу гостиной стоял покрывшийся несколькими слоями пыли пылесос. Был ещё один ноутбук, и Риз, обнаружив девайс, первым делом бросился к нему, надеясь, что включив устройство, он сможет найти если и не полную информацию о себе самом, то хотя бы отдельные сведения, которые могли бы пролить свет на некоторые обстоятельства. Однако, компьютер запустившись, вывел на дисплей сообщение о отсутствии жёсткого диска. Риз выключил аппарат, поставив на столик ноутбук, который он принёс с собой из центра.

Отсутствие в доме телевизора свидетельствовало о том, что в своей прошлой жизни Риз предпочитал самостоятельно искать информацию. Однако на данный момент, одиноко лежащий на полу кабель – витая пара, тянулся из прихожей, вдоль стены, к газетному столику. Всё указывало на то, что именно здесь было что-то вроде рабочего места Риза. Прежде чем выйти в Интернет, Риз принялся изучать содержимое шкафа, на горизонтальных полках которого он надеялся найти какие-нибудь документы, но там ничего не было.

Чувство голода заставило молодого человека приготовить себе ещё чаю, холодильник был пуст и отключен.

Ещё в центре, в ходе многочасовых работ с Кириллом Генриковичем, Риз усвоил некоторые принципы работы с электронными сервисами, пользоваться которыми было практически необходимо в современном мире. Доктор делал особый акцент на тех аспектах, которые составляли неотъемлемые элементы жизни человека, и без которых Ризу пришлось бы туго. Кирилл Генрикович подчёркивал важность понимания фундаментальных принципов жизни в обществе, и размышляя теперь над этими незамысловатыми уроками, Риз пришёл к выводу, что ему требуется в ближайшее время позаботиться о возобновлении того образа жизни, стереотип которого ему преподносился в качестве ориентира.

В соответствии с этим стереотипом, молодой человек должен был в ближайшее время найти работу, разобраться со своими правоустанавливающими документами и войти в стандартную колею жизни большинства людей. Однако, Кирилл Генрикович утверждал, что поспешные попытки подстроиться под эту реальность не принесут никакого желанного результата, и только напротив, способны принести больше вреда. Доктор в своих рекомендациях, которые теперь Риз развернул и внимательно читал над газетным столиком, настоятельно рекомендовал молодому человеку не торопиться с решениями этих вопросов. Следуя рекомендациям, Ризу следовало бы следующие две-три недели посвятить тому, чтобы пройти через так называемые «фильтры общей социализации». В качестве конкретных советов, Кирилл Генрикович рекомендовал Ризу посещать места скопления большого количества людей. Сперва молодому человеку следовало присутствовать в таких местах только в качестве пассивного наблюдателя, что позволит ему научиться анализировать социально-психологическую обстановку коллектива. Затем, после того как Риз смог бы чувствовать себя более комфортно в обществе большого количества людей, он мог бы попробовать устанавливать контакты с незнакомыми ему людьми, на основе проведённого анализа.

Сам Риз, в свою очередь, принял решение совместить выполнение рекомендаций с выполнением необходимых условий его дальнейшей жизни.

Следуя рекомендованному принципу, Риз отыскивал свободный лист бумаги, и вооружившись ручкой, сел за начертание плана своего грядущего дня. Назначая время, молодой человек понимал, что с большой долей вероятности он не станет соблюдать эти условности с такой пунктуальностью, но факт наличия плана придавал ему уверенность, и вскоре, Риз уже отходил ко сну, прощаясь с прожитым днём, и в некоторой степени предвкушая день грядущий, который, как ему казалось, готовил плацдарм для множества любопытных открытий. Риза несколько не смущало то обстоятельство, что эти открытия ему предстояло сделать повторно.

Глава 2.

Риз обнаружил, что за период своего «отсутствия» его не покинули некоторые привычки. Так, например, установив будильник на половину седьмого утра, Риз проснулся буквально за десять минут до назначенного будильнику момента.

Риз только теперь понял, что раннее пробуждение не имели никакого смысла, потому как отсутствовала сама необходимость в таких пробуждениях. В отличие от тех людей, которые уже наполняли собой улицы, двигаясь в противоположных направлениях, Риз не был обременён трудовой рутинной, и после того как молодой человек позавтракал чашкой кофе, он ощутил себя песчинкой, выброшенной из общего потока.

За окном было ещё темно, но с приходом потоков людей,двигающихся как пешком, так и на автомобилях, темнота наполнялась причудливым светом, создаваемым уличными фонарями, фарами автомобилей и дисплеями мобильных телефонов в руках прохожих. Большинство прохожих на улице были целиком поглощены своими мобильными девайсами, словно погружены в собственный мир, с которым не желали расставаться.

Наблюдаемая из окна картина могла бы показаться даже очаровательной, если бы не звуковое сопровождение в виде рёва сотен двигателей и периодические пронзительные гудки. Молодой человек наблюдал, как люди, путешествия в своих стальных коробках на колёсах, использовали средства звукового оповещения далеко не по назначению, чтобы предотвращать аварийные ситуации. Напряжённость и нервозность заставляли людей использовать гудки как инструмент коммуникации.

Закрыв форточки, чтобы заглушить шум просыпающегося города, Риз уселся в единственное кресло в квартире и задумался относительно своего грядущего дня. Было ясно, что в ближайшие часы за порогом квартиры ему делать было нечего. Поэтому молодой человек включил компьютер, проследовал на один из местных информационных порталов, где можно было ознакомиться с обстановкой в городе и получить некоторую информацию местного значения.

На городском сайте Риза встретил заголовок, выделенный красным цветом, с пометкой в виде небольшого знака молнии, что указывало на срочный характер конкретной новости.

Заголовок гласил:

«Страшное ДТП случилось минувшей ночью в пригороде, когда потерявший управление над своим транспортным средством водитель крупного большегруза выехал на встречную полосу, тем самым заставив двигавшийся по встречному направлению легковой автомобиль выскочить на тротуар. Водитель легкового автомобиля столкнулся с фонарным столбом. В салоне транспортного средства находились трое человек, взрослые мужчина и женщина, и их четырёх годовалая дочь, которая вопреки требованиям безопасности, не находилась в детском удерживающем кресле. Родители отделались лёгкими ушибами, а ребёнок получил серьёзные травмы и был доставлен в отделение неотложной терапии областной детской больницы. В настоящее время состояние ребёнка оценивается как тяжёлое стабильное»

Далее, журналисты давали собственную оценку случившемуся, приводили короткую выжимку из интервью с местным главой ГИБДД, который настоятельно рекомендовал перевозить несовершеннолетних детей в удерживающем кресле.

Риз ещё раз посмотрел на составленный накануне перечень дел, уделяя внимания списку необходимых вещей, которые ему предстояло купить. Далее, Риз задался вопросом, где именно он мог бы приобрести все эти необходимые в быту предметы. За окном можно было видеть различные магазины, их яркие вывески, рекламные слоганы с приглашениями участвовать в акциях, пользоваться скидками и так далее. Однако, Ризу казалось интересной перспектива подольше побродить по городу, особенно с учётом пока ещё благоприятных погодных условий.

Пользуясь городским навигационным сервисом, Риз выбрал несколько магазинов, расположенных достаточно далеко от его дома. Затем, проследовав на сайты этих магазинов, молодой человек убедился, что там он сможет купить всё, что ему было нужно.

Протяжённые транспортные маршруты, перспективы увидеть совершенно другие районы города, всё это воодушевляло Риза. Спустя пару часов, когда на улице поутихло движение и утренние людские потоки наконец рассеялись по офисным зданиям, стало светать, и Риз вышел из дома. Он глубоко вдохнул, воздух был холодным, но не морозным, а небо стало пурпурным, ознаменовав рассвет.

В течение дня, Риз не без удовольствия путешествовал по городу. Он вернулся домой после первой поездки, затем не смог удержаться и вновь отправился на прогулку. Когда практически все пункты его списка важных дел были выполнены, Риз предпочёл провести время на улице, просто предаваясь наблюдениям. Молодого человека удивляло то обстоятельство, что все те социальные явления, которые ему встречались в течении дня в самых различных контекстах, находили отражение в его сознании лишь на основании тех сведений, которые Кирилл Генрикович настойчиво ему прививал. Риз пытался найти какие либо корреляции наблюдаемого со своим личным опытом, но на этом поприще он не преуспел. Иными словами, он чувствовал, что воспринимаемые им явления окружающей действительности были привиты ему извне, и он не ощущал никаких связей, если бы ему доводилось проживать, ощущать эти явления в своём прошлом.

Кирилл Генрикович утверждал, что некогда пережитое, воспринятое и превращённое работой сознательного аппарата в опыт, будет находить свои пути на поверхность по мере того, как Риз будет погружаться в окружающую действительность. Но на практике, этого эффекта не происходило, и Ризу с одной стороны было весьма интересно получать новый опыт, с другой стороны, иногда он ощущал себя скорее сторонним обществом наблюдателем, нежели элементом этого общества.

– Был ли я человеком толпы? – спросил себя Риз, задавшись вопросом о том, где бы он чувствовал себя более комфортно, в толпе или за её пределами.

Риз обнаружил, что на этот вопрос у него не было однозначного ответа, и скорее склонность к пребыванию в толпе стоило расценивать как любопытство, явление временное.

Несколько раз он замечал, что люди, за которыми он с любопытством наблюдал, обращали на него внимание, и характер обнаруживающих взглядов тут же вызывал у молодого человека ощущение неловкости какого-то непонятного дискомфорта. Это чувство, само собой, заставляло Риза делать вид, будто бы он заглядывался на нечто иное, или что он был занят какими то своими мыслями, иными словами – имитировать непричастность к тому, за чем его застали.

К вечеру, следуя указаниям навигатора, Риз вышел на пешеходный сквер города, где можно было прогуливаться между различными причудливыми витринами, и большое количество людей, гуляющих здесь, было поглощено атмосферой праздности. Этим людям не приходилось относиться слишком уж подозрительно к другим гражданам, слоняющимся без дела.

Отлитые из бронзы, карикатурные статуи стояли в самых разных местах сквера, изображая различных известных персонажей отечественного кинематографа и литературы. Риз подходил к скульптурам, смотрел на них, смотрел на людей, которые без конца фотографировались с этими изваяниями. Здесь можно было услышать отдельные интересные реплики,

которыми обменивались люди, которые, так или иначе, касались прошлого страны и её настоящего. Некоторых персонажей, изображённых в скульптурах, Риз узнавал легко и следуя по этим вспышкам, ему удавалось извлекать какие-то обрывки информации, которые очевидно покоились глубоко в его памяти.

Присев на одну из свободных лавочек, Риз погрузился в раздумья.

«— Если отдельные образы, имеющие не только индивидуальное, но и сильное социальное значение могут провоцировать такие воспоминания, то не следует ли мне посетить такие места, где специально собраны подобные экспонаты?» – Риз подумал о музеях, выставочных галереях и различных мероприятиях, так или иначе связанных с какими либо событиями или образами.

В интернете Риз нашёл ссылки на различные мероприятия, и стал просматривать их названия. Среди различных выставок и презентаций, внимание молодого человека привлек заголовок «Открытая конференция нейрофизиологов». Молодой человек решил, что имело бы смысл посетить это мероприятие, поскольку тема представляла непосредственный интерес. Помимо конференции, Риза привлекли и несколько других мероприятий, вход на которые был свободен в дневное время, когда большое количество народа не ожидалось.

Впоследствии, Риз несколько дней подряд посещал различные выставки, в ходе которых он обнаруживал неподдельный интерес к раскрываемым темам. Одна из таких выставок была посвящена экзотическим народностям Непала и южной Азии. Риз сам не был уверен, почему эта тема показалась ему столь интересной, но его ожидания оправдались. Кроме того он обнаружил, что данное мероприятие пришло посетить достаточно большое количество самых разных людей, среди которых было множество деятелей имевших непосредственное отношение к различным отраслям науки.

Речь на выставке шла о малоисследованных территориях на границе между Непалом и королевством Бутан, где из-за территориальных и политических особенностей, сформировался конгломерат самобытных племён, исповедовавших собственные религиозные течения, отличавшиеся крайней степенью эзотерики и в некотором роде – экстремизма. Данные народности не проявляли никаких признаков экспансивного развития, скорее наоборот, они жили уединённо, не допуская чужаков на свои территории. Даже представители Непала и Бутан не находили достаточно доверия у людей, которых называли «отречёнными». Индийские исследователи и краеведы сообщали о пристрастии малоизученных народностей к отправлению культа, который не исключает человеческих жертвоприношений некоему божеству, связанному с природой, являющейся воплощением самого пантеона богов для местных жителей. Некий индийский этнолог, добившийся существенных успехов в изучении одной такой народности, и даже получивший доступ на территорию её обитания, теперь разъезжал по свету, занимаясь научно-просветительской работой, рассказывая про столь экзотические уголки мира, что публика буквально с первых предложений оказывалась захваченной неподдельным интересом и буквально замирала, слушая лектора.

Риз сам очень быстро обнаружил интерес к тому, о чём шла речь. Молодой человек смог занять место в первых рядах, и теперь он отчётливо видел невысокого, уже пожилого человека, элегантно одетого в недорогой костюм. Худощавое телосложение лектора заставляло его элегантный костюм висеть на нём как на вешалке, но когда лектор опустил в кресло, сложил руки на груди, он тем самым нивелировал этот визуальный эффект. В руке лектор держал еле заметный пульт управления проекционного телевизора, а за его спиной располагался широкий экран. Когда в зале приглушили свет, на экране стали появляться слайды, часть из которых отображала различные схемы, таблицы и искусственные изображения, а некоторые слайды представляли самые настоящие цветные фотографии в хорошем качестве. Лектор степенно вёл своё повествование, сопровождая каждую заслуживающую визуализации деталь отдельным слайдом.

Лектор рассказывал главным образом о своём опыте жизни и исследовании в закрытом для цивилизации городе, расположившемся на стыке Непала и королевства Бутан, в заросшем мангровыми джунглями нагорьях. Лектор не упускал из внимания ни климата, ни природных особенностей местности. Когда, наконец, подробный рассказ подошёл к более детальному описанию уклада жизни таинственной народности, на широком экране появилось изображение – фотография, на которой можно было видеть вытесанные в горном камне скульптуры, частично закрываемые ветвями неизвестных деревьев.

С первого же взгляда на эту фотографию Риз испытал неподдельное потрясение, заставившее его буквально подскочить на месте. Оторвавшись от сиденья на доли секунды, Риз опомнился и вернулся на место, ловя на себе растерянные взгляды окружающих.

Лектор объяснял, что на снимке были изображены отдельные скульптуры, вырезанные в камне, в скале, в месте неподалёку от таинственного города, служившего местом отправления местного культа. Кадр за кадром, лектор показывал аудитории снимки места, которое само по себе не могло не увлекать общественность, традиционно падкую на любые детали, овеянные вуалью оккультизма и эзотерики. В это самое время Риз испытывал абсолютно иные чувства, видя кадры, которые лектор привёз с собой из своего путешествия, молодой человек не мог поверить своим глазам. Места и объекты, запечатлённые на фото, казались Ризу до боли знакомыми, как если бы ему уже доводилось видеть всё это.

Сперва Риз попытался взять себя в руки, и сделав несколько глубоких вдохов, мысленно устранившись от голоса лектора и ощущения присутствия других людей вокруг себя, молодой человек попытался найти логическое объяснение своему ощущению. Сперва Риз подумал, что эти кадры могли быть увидены им в сети, за все те дни, что он проводил, едва отрываясь от дисплея компьютера. С другой стороны, сам лектор утверждал, что представляемые им кадры являлись уникальными и ещё не были нигде опубликованы. В зале, во время этой лекции, зрителям запрещалось вести съёмку, чтобы избежать утечки кадров. Всеми этому находились как чисто научные, так и чисто меркантильные объяснения, было вполне очевидно, что учёный-индус намеривался посетить ещё не одну площадку, со своей презентацией.

Однако чем больше фотографий видел Риз, тем настойчивее становилась мысль о том, что его воспоминания не имели ничего общего с фотографиями, со статичными изображениями – запечатлёнными моментами времени из прошлого. Когда на очередном слайде появилась фотография, на которой крупным планом была запечатлена некая храмовая площадь в скальном ущелье, стенам которого, искусственным путём, были преданы овальные очертания, Риз всмотрелся в фото настолько пристально, насколько ему позволяло его зрение. Закрыв глаза, Риз обнаружил, что изображение вовсе не исчезло, напротив, оно словно отделилось от плоскости широкого экрана, становясь при этом объёмным. Риз не мог в этот момент с точностью сказать, или это изображение стремилось расшириться, вернув себе своё измерение и поглотить его, или это он сам проникал в изображение, получая возможность слиться с тем, что было изображено. В определённый момент он ощутил дуновение тёплого, необычно тёплого ветра на своём лице. Воздух был тёплым и влажным, неся в себе аромат смеси растительности разных видов. Ещё одно мгновение, и к всеобъемлющей картине присоединились звуки. Сперва непонятный гул, но вот уже и он получил свою детализацию, став песней ветра, дующего в высокогорьях, меж острых скал. Риз видел перед собой ущелье, он сам стоял в этом ущелье, которое было превращено стараниями неизвестных каменотёсов в храмовую площадь. В отдельных местах, в самом камне были вытеснены фигуры, они были исполнены без должного мастерства, но понять отдалённый их смысл было не так уж сложно. Вся эта композиция была уже знакома Ризу, её мельчайшие детали так и не покинули его памяти с момента прошлого видения. Центр храмового комплекса, который представлял из себя каменный диск, был уложен на земле. Риз мог видеть, что поверхность каменного диска не была гладкой, на

ней были многочисленные борозды, узоры и символы, оставленные теми же мастерами, чьими руками были выполнены и остальные изображения в камне.

С противоположной стороны ущелья, как бы на противоположном направлении к центральному изображению, была вырезана ещё одна фигура. Она была антропоморфной, примерно такого же размера, что и фигура человека в причудливом головном уборе на противоположной стороне. Разница, тем не менее, была в том, что одинокая фигура на противоположной стороне была изображена в другой позе. Здесь, она словно возносила руки вверх, и не было ясно, что означал этот жест.

Следуя взглядом по поверхности скалы, туда, к чему якобы воздевала руки фигура, Риз увидел ещё одно изображение. На этот раз это был некий неодушевлённый предмет, имевший куполообразную форму. Предмет изображался будто-бы установленным на каком-то значимом месте, и его поверхность была покрыта непонятной вязью символов, причудливым образом соединённых друг с другом.

Молодой человек огляделся, словно опасаясь, что кто-то мог оказаться позади него, но никого вокруг не было. Риз увидел как единственная вытоптанная в грубой почвенной поверхности тропа, приведшая его сюда, исчезает в пол сотни метров от него.

Только теперь Риз ощутил, что помимо шума ветра, он также слышит ещё что-то, доносящееся откуда-то сверху. Это был странный, нарушающий общую гармонию звук. Задржав голову кверху, Риз не сразу понял, что он там увидел. Ему пришлось сильно прищуриваться, и долго всматриваться в источник звука, но ещё до того, как он смог хорошо разглядеть пространство там наверху, Риз понял, чем являлся источник странного, нервирующего звука. Это были птицы, а точнее говоря, великое множество птиц, суетливо порхая из стороны в сторону, они словно не знали усталости, кружили в небе над скалами, издавая пронзительные, скрипоподобные крики, которые дополнительно отражались эхом от скальных стен, усиливая гнетущий эффект. С того момента, как Риз понял, что это именно птицы являются источником пронзительных криков, молодой человек ощутил некое отвращение к этим пернатым созданиям, вспомнив, как в предыдущий раз, их крик буквально пронизывал его сознание, сводя с ума.

Внезапно, сквозь птичий гомон, Риз различил звуки голосов, стремительно приближавшихся со стороны мангрового леса. Очевидно, источники голосов двигались по тропинке, и преследовали какие-то вполне конкретные цели. Риз поспешил отыскать укрытие, и сам того не заметил, как углубился в ущелье. Здесь же молодой человек обнаружил проход, несомненно, искусственного происхождения, ведущий куда-то вглубь скалы. За неимением иных путей, Риз последовал по проходу, который оказался длинным и узким коридором, вырезанным в скале, со свода которого то и дело что-то капало. Наконец, Риз увидел впереди свет, и постарался поспешить выйти в него. Однако ему сложно было передвигаться быстрее, непонятная усталость навалилась на молодого человека. И ещё, Риз только теперь заметил, что даже в толще скалы, он продолжал отчётливо слышать крики птиц, которые становились всё сильнее.

Выйдя из коридора, Риз обнаружил, что усилению громкости птичьего гомона было вполне понятное объяснение, двигаясь по узкому коридору, молодой человек не заметил, что он фактически поднимался вверх. Именно поэтому протяжённость коридора показалась ему столь долгой, проход был вырезан в форме винта, чтобы по нему можно было добраться до специального помещения в скале, куда Риз и попал.

Здесь ветер был сильнее, и приносил некоторую свежесть, чего нельзя было ощущать в низине. Риз с первых же мгновений заметил, что пространство, в котором он оказался, было создано скорее всего теми же ремесленниками, которым принадлежали резные изображения на скальных стенах внизу. Здесь, на стенах были уже другие, более сложные изображения, хотя и выполненные тем же незамысловатым методом. Риз видел, что в дальней стене открывался проход, через который можно было попасть в другое помещение. Он хотел было пройти во второе помещение, чтобы исследовать пространство, но его внимание привлекло появление на

храмовой площади людей, которым принадлежали те странные голоса, заставившие его искать укрытия.

Это была группа из восьми человек, каждый из которых был облачён в суконное одеяние, приспособленное при помощи перевязей таким образом, чтобы людям было удобно передвигаться через густые лесные заросли. Та экспрессия, с которой действовали эти люди, свидетельствовала о крайней степени эмоционального возбуждения. Их кожа имела смуглый оттенок, каждый из них имел худощавое телосложение. Накоротко остриженные волосы мужчин были чёрного цвета, вокруг лба каждого из них была повязка с изображением каких-то символов. В руках у четырёх из шести человек было древковое оружие, снабжённое примитивными железными наконечниками, что делало это оружие очень схожим с копьями. Ещё двое мужчин держали в руках огнестрельное оружие, и присмотревшись как следует, Риз различил автоматические винтовки.

Мужчины рассредоточились по храмовой площади, они громко кричали друг другу, делали какие-то жесты, обходясь практически интуитивным пониманием. Наконец на тропе, поднимающейся от леса, появилась вторая группа людей, примерно той же численности, однако эти люди уже были безоружны, не считая длинные древки в руках некоторых мужчин. Первым здесь вышагивал высокий, примерно на пол головы выше своих соплеменников, мужчина, чьё одеяние выделяло его на фоне соплеменников. В принципе, на этом мужчине была одежда из того же материала, что и у других мужчин, но вместо повязки на голове, голову этого мужчины украшал какой-то специфический головной убор. Ещё одним примечательным атрибутом этого человека был цвет его кожи, в отличие от всех остальных мужчин, цвет кожи этого высокого человека был более светлым, из-за чего его было легко различить в толпе окружающих его людей.

Вторая группа людей вела под руки мужчину, в ободранной одежде. Его незащищённые льняной материей плечи были сильно оцарапаны о ветви густого леса, босые ноги невольника были сбиты в кровь.

Удерживаемого за руки мужчину подвели к высокому статному человеку, который остановился на каменном диске, в самом центре храмовой площади. По едва заметному жесту высокого мужчины, на площади воцарилась тишина, если не считать всё усиливающегося гомона птичьих голосов. Удерживаемый за руки мужчина тяжело дышал, его ноги подкашивались, было очевидно, что перед тем как его притащили сюда, он претерпел серьёзные физические страдания. Со своей позиции Риз не мог видеть достаточно отчётливо, но кровавые следы на теле невольника были хорошо заметны.

Сделав ещё один жест, высокий мужчина приказал, чтобы один из вооружённых копьём людей, подошёл к невольнику и сорвал с его головы повязку. После этого, молчание нарушил высокий мужчина, и вновь несурзная речь звучала в ущелье. Когда высокий закончил говорить, собравшиеся люди издали какие-то дикие вопли, при этом собравшиеся смотрели в небо, совершали жесты, носившие явно ритуальный характер.

Удерживаемый мужчина, при этом, стал что-то бормотать, но из-за шума, его голоса не было слышно. Следующим шагом стало то, что высокий сошёл с каменного диска, остановившись напротив всей группы. Те люди, которые удерживали невольника, протащили мужчину на каменный диск. Невольник практически не оказывал никакого сопротивления. Наконец, невольника отпустили, и мужчина рухнул на подкосившихся ногах на каменный диск. Все эти действия сопровождалось бормотанием стоявших по периметру площади людей с оружием.

Невольник сам, медленно перевернувшись на спину, улёгся на каменный диск, лицом к небу, раскинув руки и ноги. Те люди, которые до этого держали невольника, теперь расправили его ноги и руки таким образом, что он теперь напоминал знаменитый образ Витрувианского человека³ Мужчина смотрел прямо в небо, и Риз мог видеть из своего укрытия, как двигались губы мужчины в безмолвной речи ли молитве.

Сам Риз наблюдал за происходящим затаив дыхания, и несмотря на всю невообразимость происходящего, он ясно представлял себе, к чему шло дело. Его фантазия уже извлекла откуда-то образы о жертвоприношениях, свойственных диким племенам или религиозным сообществам. Но всё это было лишь отдельными фрагментами, имевшими под собой больше надуманного, в то время как теперь, перед его глазами готовился свершиться настоящий акт дикости, впечатления от которого усугублялось ещё и тем, что Риз не мог найти никакого логического объяснения происходящему. В какой-то момент, ему показалось, будто невольник, обильно кровоточащие руки и ноги которого уже были закреплены острыми железными штыками на каменном диске, смотрел прямо на него. Ризу показалось, будто приготовившийся умереть в угоду неведомому верованию, человек теперь видел его, неизвестно откуда взявшегося здесь чужака. И что в этом обстоятельстве казалось Ризу особенно чудовищным, так это впечатление от того, будто эти предсмертные слова, беззвучно слетавшие с уст обречённого, в одной ему ведомой молитве, словно были адресованы самому Ризу, совершенно непричастному, бесильному в своём стремлении помочь, предотвратить страдания несчастного. Даже со столь значительного расстояния, Риз не мог выдержать на себе этот взгляд, он наконец закрыл глаза, отступил к дальней стене скальной комнаты, пока спиной не коснулся шершавой поверхности нагретого камня. Ещё некоторое время, закрыв глаза, Риз не мог отделаться от наблюдаемой только что картины, всё, что теперь мог слышать молодой человек, был крик множества сотен птиц, казалось, они были готовы единым шквалом ворваться в эту скальную залу, служившую Ризу временным укрытием.

Оставаясь в таком, условно закрытом от происходящего положении, Риз усилием воли подавил в сознании отпечатавшуюся картину с обречённым на каменном диске, в преддверии бессмысленного жертвоприношения. Где-то там, внизу, несчастный невольник продолжал беззвучно взывать своими молитвами к воспитанному в нём самом невежестве, наверное, даже до конца не осознавая, что именно это невежество, превратившееся в слепую веру, обрекло его на мученическую смерть.

В какой-то момент, Риз услышал, истошный вопль человека. В первые секунды Риз надеялся, что страдания невольника не продлятся долго, однако вопль не утихал, сливаясь с криком птиц в немыслимую, безумную какофонию. Наконец, не в силах выносить этого звука, Риз раскрыл глаза, чтобы увидеть, что он по-прежнему сидит в кресле в конференц-зале. Он сидел в своём кресле, впившись обеими руками в твёрдые пластиковые подлокотники, плотно прижавшись спиной к спинке кресла. Вокруг него большинство других посетителей конференции теперь встали и громко аплодировали лектору, который благодарно принимал град аплодисментов. За его спиной, на широком экране застыл финальный слайд с надписью «The End», которая была сделана на фоне живописного ущелья, основания которого имело округлую форму, а стены скал были покрыты резьбой. Это была храмовая площадь, та самая, которую только что видел Риз. Ещё до того, как молодой человек мог бы удивиться этому обстоятельству, в зале зажегся свет, унося с собой всю атмосферу презентации, делая экран тусклым и не выразительным.

Оставаясь в своём кресле, Риз не заметил, как кто-то подошёл к нему сзади, и только когда мягкая ладонь осторожно легла на его плечо, молодой человек обернулся и увидел стоявшую рядом женщину, в которой он не сразу узнал уже знакомую ему Елизавету Лурию. Наверное, из-за того, что женщина была одета не в медицинский костюм, а её волосы не были собраны на затылке в незамысловатую причёску, которую она носила в исследовательском центре, Ризу потребовалось несколько затянувшихся мгновений, чтобы понять, кто перед ним стоял.

– Я вас ещё с самого начала заметила. – сказала женщина, едва заметно улыбаясь Ризу
– Я сидела позади вас.

Риз посмотрел в направлении куда кивнула Елизавета, словно это имело какое-то значение.

– А я вас не заметил почему-то. – ответил Риз, обретая уверенность услышав собственный голос. Звук собственного голоса словно позволял Ризу установить некую зыбкую связь с реальностью.

– Я вообще-то не ожидала увидеть здесь хоть кого-то из знакомых, а увидев вас, была сильно удивлена. – говорила женщина, старательно подбирая слова – Не поймите неправильно, просто мне казалось, что такие вот конференции – самое последнее место, куда человек в вашей ситуации мог бы пойти.

– Ну, – отвечал Риз – моя ситуация не обязательно исключает интерес к знаниям. К тому же я уже прошёл этап вырисовывания кружков и квадратилов на бумаге, теперь вот могу что-то посложнее попробовать.

Елизавета рассмеялась, обрадовавшись тому, что Риз сам нивелировал возникшее неудобство от её высказывания.

– Вам понравилось? – спросила Елизавета.

Риз посмотрел туда, где ещё минуту назад был лектор и широкий экран проектора, сейчас там не было ни того ни другого.

– Я имею в виду лекцию. – уточнила женщина – Вы увлекаетесь этнологией или...

Риз понял, что на этот раз нужно что-то ответить, и ему почему-то захотелось сказать, что он будто бы увлекался какой-либо наукой, но в тоже самое время, он прекрасно понимал, что подобный манёвр мог бы поставить его в дурацкое положение, в конце концов, ложь всегда рушится на мелочах.

– Я не то чтобы увлекаюсь наукой, просто в последнее время я несколько иначе взглянул на значение познания мира.

Елизавета ответила молодому человеку улыбкой, давая понять, что она уловила смысл его слов, хотя сам Риз был не вполне уверен, насколько он сам понимал этот смысл.

– А вы ведь один сюда пришли? – спросила Елизавета – Я имею в виду, что я не видела никого рядом с вами. Зал закрывают, если бы вам хотелось, мы могли бы...

Риз не позволил женщине растеряться, и как только Елизавета не смогла закончить последнее предложение, молодой человек добавил:

– Перенести наш разговор куда ни будь ещё. – в ответ, Елизавета вновь улыбнулась.

Спустя двадцать с небольшим минут, в течение которых Риз во-первых, позабыл о пережитом во время лекции видении, а во-вторых был вынужден испытывать некоторое волнение от казавшегося ему непривычным опыта общения с малознакомым человеком, молодой человек и женщина оказались уже в другом заведении, которое, впрочем, находилось в том же самом здании, что и конференц-центр, только с другой стороны улицы. Это был ресторан, название и оформление которого заявляло о австрийской кухне, но в меню и блюда и напитки не имели ничего общего с Австрией и вообще не носили никакого этнического характера.

Риз заказал какое-то лёгкое блюдо, и безалкогольный напиток. Елизавета, очевидно, неверно истолковав такое его поведение, решила лаконично объяснить, что они вовсе не на свидании, и она сама за себя расплатится. Риз в ответ только пожал плечами, словно давая понять, что иного развития событий он и не ожидал, что было воспринято женщиной как очередная порция сарказма.

Когда официант записал заказы и наконец, забрал меню, Риз почувствовал себя значительно увереннее. Разговор возобновился.

Имея теперь возможность вести беседу в более располагающей обстановке, молодой человек и Елизавета позволили себе несколько отойти от темы перенесённой Ризом операции.

Молодой человек часто спрашивал женщину про некоторые аспекты психологии, связанные со снами. Эта тема заинтересовала Риза после того, как ему попала на глаза в интернете

книга «Природа сна» Владимира Ковальсона⁴. Однако Елизавета не находила эту тему интересной ни с профессиональной ни с какой иной точки зрения, хотя ей и были знакомы некоторые аспекты современной нейрофизиологии сна.

Затем Риз поднял тему того, как иногда людям может казаться, будто происходящее с ними вокруг является некой «инсценировкой» или частью чьего-то плана. Речь шла о концепции вымышленной, смоделированной кем-то реальности. Елизавета охотно рассказала Ризу то, что она лично могла наблюдать в своей практике. Женщина утверждала, что такие заявления свойственны пациентам с систематизированным бредом, который является одним из симптомов многих психических расстройств, в том числе параноидального психоза или шизофрении.

– В таких ситуациях люди склонны искать в поведении окружающих или признаки «фальши» – объясняла Елизавета, периодически делая паузы между словами, успевая справиться с пережёвыванием какого-то салата -или наоборот, доказательства реального, неумышленного поведения.

Елизавета объясняла Ризу, что такой феномен имеет место быть, и он на самом деле встречается не так уж редко.

– Мне это явление почему-то напоминает знаменитый кинофильм, «Шоу Трумана» – комментировал Риз, полагая, что этот пример может детализировать ситуацию, о которой шла речь.

– Вы наверно удивитесь, но спустя десять лет после премьеры этого фильма, – Елизавета говорила не без иронии в голосе – в две тысячи восьмом году, группа американских учёных-психологов представили на суд научных кругов свои исследования, посвящённые изучению отдельной формы параноидального расстройства, при котором человек испытывает специфическую манию преследования, когда ему кажется, будто все окружающие являются участниками некоего заговора, будто бы они действуют в соответствии с каким-то планом, и всё происходящее вокруг является частью этого плана, кроме самого этого человека»

– Эти исследования наверняка базировались на практических доказательствах этой теории? – уточнил Риз – В противном случае, это было бы просто гипотезой.

– Да, безусловно, – женщина откинулась на спинку стула, она получала наслаждение от съеденного салата и теперь предвкушала десерт – Они приводили подробные отчёты о длительном наблюдении за шестнадцатью пациентами с подобным расстройством. Приводили даже видеозаписи опросных бесед с ними. Примечательным оказался тот факт, что шесть из шестнадцати наблюдаемых буквально заявляли о том, будто бы их, без их на то ведома и дозволения, снимают на камеры, записывают на диктофоны, будто бы следят за ними именно таким образом, чтобы это выглядело как некое реалити-шоу.

– И это, наверно, весьма необычно для синдрома «преследования», если можно так это назвать, – заявил Риз – ведь обычно, насколько мне известно, такие больные испытывают скорее страх от ощущения слежки, разве нет?

– Совсем необязательно. – Елизавета сделала несколько глубоких глотков из стакана с минеральной водой – Видите ли, анализ анамнестических данных...

В воздухе повисло несколько неловкое молчание, Елизавета вперила взглядом в Риза, словно вопрошая, стоит ли ей пояснять значение этого термина.

– Анализ истории жизни испытуемого. – Риз сам выдал дефиницию в произвольной форме, чем дал женщине лишний раз понять, что её собеседник в достаточной степени эрудирован.

– Анализ анамнестических данных таких больных, в подавляющем большинстве случаев, выявляет дефицит внимания в различные периоды жизни. Это как один из предрасполагающих факторов. Поэтому преследование не всегда носить выраженную негативную окраску, более того, часто это ощущение развивается в связи с подсознательным желанием оказываться в центре внимания.

– Тогда почему же исследования той группы учёных рассматривались как нечто новое? – спросил Риз – Какой в их исследованиях элемент научной новизны?

– Они предложили ввести в употребление новый термин, для якобы новой формы расстройства, и впоследствии утвердить эту форму как отдельную нозологическую форму заболевания. – Елизавета заметила, что Риз не совсем понимал, что есть нозология, и поэтому решила пояснить – Вообще-то, в США существует собственный классификатор психологических и психиатрических девиаций⁵. В России принято классифицировать заболевания по нозологическим формам, хотя и у нас есть собственный классификатор. Группа учёных-психологов, о которых мы говорим, настаивала на том, что новая, по их мнению, форма расстройства должна называться «синдром Трумана», по аналогии с сюжетом фильма. А в качестве оснований для такого названия, исследователи указывали на описание состояния тех шестнадцати пациентов из контрольной группы.

– И чем всё закончилось? – спрашивал Риз – Эти исследователи нашли поддержку в научных кругах?

– Разумеется нет, – Елизавета слегка пожала плечами – тогда пришли к выводу, что введение такого названия во-первых лишь добавит объёма и без того разросшейся классификации, во-вторых создаст опасный прецедент, и многие молодые исследователи будут пытаться выдать желаемое за действительно, только чтобы их «детище» попало в классификатор, это своего рода увековечивание научного имени.

– Получается, компетентные умы не углядели в предложенной концепции элементов научной новизны. – заключил Риз.

– Я бы так не сказала. – Елизавета сделала ещё один небольшой глоток из стакана с минеральной водой – Просто группа амбициозных исследователей пыталась представить уже хорошо изученное явление в новом свете. И это при том, что такое расстройство как мания преследования, в наименее выраженных формах, широко распространено в социуме.

– Я правильно понимаю, – уточнил Риз – данное заболевание встречается среди нормальных людей?

– Хочу сказать, – Елизавета не удивилась поставленному вопросу, очевидно сталкиваясь с ним очень часто – что в психологии очень тяжело обстоит дело с понятием нормы. Просто нет возможности определить критерии нормы в психологии, как это сделано в клинической медицине. И как следствие, отсутствие нормы сильно затрудняет определение патологии⁶.

– Получается, что в психологии нельзя никого назвать больным? – женщина ожидала такого вопроса от Риза, поскольку его очень часто задавали люди, с которыми приходилось вести разговор о фундаментальных основах науки.

– Существуют различные отрасли в психологии, самой авторитетной принято считать клиническую психологию. Да, больным называть никого нельзя, а о патологии говорить приходится только тогда, когда прослеживаются такие изменения сознания, при которых существенно ухудшается качество жизни человека, когда он становится неспособен к самостоятельной жизнедеятельности, и когда он становится опасным для себя или окружающих. Но в таких случаях, речь уже идёт о психиатрии, а их доктрина несколько более обстоятельна, и у них есть собственные критерии, в том числе и для нормы.

– Стало быть, это своего рода пограничье между психологией и психиатрией? – уточнил Риз.

Елизавета кивнула, продолжая жевать порцию салата.

– А если человек совершает что-то такое, что преследуется по закону. Ну скажем убийство. – после короткого раздумья предложил Риз – Откуда суду знать, является ли его действие признаком заболевания?

– О, это очень интересный вопрос. – с некоторым энтузиазмом отозвалась Елизавета – Видите ли, если обстоятельства преступления сперва проявляются следственными органами,

они первые, кто контактирует с преступником. Если в ходе допроса выявляются какие либо обстоятельства, которые могут показаться следователям странными, то они могут запросить экспертизу. Но на самом деле этого никогда не происходит, потому как следствие заинтересовано в вынесении обвинительного заключения и передачи дела в суд. А вот защита обвиняемого, напротив, заинтересована в таких обстоятельствах и стало быть в экспертизе, поскольку это может дать защите возможность добиться гораздо более мягкого наказания для своего подзащитного, особенно если экспертиза сочтёт его больным. Здесь работают судебные психиатры, которые и ставят диагноз. Если обвиняемому поставят диагноз, то наказание в виде лишения свободы будет заменено на принудительное лечение, что разумеется, небо и земля.

Женщина сделала глоток воды и продолжила:

– Не стоит уповать на такой подход, поскольку вопреки распространённому мнению, «прикинуться дураком», а если говорить правильно – симулировать характерную тому или иному заболеванию симптоматику, не возможно, у экспертов есть проверенные методы, и симулянтов быстро вычисляют. Что содержание в тюрьме, что в психлечебнице, всё требует затрат из бюджета, а экономика у нас нынче никуда не годится. Но в тюрьме содержание всё равно обходится дешевле и там практикуется принудительный труд. В лечебнице дороже содержание, траты на лечение, и на администрирование таких пациентов. Поэтому, на практике стараются как можно реже выявлять патологии.

– Ну вот отлично, – усмехнулся Риз – получается вокруг нас бродят психопаты.

– О да, – женщина ответила молодому человеку улыбкой, и обвела взглядом помещение – так всегда было, и изменений в ближайшее время не предвидится. При отсутствии нормы, все мы в определённой степени ненормальные.

– Ну или до определённого предела. – глухо отозвался Риз.

Елизавета смерила его взглядом, но ничего не спросила.

Дальше, они двое ели молча, пока женщина не решилась первой нарушить молчание, заговорив про самого Риза. В частности, Елизавета спрашивала о том, как идёт процесс восстановления памяти. Риза удивил этот вопрос, поскольку данная тема казалась ему довольно интимной, и ранее он мог обсуждать её лишь с Кириллом Генриковичем.

– Всё идёт своим чередом. – ответил Риз, понимая, что такая формулировка рождает двусмысленность.

– Вы ведь своего рода уникум, переживший нейросинтез. – объяснила Елизавета – Но теперь у вас не менее важный этап, понимаете?

Риз помотал головой, давая понять, что он не совсем понимал, о чём шла речь.

– Ну как же, вы восстанавливаете своё «я», это чрезвычайно интересно. – объясняла Елизавета – Я считаю, со стороны Кирилла Генриковича было безответственным поступком, оставлять вас в столь важный момент, но очевидно у него и другого выбора не было. Теперь, очень важно чтобы вы не растерялись и смогли восстановить не только вашу память, но и концепцию вашего прежнего сознания, это было бы идеально.

– В противном случае, – отозвался Риз – если мне не удастся восстановить эту самую концепцию, каковы тогда мои перспективы?

Было очевидно, что этот вопрос вызвал у Елизаветы чувство неудобства, она помедлила с ответом:

– Понимаете, вы, это прежде всего ваше сознание, комплекс психологических установок. Из этого ваша личность сформирована. А если вы не сможете восстановить прежнюю концепцию, то следовательно, вы будете уже не вы, а скорее кем-то другим.

Риз посмотрел на женщину, ему почему-то сделалось неприятно от этих её слов. Молодой человек вдруг ощутил, что на него была возложена непонятная ему обязанность, и от того, насколько эффективно он её выполнить, зависела его жизнь. С другой стороны, Риз тут же пришёл к выводу, что он это уже тот, кто он есть, и его жизнь теперь это то, как он живёт.

Выходя из своей задумчивости, Риз вдруг заметил, что Елизавета сама смутилась из-за своих последних слов, и тогда он сказал:

– Знаете, честно признаться, я не очень то и обеспокоен тем своим «я», покуда мне очень хорошо дышится здесь и сейчас, – сделав едва заметную паузу в словах, Риз добавил – особенно рядом с вами.

Видя как остолбеневшая Елизавета потихоньку наливается румянцем, молодой человек испытал некоторую неловкость за сказанное, но в противоречие своему чувству, словно рефлексивно, добавил:

– Это очевидно какой-то ваш особый терапевтический эффект.

Елизавета ещё сильнее зашлась румянцем, и сама стараясь разрешить сложившуюся ситуацию, предпочла достаточно громко рассмеяться, после чего вновь отпила из стакана с минеральной водой.

– Большое спасибо конечно, – наконец смогла выговорить Елизавета – но я спрашивала вполне серьёзно, про ваше... про твоё восстановление.

Риз откинулся на спинку стула, и принялся осторожно рассказывать о своих опытах взаимодействия с социумом, которые он пережил за последние несколько дней. Это оказалось странным, но даже те события, которые сам молодой человек считал незначительными для внимания, вызывали у Елизаветы определённый интерес. Вскоре Риз заметил, что женщину интересовали, главным образом, не столько события, сколько реакции Риза на них. Затем он рассказал уже абсолютно всё, что ему пришлось наблюдать и в чём участвовать. Оставался лишь вопрос, который интересовал его самого, и который он сам не решался до сих пор задать. Вопрос касался его сновидений, граничащих с видениями. Молодой человек не находил в себе достаточно решительности, чтобы признать, будто бы у него были видения, полагая, что видения относились к некоторой форме патологии.

Елизавета внимательно слушала, что-то отмечала про себя, задавала много уточняющих вопросов.

– Видишь, – говорила женщина – уже экспериментально доказано, что сновидения это не просто картинки в твоей голове. Это очень сложное, и до сих пор слабо изученное явление. Нейрофизиология сна позволила существенно углубиться в эту проблему, но очевидно, впереди нас ждут ещё многие открытия. В частности, существует несколько теорий о природе сна. Психологическая, биологическая и физиологическая.

Риз вторил словам Елизаветы периодическими короткими кивками.

– Если всё не усложнять, то можно выразить это так, – Елизавета сопровождала свою речь активной жестикуляцией, призванной прояснить сказанное ею – сторонники психологической теории полагают, что сон это намеренно воспроизводимое мозгом отражение уже пережитой реальности. То есть, то, что человек пережил как практический опыт, выражается в некоем информационном био-формате. Эта информация теперь должна определённым образом обработаться, чтобы приобретённые данные усвоились. С этой целью, в мозгу запускается определённый механизм, который воспроизводит эту информацию в определённых формах. Мы же воспринимаем этот процесс как сновидения. Биологическая теория зиждется на том, что наш мозг является главным узлом всей нервной системы, и во время сна, несмотря на существенные замедления в работе органов, мозг продолжает осуществлять мониторинг тех систем, которые продолжают работать. Проще говоря, определённые отделы мозга продолжают выполнять функции во время сна, а функционирование ткани головного мозга осуществляется за счёт проведения нервных импульсов между нейронами. Вот именно эти процессы работы нейронной сети мы и регистрируем в виде сна. Ну, точнее то, что мы видим во сне, это своего рода интерпретация работы мозга.

Эта теория показалась Ризу несколько сложнее предыдущей, и молодой человек был готов услышать третью.

– Физиологическая теория основывается на недавно открытой четвёртой дренажной системе нашего организма.

Риз сам того не замечая поднял брови, в знак того, что он окончательно перестал понимать о чём шла речь. Это не могло не укрыться от внимания Елизаветы.

– Видишь ли, длительное время считалось, что в нашем организме существует только три дренажные системы, под которыми понимаются систем выведения из организма продуктов метаболизма, обмена веществ. Но не так давно, западные исследователи доказали существование четвёртой дренажной системы, которая получила название лимфатическая.

– Лимфатическая система. – Риз повторил, словно пробуя термин на вкус.

Елизавета кивнула.

– Исследователи из Рочестера обнаружили эту систему и затем экспериментально продемонстрировали принципы её функционирования. Суть в том, что в тканях головного мозга также постоянно происходят обменные процессы, в результате которых выделяется продукт обмена в виде побочных белков и других соединений. В период сна, лимфатическая система активируется и обеспечивает удаление продуктом метаболизма мозговой ткани. Этот процесс не подчиняется воли человека, но является активным, как например процесса лимфотока.

– И этот процесс выведения метаболитов как-то связан со сном? – спросил Риз.

– Безусловно, – тут же ответила Елизавета, воодушевлённая тем, что её собеседник всё же понимал, о чём шла речь – исследователи провели ряд испытаний, различные инфракрасные снимки мозга были сделаны во время сна, в фазу медленного сна, когда лимфатическая система особенно активна. Так вот, отдельные участки мозга в этот момент остаются весьма активными, и вполне вероятно, что эта их активность обуславливает те образы, которые человек видит в качестве сновидений.

Риз задумался и предположил следующее:

– Но тогда получается, что сновидение само по себе является всего лишь побочным эффектом этого процесса, работы лимфатической системы.

– Да, такая версия существует, и многим физиологам она кажется вполне вероятной, однако более весомых доказательств в её поддержку так и не было найдено.

Елизавета, после непродолжительной паузы, сама решилась заговорить о характере сновидений, которые видит Риз. И Молодой человек был вынужден описать в общих чертах то, что он видел. При этом Риз понимал, что он сознательно утаивает информацию, давая Елизавете лишь ту её часть, которую по его собственному мнению он мог доверить.

Всякий раз, когда женщина пыталась уточнить те или иные детали, Риз уклонялся от ответов, ограничиваясь лишь широкими обобщениями, утверждая, что он попросту не помнил детали.

Тогда Елизавета заметила, что размытый характер сновидений свидетельствует о нормальном течении нейро-физиологических процессов сна, а те образы, которые Риз видел, явились интерпретацией определённых информации. А вот сам Риз, в этот момент понимал, что очевидно не всё обстояло столь радужно, ведь на самом деле он помнил каждое своё видение в мельчайших деталях, и к тому же, теперь он не сомневался, что это были именно видения, а не сны. С какого то момента Ризу вспомнились отдельные детали его последнего видения, касающиеся непонятного, дикого жертвоприношения на храмовой площади, неизвестно где и почему совершаемого.

С какого-то момента Риз поймал себя на мысли, что он уже не вслушивался в слова Елизаветы, будучи поглощён своими мыслями. Вернувшееся к нему воспоминание теперь не оставляло его в покое. Вновь он вспомнил лицо человека, столь отрешённо, несмотря на весь ужас своей ситуации, всматривающегося в небо и беззвучно шепчущего одному ему слышимую молитву. Риз вспомнил именно тот момент, когда глаза несчастного оказались обращены на него самого. Продолжая слышать то, что говорила Елизавета, он вдруг понял, что он мог

слышать слова той молитвы, произносимой на неизвестном наречии. Они теперь отдавались в ушах, словно боролись со звуками реальности. Риз пытался не моргать слишком часто, ему казалось, что если его глаза окажутся закрытыми на достаточно длительное время, то он сможет вновь увидеть того невольника, приговорённого к смерти.

Елизавета говорила о каких-то психологических критериях оценки содержания сновидения, придуманных ещё в начале прошлого века и которые сегодня вызывали у психологов сильное недоверие. Риз вдруг оборвал нить её суждений, женщина растерялась на мгновение, очевидно сочтя, что она позволила себе чрезмерно увлечься слишком специфической темой. Риз, хоть и заметив смущение Елизаветы, тем не менее не стал пытаться хоть как-то устранить эффект вызванной неловкости. Попытавшись предать своему вопросу как можно больше безразличия, он спросил о том, что может означать сцена насильственной смерти в сновидении.

Этот вопрос, не столько его постановка, сколько сам его смысл, поставил Елизавету в тупик, и женщина сделала глоток из стакана с минеральной водой, после чего оценила взглядом то небольшое количество оставшейся в стакане воды. Возвращая стакан на стол, она сказала:

– Это весьма непростой вопрос, Риз. – она впервые назвала молодого человека по имени – И здесь необходимо детализировать увиденное, ты понимаешь...

Не позволяя женщине уйти в объяснения, Риз выдохнул и с некоторым волевым усилием изложил отдельные элементы своего последнего видения, в части жертвоприношения.

Елизавета слушала Риза затаив дыхания, не решаясь даже задавать уточняющие вопросы. В какой-то момент Ризу едва не показалось, что его собеседница утратила доверие к нему и возможно стала опасаться его.

Наконец, когда он закончил рассказывать, настало время Елизаветы высказать хотя бы какие-то свои мысли относительно его вопроса.

– Я не знаю даже, откуда это могло появиться у тебя... – сказав это, женщина пристально посмотрела на собеседника – Скорее всего ты сам должен найти ответ на этот вопрос. Возможно, ты был свидетелем нечто подобного, такое случается с людьми, ставшими свидетелями преступлений. Но Ты ведь рассказываешь не про простое убийство, если так вообще можно выразиться.

Риз кивнул, соглашаясь с суждениями Елизаветы, и добавил:

– Я более чем уверен, что если бы это было убийство, ну например при ограблении, или на войне, или что-то в таком роде, то это не произвело бы на меня такого эффекта.

Теперь Елизавета закивала, что также означало, женщине пришла на ум какая-то идея:

– Кстати говоря, ты верно это подметил. – заявила Елизавета – Я когда-то читала в одной интересной книге по виктимологии⁷ о психологических реакциях на различные виды насилия. Речь шла о жертвах непрямого насилия, то есть когда насилие применялось не напрямую к жертве, но жертва тем или иным образом была психически вовлечена в процесс. Такими жертвами часто выступают свидетели жестоких преступлений или заложники, на чьих глазах совершается экзекуция других заложников. В той книге, естественно, ничего не говорилось о жертвоприношениях, кроме одного контекстуального сравнения.

Елизавета немного помедлила, напрягая память, чтобы как можно точнее передать прочитанное.

– Автор говорил, что в отличие от банального убийства, которое тоже вызывает определённый психологический импакт⁸, умерщвление связанное с лишением воли и имеющее под собой определённый, специфический контекст, как например религиозный или расовый, воспринимается по-другому. Разумеется, жертвоприношение, я надеюсь, достаточно редкое в современном мире явление, и даже у автора той книги не было подходящих примеров, но я могу предположить, что став свидетелем такого события, я бы не скоро оправилась от травмирующего впечатления.

После этих слов, Елизавета окончательно опустошила стакан с водой. Риз попытался улыбнуться женщине, чтобы хоть немного разрядить обстановку. Однако это не удалось, Елизавета стала заметно сдержанней в своих эмоциях, и Риз ощутил некое чувство вины за это. Про себя он отметил, что этот затянувшийся вечер стал для него неожиданной комбинацией приятного времяпрепровождения с получением полезной информации.

Вскоре к столику подошёл деловитого вида официант, и спросил, не принести ли счёт. Оплатив выставленный счёт, Риз и Елизавета, спустя полминуты уже вчитывались в выписанные им чеки. Уже в вестибюле ресторана Елизавета предложила Ризу подвести его до дома, и преодолевая сиюминутные сомнения, он согласился. Не то чтобы им двигало желание поскорее попасть домой минуя холод ночной улицы, но Ризу хотелось иметь возможность ещё поговорить с Елизаветой. Однако никакого основательного разговора уже не получалось. Перед домом, прежде чем покинуть салон автомобиля, Риз поблагодарил женщину за интересную беседу и заявил, что много из того, о чём ему рассказала Елизавета, окажется ему полезным. Женщина отреагировала на это заявление лёгкой улыбкой и сказала, что если у Риза появятся ещё какие ни будь вопросы, которые не будут давать ему покоя, он может ей позвонить. Так Риз получил личный номер телефона Елизаветы Лурии, тут же отметив, что вместе с тем у него появляется шанс оставаться в курсе дел относительно Кирилла Генриковича.

Риз вернулся домой, не став включать свет в комнате, он посмотрел на часы, было уже очень поздно. С другой стороны, это лишь означало, что завтра он проснётся несколько позже обычного. Не желая обременять себя какими либо дополнительными мыслями, Риз буквально на ощупь, сквозь темноту, прошёл к дивану в гостиной и упав на него, тут же заснул.

Провалившись в сон, Риз не видел никаких образов. Вместо этого его окружила крошечная тьма. В первый же момент Риз ещё успел уловить затухающую искру своего сознания, которая послужила весточкой, последним отголоском увядающей мысли.

«— Неужели и у меня бывает сон без сновидений?» — едва успел подумать Риз.

Однако, вопреки тому как молодой человек представлял себе «сны без сновидений», когда всё погружается во мрак, и одно мгновение подменяет собой утраченные часы покоя, с ним и на этот раз происходило нечто совсем иное.

Погрузившись во тьму, сознание Риза вовсе не угасло, отдаваясь на волю бессознательному. Риз продолжал сохранять контроль над своими мыслями, и уже совсем скоро он понял, что его тело также находилось под его контролем, как если бы он не спал вовсе.

Тем не менее, вокруг царил мрак, и Ризу не нужно было ломать себе голову над тем, была ли это просто темнота в его комнате. Он прекрасно понимал разницу между темнотой и тьмой, также хорошо он понимал и то, что ни одна комната в тёмное время суток не позволит стуситься в себе такой концентрации темноты. Здесь же, в непонятном месте, где теперь находился Риз, попросту ничего не было, даже свет здесь не существовал.

Ему не пришлось слишком долго пребывать в неведении, вскоре он выяснил, что кое-что всё же существовало в этом месте, это был холод. Всем телом Риз ощущал холод, пронизывающий его насквозь. Однако и в этом аспекте не всё было как обычно. В отличие от привычного зимнего морозца, который теперь часто встречал Риза, стоило ему выйти из дома, местный холод не был обусловлен ни низкой температурой окружающей среды, ни быстрым движением воздушных масс. Здесь холод поднимался откуда-то изнутри, из самого тела Риза. И это противоречило всякому здравому смыслу. Риз понимал, что в норме, человек, замерзающий на улице, сперва испытывает переохлаждения с дистальных отделов своего тела — кончиков пальцев, ладоней, стоп. Затем, если укрытия от холода не предвидится, охлаждение распространяется по организму от дистальных к проксимальным отделам, к внутренним органам. При этом охлаждению, в соответствии с законами термодинамики, приходится преодолевать естественные резервы организма, которые постоянно пытаются поддерживать оптимальную температуру. В итоге, обречённый на замерзание человек, как правило, умирает от остановки сердца

и дыхания. Но вот в случае Риза, все происходило с точностью да наоборот. Молодой человек ощутил, как внутри него словно застыл какой-то комок, ставший источником холода. Ризу сделалось тяжело дышать, и он чувствовал, как от непонятого кома в груди, по всему телу расплзается холод. Внезапная мысль посетила Риза.

«А что, если он доберётся до самых кончиков пальцев, что тогда?»

Он не успел ответить на свой вопрос, потому что откуда-то до него донеслись звуки, показавшиеся в этой тьме совершенно чуждыми, неуместными и в тоже время немного обнадеживающими. Немного прислушавшись, Риз понял, что во-первых, источник звука приближался к нему, а во-вторых, сам звук был комбинацией работающего двигателя и громкого шелеста резиновых покрышек.

Внезапно ослепивший Риза свет фар, заставил молодого человека зажмуриться и даже прикрыть рукой глаза. К тому же, Риз инстинктивно попятился назад, чтобы отдалиться от быстро приближающегося источника света и шума. Каково было удивление молодого человека, когда он смог увидеть остановившейся в нескольких метрах от себя пассажирский маршрутный автобус. Один из тех, что колесят по городу по определённым маршрутам. Из-за грязи было сложно судить о цвете кузова, по всем признакам это был совершенно типичный, старый автобус. Двери раскрылись, словно приглашая Риза войти в салон. Риз помедлил лишь мгновение, после чего забрался внутрь.

Он увидел, что внутри было почти пусто. Поспешив отыскать контролёра, Риз обнаружил, что это была закутанная в какой-то старый, бесцветный пуховик женщина, которая сидела вблизи от водительского места и даже не думала вставать со своего места.

Риз некоторое время смотрел на женщину, а та, ничего не выражающим взглядом, смотрела на Риза.

Удалившись в самый конец салона, где находилось общее, на три места, сиденье, Риз намеривался выглянуть через широкое окно заднего вида, но там ничего не было видно. Только теперь Риз понял, что причина была овсе не в неестественно густой темноте, а в отсутствии чего либо за пределами этого странного транспорта. Кроме него, в автобусе было всего два пассажира. Женщина средних лет, которая пристально смотрела в окно, сидя на одиночном сиденье, прижимая свои сумку и пакет к груди, и молодой человек, сидевший у самого окна, уставившийся в одну точку перед собой, совершенно не обращавший внимание на происходящее. Молодой человек был одет в тёмные джинсы, лёгкую кожаную куртку, которая к тому же была расстёгнута на груди и из-под виднелась застёгнутая до последней пуговицы рубашка синего цвета. У молодого человека были тёмные, не длинные волосы, зачёсанные в аккуратную причёску. Сидя прямо, не прикасаясь спиной к спинке сиденья, молодой человек выглядел словно застывшим на своём месте. Ризу показалось, будто бы он где-то мог видеть это лицо. И речь шла не о отдельных чертах, казавшихся знакомыми. Риз ощущал, будто бы он знал молодого человека, но теперь у него не получалось вспомнить. Пристальный взгляд, которым Риз наградил парня, не помог вспомнить таинственного пассажира, и не привлёк к себе никакого ответного внимания. Однако, от внимания Риза не укрылось то обстоятельство, что вся одежда неизвестного молодого человека была покрыта изморозью, как если бы он только что вошёл внутрь салона с сильного мороза.

Опустившись на сиденье, Риз вспомнил, как он когда-то любил ездить на таких местах, и как досадно было всякий раз, заходя в автобус, наблюдать что заднее сиденье было занятым.

С этого места сидящий пассажир мог видеть всех, кто ехал в автобусе, это доставляло не малое удовольствие, разглядывать людей, которые вопреки разным целям и планам, оказались вместе хоть и на непродолжительный промежуток времени, но против собственного желания.

Однако теперь, в данной ситуации, не было никого, за кем можно было бы наблюдать во время поездки. Да и о том куда будет двигаться этот автобус, Риз тоже не был уверен.

Наконец, автобус тронулся с места. Ему не пришлось преодолевать собственную тяжесть, он быстро вошёл в нужный темп. Риз, посмотрев в окно ещё раз, заметил, что тьма снаружи выглядела теперь несколько иначе. Так как автобус двигался, то через оконное стекло можно было наблюдать как материя, из которой состояла эта тьма, словно отстаёт от автобуса.

«— Но этого быть не может!» — подумал про себя Риз, стараясь не озвучивать свои мысли.

Следующей мыслью, которая посетила его, стала мысль о маршруте. Разумным было задаться вопросом, в каком направлении двигался этот автобус.

Чтобы ответить на этот вопрос, Риз сперва принялся искать глазами листовки с схемой маршрута, какие обычно вывешивались над пассажирскими местами. Но у автобуса не было не только маршрута, но и номера.

Понадобилось какое-то время, прежде чем Риз ощутил, как если бы автобус оторвался от дорожного покрытия и перестал соприкасаться с дорогой. Пропала пресловутая тряска, а вместе с ней, и звук грубого шуршания покрышек, оставался лишь приглушённый шум двигателя, доносившийся из противоположного конца автобуса.

Риз потратил какое-то время на то, чтобы убедиться, что его ощущения не обманывали его, после чего, он встал со своего места и направился в кабинную часть автобуса, где должны были находиться кондуктор и водитель. Попутно Риз хватался руками за поручни, помогая себе продвигаться вперёд. Двигаться оказалось сложно, и хотя не было никаких очевидных препятствий на пути, Риз мог ощущать невидимое сопротивление каждому своему шагу, на подобие того, как это происходит, когда оказываешься вынужден идти навстречу сильному течению.

— Эй, извините! — намеренно громко выкрикнул Риз, чтобы привлечь к себе внимание, но не получил никакого ответа — Куда мы едем?

Никто не отвечал, и только теперь Риз заметил, что внутри салона произошли существенные изменения, а именно погас почти весь свет, а от водительского места исходило слабое свечение. Кроме того, воздух в салоне внезапно стал холодным, руки Риза, хватающиеся за поручни, чтобы двигаться дальше, ощущали покалывание от сильно охладившегося металла.

— Скажите мне, — Риз не унимался — куда мы едем!

Ответа не последовало, и уже добравшись до переднего сиденья, Риз отпустил поручни и постарался перешагнуть за сиденье кондуктора, чтобы оказаться рядом с водительским местом. Это оказалось не сложно, распахивая ногой какие-то кипы бумаг и прочего хлама, он буквально влез в пространство над водительским местом, чтобы обнаружить к собственному изумлению, полное отсутствие кого-либо за рулём автобуса.

Не было ни кондуктора, ни водителя, а тот тусклый свет, что Риз видел ещё с середины салона, излучался приборной панелью, на которой отображались два табло — спидометр и тахометр, причём стрелки обоих приборов указывали на то, что двигатель автобуса работал на устойчивых оборотах, с постоянной скоростью, но никто не нажимал на педаль газа.

Выругавшись, Риз развернулся корпусом в направлении салона и тут же ощутил лицом, что воздух стал намного холоднее, а на поручнях появился узор из инея. С этого момента в сердце Риза поселился настоящий страх, перехватывающий дыхание на считанные мгновения. На одном из пассажирских мест Риз вновь увидел того самого загадочного пассажира, сидевшего в покрытой изморозью одежде. Каждый выдох Риза сопровождался обильным облаком пара, и молодой человек стал ощущать нарастающий кислородный голод, заставивший его делать всё более глубокие дыхательные движения.

— Эй, вы там... — Риз обратился к пассажиру, но не решился сдвинуться с места — что происходит?

В ответ на этот вопрос, голова безмолвного пассажира медленно повернулась лицом к Ризу, и он смог увидеть глаза пассажира. Но возможно именно это обстоятельство лишь усугубило положение Риза, когда молодой человек вдруг понял, что на него были устремлены два

лишённых зрачков бельма, закрытых слоем инея. Та перспектива, с которой Риз теперь мог видеть пассажира, позволила молодому человеку различить неестественно бледный цвет кожи человека, который превращался в ярко выраженную синюшность в районе губ. Риз не нашёл в себе сил, достаточных чтобы продолжать смотреть на сидящего на пассажирском месте человека. Как не нашлось у молодого человека и сил, чтобы обманывать себя, он понимал, что там перед ним, в пассажирском кресле сидел труп.

Помимо ставшего невыносимым холода, Риз ощущал сильнейший кислородный голод. Вне зависимости от того, как глубоко он вдыхал, кислород не попадал в организм, и паника охватывала его всё сильнее. Одной рукой он ухватился за горло, другая рука инстинктивно сжала ближайший поручень, не обращая внимания на то, что металл стал ледяным. Утратив всякую возможность контролировать себя, Риз изо всех сил старался сделать хотя бы единственный продуктивный вдох, но вместо этого, он подобно рыбе выброшенной на берег, ловил ртом воздух.

В какой-то момент вся тьма, клубы которой стали уже настолько плотными, что казалось вот-вот выдавят внутрь стекла автобусных окон и заполнят собой всё пространство вокруг, исчезли, уступив место яркому белому свету, заполнившему собой всё пространство вокруг и в первое-же мгновение ослепившему Риза.

С болезненной резью в глазах, пришёл и спасительный вдох, первый, затем второй, Риз не обращал внимания на свою слепоту, как не обращал он внимания и на холод, он стремительно наполнял грудную клетку кислородом, который поступал внутрь ненормально-концентрированными порциями, раз за разом, будто неведомая сила вынуждала сам воздух проникать в лёгкие, и эта-же сила сдавливала грудь, вызывая болезненные ощущения в лёгких и между лопатками. Но Ризу было не до этого, отступающий кислородный голод казался избавлением, и все сопутствующие явления казались незначительными. Наконец, все эти ощущения разом оставили его, Риз лежал закрыв глаза, сковываемый холодом, ощущая, как болезненно-яркий свет пытается прорезаться сквозь его сомкнутые веки.

В какой-то момент, словно по мановению руки, этот свет отступил, уступив место нейтральному, серому оттенку света, безболезненному и потому желанному. Риз медленно раскрыл глаза, увидев над собой серое от тяжёлых зимних облаков небо, угрожавшее вот-вот просыпаться снегом. Отведя в стороны руки, Риз нащупал рыхлый снег вокруг и под собой, не веря своим ощущениям, он набрал полные ладони этого снега и поднёс к лицу, практически утыкаясь носом в снег. Наконец, отбросив хлопья снега в стороны, он сделал глубокий вдох, почувствовав воздух на вкус, это позволило ему обрести уверенность в том, что он теперь находился где-то на открытом пространстве.

Риз предпринял попытку перевернуться на живот и осмотреться. Вокруг был только снег, бескрайнее белое поле, уходящее до горизонта, где соединяясь с небом, пространство образовывало нечто единое, неразделимое на осязаемые категории.

Поднявшись на ноги, Риз ощутил, что от боли не осталось и следа, и каждое движение было лёгким, свободным от какого-либо сопротивления. Сделав ещё один глубокий вдох и последующий выдох, Риз обнаружил отсутствие облака пара, и затем осознал, что вокруг него, в пространстве, больше не было холода. Это казалось столь странным, что молодой человек склонился к земле и зачерпнул полные ладони снега, который также не имел на ощупь никакой температуры, смял содержимое в руках, позволяя сыпучей субстанции найти выход наружу.

Избавившись от снега, Риз обернулся, чтобы увидеть, как за его спиной распростёрлась покрытая ещё неокрепшим льдом озёрная гладь.

Риз мог поклясться, что ещё секунду назад, никакого озера здесь и быть не могло. Ему казалось, будто он находился посреди огромного заснеженного поля, которое на все стороны света уходило до соприкосновения с горизонтом. Теперь же, Риз видел озеро, его тонкий лёд был припорошен свежим снегом. А что было ещё более удивительно, так это появившейся

словно из неоткуда лес. Лес словно обрамлял озеро, и состоял из высоких хвойных деревьев, Риз со своего расстояния мог определить, что это были сосны и ели. Высокие, их вершины мерно покачивались, и местами с некоторых ветвей то и дело опадал снег.

Осмотревшись более основательно, Риз пришёл к выводу, что не было никакого разумного объяснения тому, как он появился здесь. В снегу не осталось никаких следов, который могли бы судить о направлении, которым он пришёл. Разгребая снег ногами, Риз пошёл в противоположную от озера сторону. Удалившись на несколько десятков метров, Риз остановился, что-то заставило его обернуться и ещё раз взглянуть на оставляемое позади место.

К собственному удивлению, молодой человек отметил, что он фактически остался на том же месте, что и был. Но в снегу теперь остались следы от его ног, и по ним было видно, какой путь Риз проделал. Тем не менее, само озеро и лес оставались на равном удалении от него. Это заставило Риза задуматься. В виду отсутствия логики в происходящем, Риз решил действовать от противного и изменить направление своего движения. Теперь он двигался в строго обратном направлении, к озеру. Теперь он мог видеть, своё приближение к объекту. Потребовалось совсем немного времени, прежде чем Риз оказался на самом берегу. От озера странно веяло холодом, хотя всё остальное пространство вокруг вообще, как казалось, не имело своей температуры.

Риз склонился над озёрной гладью и руками смахнул снег с ледяной поверхности. Как он того и ожидал, лёд был совсем тонким, недавно сформированным. Будучи практически прозрачным, тонкий слой льда позволял видеть воду, находящуюся под ним. Но Риз до конца не был уверен, была ли там вода. Если же была, то она виделась ему чрезвычайно тёмной и оттого одна даже мысль о том, чтобы оказаться в такой воде, заставляла сердце съеживаться в грудной клетке.

Оторвав наконец взгляд ото льда, Риз посмотрел вперёд, туда, где должен был быть противоположный берег озера. Впереди, в двух-трёх десятках метров от себя Риз увидел одиноко стоящую фигуру человека. Это сильно удивило Риза. Не было никаких предпосылок для появления этого человека там. Нигде не было видно следов, которые могли бы указать, из какого направления он пришёл туда. Но что было ещё более странным, этот человек пренебрёг всяким здравым смыслом, осмелившись отойти так далеко от берега.

Риз выкрикнул что-то, чтобы привлечь внимание человека. Стоявший на льду отреагировал на обращённый к нему оклик тем, что медленно обернулся. Риз оторопел, узнав в стоявшем на льду человеке того самого молодого парня, которого он ещё совсем недавно видел в автобусе. Ошибки быть не могло, Риз узнал фигуру, одежду, человек был целиком покрыт инеем.

С приходом этого осознания, Риз растерялся, он вспомнил тот момент, когда увидел глаза молодого парня, когда понял, что этот таинственный пассажир на самом деле был мёртв. Теперь он стоял там, именно стоял и смотрел на Риза.

В окружающем пространстве не было ни единого звука, Риз окончательно утратил все чувства. Целиком и полностью он сконцентрировался на одном единственном человеке, который разделял с ним это безмолвное пространство.

Внезапно, даже не успевая осознать, как это происходит, Риз осознал, что он теперь видит не человека, стоявшего на озёрном льду. Он видел теперь человека, стоявшего на берегу озера.

Единственное, о чём успел подумать Риз, прежде чем его слуха достиг внезапный звук, стала мысль о том, что человек, которого он видел теперь на берегу озера, был он сам, а это означало, что неведомым образом, Риз теперь мог видеть глазами таинственного мертвеца.

Звук раскалывающегося под ногами льда взбудоражил пространство вокруг озера, отнимая из-под ног единственную, столь хрупкую опору. Сознание Риза, в последние мгновения, когда он ещё был способен различать пространство вокруг себя, успело ухватить, что подо льдом, его теперь ждала вовсе не вода. Новообретённое тело в котором теперь находилось

сознание молодого человека, стремительно провалилось под расколотый лёд, в всепоглощающую тьму, пульсирующая материя которой без остатка поглощало всё, что попадало в её пределы.

Тьма рассеялась внезапно, позволив Ризу ясно увидеть окружающее его пространство. Несколько долгих секунд потребовалось ему, чтобы осознать, что он находится в своей постели, у себя дома. Было утро, но за окном уже рассвело, и это давало понять, что он проспал достаточно долго. Ощупав себя, Риз обнаружил, что минувшим вечером, вернувшись достаточно поздно, он так и не избавился от верхней одежды, прежде чем отойти ко сну. Из заднего кармана брюк Риз вынул прозрачную, стильную пластиковую карту-визитку. На ней значилось: «Елизавета Лурия. Старший специалист исследовательского отдела независимого НИЦ нейрофизиологии», после чего следовал ряд телефонных номеров и электронная почта. Однако на оборотной стороне визитки, написанный уже вручную, и от того плохо различимый, был номер мобильного телефона с подписью. «Спасибо за вечер. Оставайся на связи»

Риз предусмотрительно убрал визитку в шкаф, на полку с другими документами, чтобы не потерять. Ему было не вполне комфортно это признавать, но он испытывал желание позвонить Елизавете ещё раз. Он даже знал, о чём может пойти их следующий разговор. Но предпочитая не возвращаться мыслями к пережитому видению, Риз пошёл на кухню и приготовил себе лёгкий завтрак. Так начался его новый день.

Глава 3.

Автомобиль с тонированными стёклами, через которые нельзя было разглядеть водителя, начал движения спустя считанные секунды после того, как автомобиль Максимилиана покинул парковку исследовательского центра. Максимилиан привык ездить с опущенным на половину стеклом на водительском месте. Даже в холодную погоду, мужчина предпочитал эксплуатировать авто-кондиционер, нежели закрывать окно.

На протяжении последних двух недель, Максимилиан очень часто посещал самые различные учреждения города, специфика деятельности которых была связана с здравоохранением и наукой. Очевидно, что в этой суматохе, мужчина совершенно утратил бдительность и уже несколько дней не замечал, что за ним постоянно наблюдали. В частности, не одно передвижение на автомобиле теперь не обходилось без того, чтобы за автомобилем Максимилиана не следовал неизвестный автомобиль, водитель которого не обладал должным навыком слежки. Если бы Максимилиан проявил хотя бы минимальную бдительность, от его внимания не смогло бы укрыться то обстоятельство, что одно и то же транспортное средство, на столь близком расстоянии, постоянно следует за ним.

Сидевший за рулём тёмного автомобиля мужчина, составлял точный перечень мест, в которых Максимилиан появлялся чаще всего. Делал он это с целью определить, в каких местах психотерапевт обитает с наибольшей регулярностью. Не менее важным виделось понимание того, где и как мужчина оставляет автомобиль, сколько времени у него занимает преодоление пути от машины до места скопления народа. Таким вот образом, преследователь по окончании пяти дней, пришёл к выводу, что жизнь Максимилиана, по крайней мере на настоящий момент, состоит в основном из его работы в исследовательском центре и регулярного посещения квартиры по адресу, на котором некогда проживала семья известного в городе нейрофизиолога. Это могло показаться странным на первый взгляд, ведь за последнее время, именно по этому адресу чаще всего Максимилиан останавливался на ночь. В любом случае, преследователя вовсе не интересовала личная жизнь этого человека, или личная жизнь Кирилла Генриковича. Преследователь прибыл в город не так давно, и в основном, цель его прибытия была связана именно с объектом его преследований. До тех пор, пока психотерапевт оставался в неведении о том, что за ним пристально следят, преследователь чувствовал себя в выигрышном положении. Будучи в своей прежней, нормальной жизни, простым предпринимателем, занимавшимся самым что ни на есть мирным делом, Гвидо Дерковски поначалу испытывал колоссальное волнение вся-

кий раз, когда садился на хвост Максимилиану. В свободные от преследования часы, Гвидо размышлял, что бы он сделал, если бы Максимилиан обнаружил его и сообщил в полицию. Разумеется, фактически, Гвидо не предпринимал никаких действий, и посему он мог чувствовать себя в относительной безопасности от «меча Фемиды»⁹, но перспектива быть обнаруженным нависала над ним как «Дамоклов меч»¹⁰, которые не подчинялся формальным законом и нормам.

Однако с практикой пришло и осознание того, что именно тот, кто осуществляет преследование, в конечном итоге получает преимущество над объектом преследований, поскольку у него всегда имеется план действий на различные варианты развития ситуаций. Здесь для Гвидо и была главная загвоздка. У него не было конкретного плана. Гвидо примерно представлял себе, какие сведения он хотел получить, но что делать дальше, мужчина ещё не спланировал. Более того, в повседневном поведении Максимилиана уже стал замечен определённый паттерн, и Гвидо мог с некоторой степенью вероятности предугадать, куда направится мужчина в следующий раз, и как долго он пробудет на этом месте. Сегодня, так Гвидо Дерковски сказал сам себе, должен был быть последний день слежки. Мужчина полагал, что теперь, ему потребуется один-два дня для того, чтобы продумать свои дальнейшие действия. Но вот автомобиль Максимилиана не свернул на перекрёстке туда, куда он обычно сворачивал. Гвидо оказался в крайнем левом ряду, ожидая, что психотерапевт, как и обычно, с разрешительным сигналом светофора, свернёт налево. Но Максимилиан перестроился в крайний правый ряд и включил правый поворотник. Это обстоятельство застало Гвидо врасплох, он понял, что что-то могло измениться в поведении Максимилиана, равно как и то, что мужчина попросту мог решить заехать в близлежащий магазин. Тем не менее, теперь Гвидо следовало перестроиться, но находясь в крайнем левом ряду, как только он включил правый поворотник, он услышал десятки автомобильных сигналов позади себя, так другие водители отреагировали на намерения Гвидо совершать манёвр, противоречащий как правилам дорожного движения, так и здравому смыслу. Гвидо не сильно беспокоила реакция других водителей, по своему опыту он знал, как разгневанные, сигналившие невротики теряли свой запал, стоило Гвидо выйти из своего автомобиля и позволить негодующим личностям воочию оценить перспективы не морального, а физического столкновения с Гвидо.

Гвидо Дерковски не отличался высоким ростом, напротив, он был не выше метра шести-десяти, что, в принципе, соответствует так называемому «среднестатистическому человеку». Однако коренастая, даже кряжистая фигура мужчины, выдавала в нём физически сильного человека. Но вот что производило особенное впечатление на собеседников Гвидо, было его лицо. Лысая, наголо выбритая голова являла застаревшие шрамы, которые легко могли быть восприняты в качестве свидетельств лихого прошлого. Однако, на самом деле, только самому Гвидо было известно, что как на голове, так и на подбородке, шрамы являлись следствием давнего увлечения бритья опасной бритвой, без должного умения, необходимого для этого ремесла. На ничего не выражающем лице, на котором отсутствовала всякая растительность, обитал кривой, неоднократно сломанный в годы молодости нос. Губы у Гвидо были очень худыми и тонкими, образующими одну еле заметную линию, было очень трудно представить себе, что уголки этого рта могли когда либо подниматься кверху в улыбке. Но что особенно выделялось на этом лице, это глаза Гвидо Дерковски. Глаза Гвидо совершенно не соответствовали всем остальным его чертам, это были живые, яркие зелёные глаза, глубоко посаженные, смотрящие из под тяжёлых нависающих бровей. Взгляд этих глаз был пронизательным, и при должной концентрации внимания Гвидо на каком либо объекте, могло создаться впечатление, что мужчина мог попросту пронзить объект своим взглядом. Но стоило Гвидо позабыть про свою напускную суровость, его глаза начинали светиться, становились подвижными и из-за своего несоответствия всем остальным деталям, могли привлекать к себе внимание.

Такая внешность, несмотря на способность производить на своих собеседников сильное впечатление, могла иногда сослужить Гвидо дурную службу. В частности, человек с такой внешностью на долго запоминался, а в толпе его было очень легко выделить.

Некоторые водители не унимались, и продолжали сигналить, лишь изредка отпуская соответствующую клавишу. Этим, очевидно, больше чем другим хотелось добиться того, чтобы Гвидо изменил своё намерение поворачивать направо через два ряда. Но на этот раз Гвидо не мог себе позволить засветить свою внешность, пока в первых рядах на перекрёстке стоял автомобиль Максимилиана. Скорее всего, звук сигналов уже привлёк внимание психотерапевта, как и остальных участников движения, и сейчас Гвидо спасали только тонированные стёкла.

Наконец красный сигнал светофора сменился зелёным, первые ряды машин начали движения. Гвидо бросил взгляд в зеркало заднего вида, и убедившись, что яростные водители всё же пропускают его, мужчина начал движение. Звуки сигналов стихли, автомобиль Гвидо вновь оказался позади автомобиля Максимилиана. Поддерживая расстояние между автомобилями примерно в тридцать пять метров, Гвидо теперь надеялся, что Максимилиан до сих пор не заметил преследования.

Когда несколько крупных супермаркетов остались позади, Гвидо понял, что Максимилиан не намеривался останавливаться. Это было любопытно, ведь дорога по которой они теперь ехали, переходила в загородную трассу, и Максимилиан ни разу за все дни слежки за ним, не ездил в этом направлении.

По мере движения, вокруг двух автомобилей становилось всё меньше и меньше других участников движения. Гвидо решил включить навигатор, закреплённый в холдере над приборной панелью. Наконец, когда программа загрузилась, Гвидо запустил функцию определения местоположения. Это позволило мужчине видеть движение своего транспортного средства и дорогу, по которой он ехал. Гвидо интересовался, куда мог ехать Максимилиан. Дорога соединяла город с другими населёнными пунктами, но до ближайшего из них в этом направлении оставалось не меньше трёхсот пятидесяти километров. Просто так, без предварительной дозаправки, Максимилиан не мог отправиться в такую поездку, значит было что-то ещё, о чём Гвидо не знал.

Стараясь не отвлекаться надолго от дороги, Гвидо листал пальцем карту местности. Вскоре он обнаружил, что в тридцати шести километрах от города, следуя по этой дороге, находилась своротка, открывающая прилегающую дорогу, ведущую к частному сектору, на территории которого располагались не то сады, не то дачный посёлок.

Теперь Гвидо оставалось только терпеливо следовать за Максимилианом. Однако, в целях сохранения своей конспирации, ему пришлось существенно разорвать дистанцию между автомобилями. В противном случае, даже увлечённый неизвестно чем Максимилиан мог бы, наконец, почуять что-то неладное. Благо, Гвидо теперь знал, что свернуть Максимилиану было некуда.

Поездка продолжалась не очень долго, так как автомобили двигались довольно быстро. С какого-то момента пошёл снег, но Максимилиан не замедлил скорость движения.

Как Гвидо и предполагал, психотерапевт замедлился только перед свороткой, он ехал в частный сектор. Преследователь опасался, что здесь могут находиться шлагбаум или контроль доступа, как это часто бывает на таких территориях, однако опасения оказались напрасными. Ни того ни другого здесь не было. Просто пришлось выехать на узкую, не асфальтированную дорогу, на которой из-за навалившего по обе стороны обочины снега, едва могли разъехаться два средних легковых автомобиля.

Следуя за Максимилианом, Гвидо вновь обратился к навигатору, чтобы убедиться, что впереди не предвиделись неожиданные повороты и разъезды.

Наконец появились дома. Этот частный сектор представлял из себя скорее коттеджный посёлок, нежели простые сады. Здесь стояли двух и трёх этажные дома, красивые, современные, было видно, что над некоторыми из них поработала рука умелого дизайнера. Преследователь ждал, когда наконец автомобиль Максимилиана свернёт к одному из таких домов. Но тот продолжал двигаться вперёд. Вскоре, дома прекратились, это было странно, ведь навигатор указывал, что впереди уже не было никаких строений.

И действительно, в какой-то момент даже дорога прекратилась, машины выехали на расчищенную полосу из плотно утрамбованного снега. Здесь Гвидо решил остановиться. Он и без того полагал, что Максимилиан должен был заметить его, хотя всё последнее время пути он держался от машины психотерапевта на расстоянии более ста метров, и видел автомобиль на существенном отдалении.

Припарковавшись на самом крае обочины, Гвидо вышел из автомобиля, одел шапку и перчатки, поставил автомобиль на сигнализацию. Теперь он мог только двигаться пешком. Одного взгляда в направление, куда уехал Максимилиан оказалось достаточно, чтобы понять, что упустить мужчину ему не удастся. Буквально в трёх сотнях метров, снежная целина делала незначительный поворот, тем не менее, не скрываясь с линии обзора. Там впереди начинался лес, который лишь в одном месте расступался, образуя что-то вроде маленькой гавани из высоких, вечно зелёных сосен. В этом уютном, но отдалённом от всех остальных зданий пространстве стоял компактный, стильный, коттеджный дом, рядом с которым остановился автомобиль Максимилиана. К коттеджу тянулась линия электропередач, но из крыши строения высывалась крупная труба, что свидетельствовало о печном, каминном отоплении. Коттедж стоял практически на берегу широкого, уже покрывшегося льдом и снегом озера.

Гвидо Дерковски не мог не отметить тот факт, что место было очень красивым.

Максимилиан вышел из машины, немного помедлил у дверей, и скрылся внутри здания. Гвидо напряжённо думал, что же ему делать теперь.

Теперь, виделось целесообразным выяснить, был ли этот дом пуст. Если бы оказалось, что зимой дом большую часть времени пустовал, то Гвидо вполне бы присмотрел его в качестве удобного места осуществления своей давней задумки.

Наконец, переборов сомнения, он двинулся в направлении к коттеджу.

Вблизи здания Гвидо остановился. Коттедж не был обнесён забором, как многие другие дома. Гвидо хотел убедиться, что периметр не охраняется ни собакой ни камерами видео наблюдения. Насколько мужчина мог судить, ни того ни другого здесь не было, решив обойти дом с некоторого расстояния, Гвидо удостоверился в своих предположениях. С обратной стороны коттеджа располагался ещё один выход. Но в отличие от парадного входа, здесь был установлена усиленная, металлическая дверь на тяжёлых петлях, с выступавшим наружу уплотнителем. Это было очень странно, ведь на этой стороне даже окна первого этажа были снабжены решётками. В нескольких метрах от тяжёлой двери стояла табличка, оповещающая всех непрошенных гостей о том, что они находятся на территории частной собственности, и о запрете на фото и видео съёмку. Все эти запреты были выведены крупными яркими буквами, но под ними находился блок текста, нанесённый буквами поменьше. Эта информация предоставляла сведения о кадастровом номере земельного участка, и Гвидо показалось, что с его стороны было бы разумным эти сведения зафиксировать. Сделав несколько снимков на камеру своего смартфона, мужчина заметил, что в снегу под ногами были уже частично засыпанные снегом, глубокие борозды, оставленные колёсами крупного автомобиля. Не так давно к этому входу подъезжал тяжёлый, вполне возможно грузовой автомобиль.

Ещё одним, заслуживающим внимания предметом снаружи была развёрнутая в нескольких метрах от коттеджа, автономная электростанция, питавшая коттедж.

Гвидо посмотрел на общую линию электропередач, которая также была подведена к дому, и задался вопросом, с какой целью одно здание следовало запитывать от двух источни-

ков, в этом не было никакого смысла. Мужчина пришёл к выводу, что изнутри здание могло быть разделено на две части, одна из которых была запитана от общей линии электропередачи, а другая, очевидно, нуждалась в собственном источнике электроэнергии. Из этого можно было сделать следующий вывод, скорее всего Максимилиан оборудовал в своём коттедже нечто такое, что требовало особых мер.

«— Это интересно.» — подумал Гвидо, и сделал ещё несколько фотографий.

Из-за периодически выпадающего снега было трудно судить о том, как часто этой частью дома пользовались. По крайней мере, видимых следов в снегу не было, кроме колёсной калии.

Вокруг коттеджа царил удивительная тишина. Погода, после недавнего снегопада, сделалась безветренной. Только редкие, периодические возгласы нескольких чаек периодически разрезали тишину. Гвидо услышал, как на противоположной стороне дома хлопнула входная дверь, после чего послышались шаги по деревянному крыльцу.

Мужчина напрягся, опасаясь, что Максимилиан мог заметить его, слоняющимся вокруг дома. В один миг, в голове у Гвидо пронесся ряд мыслей. Если Максимилиан обнаружил его и теперь застанет на этом самом месте, то можно было сделать вид, будто оно был приезжим, гостил в одном из домов, и решил побродить в округе, зайти на озеро. Но в то же самое время, присутствовал соблазн воспользоваться особенностями местности и момента, и свершить задуманное прямо здесь. От этой идеи пришлось тут же отказаться, Гвидо вспомнил, что в своём автомобиле он оставил необходимый инструментарий, а без него, мужчина не хотел оставлять много ненужных следов.

Вопреки опасениям, Максимилиан не появился с обратной стороны дома. Тогда Гвидо прислонился к стене и осторожно выглянул из-за угла, чтобы увидеть, как психотерапевт, стоял уперев руки в бока и смотрел в направлении озера. Гвидо посмотрел в том же направлении, озеро действительно было расположено здесь весьма удачно, создавая очень привлекательный вид. Неожиданно Максимилиан двинулся к берегу, и когда он удалился на некоторое расстояние, наблюдатель смог сменить свою позицию. Гвидо стало крайне любопытно, что могло находится там, за укрепленной дверью. Полагая, что другой такой возможности может и не предвидится, он подошёл к двери. Он не спешил класть руки на массивную, крюкоподобную ручку, полагая, что дверь могла быть под сигнализацией. Это было вполне вероятно, с учётом того, какие меры предосторожности были здесь предприняты. Тогда Гвидо решился на обходной манёвр. Встав на не широкий выступ над высоким фундаментом, он осторожно пробрался к ближайшему зарешеченному окну. Зимние ботинки Гвидо лишали его возможности гибко использовать стопы, да и само телосложение мужчины не располагало к акробатике. Как только наружная решётка оказалась в зоне его досягаемости, Гвидо ухватился за неё руками, теперь удерживаться было значительно проще.

Так как на внутренней стороне окна также находилась решётка, разглядеть интерьер во всех деталях представлялось затруднительным. Но Гвидо придвинулся вплотную к стеклу, буквально просовывая свой нос между прутьев решётки.

В помещении было темно, но некоторые источники света всё же присутствовали, хотя и весьма необычного характера. Это были какие-то объекты, излучающие синеватое свечение. Первым о чём подумал мужчина, были знаменитые кварцевые лампы. Но такие уже очень давно не использовались, и они обычно размещались под потолком и давали сильное освещение.

Здесь речь могла идти об отдельных приборах, конструкция которых предусматривала люминесцентные элементы.

Приглядевшись внимательней, Гвидо различил какие-то продолговатые, конусовидной формы объекты. Один был размещён горизонтально, на подножках. Другой стоял почти вертикально, но его стойка несколько отклонялась к стене комнаты. Внешне, оба предмета напоминали нечто вроде пеналов, но их размер был довольно внушительным, в длину каждый был приблизительно в два метра.

«— Должно быть тяжёлая хреновина» — подумал Гвидо, сопоставляя свои наблюдения со следами от крупного автомобиля, побывавшего здесь недавно — «Вполне может быть, что выгружали как раз штуковины.»

Гвидо вдруг обнаружил, что эти предметы своим видом, напрашивались на аналогию с гробами.

«— Если это и гробы, то наверно для астронавтов» — усмехнулся Гвидо, оценивая внешний вид предметов.

Гвидо понадобилось ещё пристальней взглянуть, чтобы различить надпись на том предмете, что стоял вертикально. На нём, форменными буквами было выведено — «ALCOR». Это были крупные буквы, синего цвета, характер их начертания указывал на товарный знак, фирменное наименование производителя. Ниже, на отдельном лейбле, уже простыми буквами, чуть меньшим шрифтом было написано — «*Life extension foundation since 1972*¹¹»

Насколько Гвидо мог понимать английский, речь шла о каком-то фонде, занимающемся продлением жизни. Тем не менее, такое толкование порождало больше вопросов, чем ответов. Отпустив одну руку от прутьев решётки, мужчина вынул из кармана свой смартфон, и действуя пальцами одной руки, вызвал функцию видеосъёмки.

Из-за плохого освещения, снимать на камеру смартфона интерьер помещения не имело смысла. Сделав несколько пробных кадров, Гвидо убрал смартфон, и вновь прочно ухватился за решётку. Попытавшись привстать, ему удалось заметить ещё некоторые детали. В частности, мужчина различил стол, на котором стояло несколько плоских, квадратных дисплеев, значит где-то были компьютеры. Ему показалось, что он заметил ещё один источник тусклого света. Это была какая-то полка, крышка которой была стеклянной, и через неё проступало характерное синее свечение.

Уже собираясь спрыгнуть с уступа, Гвидо вовремя остановился и удержался. Внизу был идеальное, гладкое снежное покрытие, и если бы мужчина приземлился туда, то он неминуемо оставил бы следы своего пребывания в этом месте. Поэтому возвращаться на землю пришлось тем же путём, которым он забрался на выступ.

Максимилиан стоял на самом берегу озера, он смотрел куда-то вдаль, интенсивно перебирая в руках какой-то предмет. Казалось, что он был поглощён собственными мыслями. Гвидо ещё раз испытал соблазн решить всё здесь и сейчас, столь подходящей казалась ему ситуация. В то же самое время, он не забывал один из принципов, которому он научился за годы своей жизни. Когда все условия казались практически идеальными, и ситуация казалась как никогда подходящей, на самом деле опасность всегда таится где-то рядом.

Гвидо уже решил двигаться обратно, к дороге, где стоял его автомобиль. Мужчина планировал поскорей покинуть коттеджный посёлок, оказавшись подальше от Максимилиана. Но не пройдя и дюжины шагов, оказавшись в первых рядах деревьев, Гвидо остановился, услышав как к одинокому коттеджу подъехал ещё один автомобиль. Такого поворота событий Гвидо не ожидал, он лишний раз был благодарен себе за проявленное благоразумие, удержавшее его от поспешности и фатальной ошибки.

Из остановившегося автомобиля вышла женщина. Гвидо видел её впервые. Женщина уверенными шагами двинулась в направлении к озеру. Она вела себя так, что с первого взгляда было ясно, она очень хорошо ориентировалась на местности, следовательно, бывала здесь неоднократно.

Гвидо захотелось вернуться на то место, с которого он наблюдал за Максимилианом, но теперь опасность усиливалась. Если психотерапевт целыми днями был у себя на уме, то женщина вполне могла заметить постороннее присутствие.

Помедлив немного на своём месте, Гвидо услышал голоса мужчины и женщины, они тепло приветствовали друг друга. Любопытство Гвидо боролось с его осторожностью, дели-

катность обстоятельств не позволяла сейчас совершить ошибку, в противном случае, ему пришлось бы решать вопрос уже с двумя людьми, а это совершенно не входило в его планы.

Удаляясь в направлении того места, где он оставил свой автомобиль, Гвидо ещё некоторое время мог слышать как разговаривали Максимилиана и приехавшая к нему женщина. По характеру фраз, которыми обменивались эти двое, было件нятно, что они были хорошо знакомы.

Добравшись до своего автомобиля и сев внутрь, запустив двигатель, Гвидо имел возможность какое то время наблюдать издалека за тем, что происходило около коттеджа на берегу озера. Но из того, что он увидел, ничего не представлялось важным в информационном плане. Максимилиан и женщина ещё какое-то время говорили о чём-то, затем они прошли к крыльцу дома, и вошли внутрь.

Гвидо развернулся на узкой дороге, и покинул коттеджный посёлок, оказавшись на трассе, мужчина стремительно помчался в направлении города.

Короткие световые дни в ноябре были серыми, мрачными, и лишь изредка солнце могло прорезаться сквозь сплошное покрывало тяжёлых, уже по-настоящему зимних туч. В такие дни люди имели привычку рассуждать о дефиците солнца, витамин, высокой заболеваемости и вообще о тотальной неприветливости местного климата. Светало поздно, темнело уже рано, и Риз прекрасно понимал, что абсолютное большинство трудозанятого населения, в таких условиях, оказывалось попросту лишённым возможности видеть дневной свет. Каждое утро Риз вставал достаточно рано, хотя он и ставил будильник на своём смартфоне на несколько позднее время.

Риз просыпался теперь будучи гонимым из собственного сна своими видениями. Далеко не всегда он наблюдал столь отчётливые видения, которые бы он мог потом вспоминать в более-менее подробных деталях. Часто, видения словно проникали в нормальный сон Риза, и увиденное во сне словно трансформировалось в новую форму видения.

Риз взял за правило, всякий раз когда его посещали видения, уже днём пытаться восстановить самые существенные и яркие его детали. Риз стал записывать их в отдельную тетрадь. После того, как в тетради набралось уже более дюжины записей, Риз удостоверился в некоторых своих предположениях. В частности, в отличие от снов, видения носили унифицированный характер. В них прослеживались одни и те-же детали, поэтому Риз счёл эти детали сюжетно-образующими.

Как ни странно, Риз не чувствовал себя одиноким в своём исследовании. Елизавета Лурия, несмотря на установившейся в последнее время напряжённый график, охотно помогала ему с информацией, по мере своих возможностей. Всё чаще общение между молодым человеком и женщиной осуществлялось через электронную почту. Пару раз они связывались по «Скайпу», и реже разговаривали по телефону. Риз ощущал желание ещё раз увидеться с Елизаветой, но он до сих пор не решился предложить ей встретиться. В качестве оправдания своей нерешительности, Риз постоянно напоминал себе о загруженности графика Елизаветы.

Женщина, несмотря на свой ещё молодой возраст, была готова принять на себя управление целым отделом в исследовательском центре. Риз пришёл к выводу, что для Елизаветы эта перспектива имела большое значение.

Взяв за привычку, Риз проводил первую половину дня в работе за компьютером. Несколько дней назад у Риза состоялась беседа с Елизаветой, предметом которой стали накопившиеся детали о наблюдаемых видениях. Елизавета посоветовала Ризу провести классификацию признаков, которые он выделил как наиболее существенные. И в действительности, анализируя свои записи, Риз пришёл к выводу, что некоторые детали встречаются чаще других, и к тому-же они оказываются более устойчивыми в памяти. Теперь Ризу предстояло создать таблицу, в которой он бы разместил выделенные признаки по степени от наиболее существенных и часто встречающихся, до самых незначительных. Эту таблицу Риз должен был отправить Ели-

завете. Хотя работа представлялась несколько кропотливой, Риз выполнял её с энтузиазмом. В этой задаче ему виделось сочетание двух важных для него вещей. Он пытался разобраться в том, что с ним происходит, и теперь в этом направлении применялся системный подход. А также, ему была интересна любая работа с Елизаветой, особенно на почве его собственных проблем, к которым женщина, казалось, питала не малый интерес как специалист.

Итак, по прошествии полутора часов работы, Риз видел перед собой таблицу с введёнными данными. Таблица получилась совсем не большая, в отличии от того нагромождения страниц в тетради. Риз сделал копию таблицы себе на рабочий стол, придя к выводу, что в дальнейшем ему будет намного проще и эффективней вносить новые сведения в систематизированной форме. В любом случае, если появится что-то, что не будет укладываться в таблицу, то он смог бы сделать отдельную запись по этому поводу.

Анализируя таблицу, Риз лишний раз убеждался в собственных заключениях. В его видениях, которые могли иметь различную продолжительность и различную степень влияния на ощущения, присутствовали элементы, которые выделялись из всех других своей реалистичностью.

Выслав таблицу Елизавете на электронную почту, а также написав пару строк касательно проделанной работы, Риз лишний раз поблагодарил женщину за её помощь.

Этим же вечером, вернувшись с прогулки, он проверил почту, и к собственному удивлению не нашёл там ответа от Елизаветы. Лишь уведомление о том, что его сообщение с вложением было доставлено, давало понять, что женщина получила таблицу. Риз довольно быстро подобрал объяснение этому явлению, ссылаясь на напряжённый график и загруженность административными делами в исследовательском центре. Кроме того, несколько дней назад Елизавета вкратце рассказало, что в центре не на шутку обеспокоились исчезновением Кирилла Генриковича. С того самого дня, когда Риз пытался поговорить с ним перед своей выпиской, никто доктора больше не видел. Его жена, с которой Кирилл Генрикович последнее время находился в прохладных отношениях, заявляла, что не получала от супруга никакой информации, и следовательно сама тоже была обеспокоена.

Это всё означало, что в отделе нейрофизиологии предстояли кадровые перестановки. За должность руководителя направления фактически боролись две кандидатуры. Максимилиан, выступавший первым помощником Кирилла Генриковича и приложившим немало своих усилий в разработке нейросинтеза, был с какой-то стороны не плохой кандидатурой, поскольку он был молод, и проявлял сильный интерес к дальнейшему развитию метода. Второй кандидатурой был врач, едва младше самого Кирилла Генриковича, но который не принимал практически никакого участия в работе над на шумевшей процедурой. Этот человек пользовался определённым уважением в центре, но все также знали, что если он получил бы должность руководителя отдела, то на дальнейшем развитии нейросинтеза пришлось бы поставить крест. Этот человек был верующим, хоть и не воцерковлённым, но причина его негативного отношения к нейросинтезу заключалась в другом. Он ещё не определился, кто он в большей степени – исследователь или политический деятель малого разлива. Из-за своей любви выступать перед журналистами и давать громкие комментарии по самым разным, часто не касающимся его самого, вопросам, он заслужил прозвище Свищ. Догадываясь, что его так называют, он сильно злился и называл многих своих коллег завистниками. В любом случае, получив должность главы отдела, Свищ предпочёл бы свернуть дальнейшие исследования в направлении нейросинтеза под давлением общественного мнения. Дело было в том, что СМИ представляющие религиозную общественность, постоянно стремились выставить нейросинтез как нечто аморальное. Разумеется, сторонников прогрессивного метода лечения было больше, но такие люди никогда не собирались в громкие своры, не ходили крестным ходом, не прибивали себя гвоздями к брусчатке на площадях. Поэтому в информационном пространстве именно беснующаяся аудитория была наиболее слышна. В погоне за социальным одобрением, Свищ мог

пойти на поводу у религиозных слоёв населения, только чтобы иметь возможность заполучить достойный медийный ресурс.

Максимилиан, напротив, в подобных вопросах выказывал крайнюю степень благоразумия. Если изначально от него никто этого не ожидал, многие сотрудники центра полагали, что молодой и энергичный психотерапевт проявит некоторую холодность к достижению Кирилла Генриковича. В частности, многие видели, с какой долей скепсиса он относился к работе доктора. Однако в последнее время Максимилиан всех удивлял в исследовательском центре. Он принялся методично отстаивать будущее нейросинтеза. Доводы невежественных верующих не имели для него никакого значения. Всё складывалось таким образом, что именно Максимилиан мог поучить заветную должность.

Риз приготовил себе ужин, сел в гостиной на диван и запустил через браузер «он-лайн» новости областного масштаба.

Длительное время в новостях шла речь о событиях связанных с самыми болевыми вопросами социального значения в области. Вновь группа активистов пыталась спасти пенсионеров, пенсии которых едва хватало на пропитание, а вот с жилищными условиями всё обстояло гораздо более плачевно.

Затем был ряд сообщений о инцидентах связанных в долговыми отношениями, в частности речь шла о извечном конфликте должников и коллекторов.

Затем, после того как все нелицеприятные события были освещены, как и любая новостная программа, областные новости были просто обязаны осветить «оборотную сторону монеты» российской действительности. И как повелось ещё с давних времён, одна сторона монеты непременно украшена профилем «вождя». В этом новостном блоке активно рассказывалось про то, как президент борется со злом в лице иностранной экономической и правовой интервенции. При этом, деяниям президента неизменно сопутствовал успех и страстные вопли женщин, чьи головы, традиционно, были обёрнуты в цветастые платки.

Риз уже заметил, что каждодневный выпуск новостей строится по одному и тому же сценарию, финальным аккордом в котором выступали православные новости, в которых пропагандировались идеи «национальных скреп» и принципов примитивного мышления. В репортаже о православном мире шла речь о недавнем крестном ходе, и диктор не применил возможностью дать сжатое объяснение данной процедуре.

Риз никогда не проявлял никакого интереса к религиозным распрям, считая данную тему совершенно бессмысленной и действительно удалённой от материального мира. Однако сегодня, при виде короткого видеоролика, в котором по назиданию священников, прихожане каких-то православных монастырей встали на четвереньки и поползли к входу в церковь, при этом сами священнослужители утруждали себя незатейливым процессом удерживания специальной дугообразной рамки на одном уровне, чтобы ползущие прихожане не могли слишком высоко поднять голову, у Риза возникли смешанные чувства по отношению к происходящему. Эти чувства представляли собой своеобразный «mix» из смеха и отвращения. Однако Риз вряд ли смог бы провести демаркационную линию между тем, что именно в наблюдаемом безумии вызывало у него отвращение – унижение человеческого достоинства или торжество невежества. В принципе, наблюдая за происходящим, Риз не мог не вспомнить свои переживания, когда ему довелось увидеть сцену на храмовой площади, в своём видении. Между той кровавой сценой и происходящим на экране, на первый взгляд, не было ничего общего. Однако даже поверхностный анализ и того и другого явления позволял прийти к выводу о том, что все верования базируются на одних и тех же принципах.

Наконец, православные новости подошли к концу, традиционно на экране появилась обзорная съёмка куполов храма, и пролетающие мимо белоперые голуби.

Однако, вместо окончания новостной программы, ведущий программы заявил, что впереди зрителей ждёт важное сообщение о судьбе некой семьи, которая на днях стала жертвой страшной автодорожной аварии.

На экране появилась женщина с микрофоном в руке, которая находилась недалеко от какого-то здания. На улице было ветрено и шёл снег, поэтому диктор говорила намеренно громко, что придавало дополнительной драматичности освещаемой ситуации.

«Буквально несколькими днями ранее наше информационное агентство уже сообщало о чрезвычайном происшествии, которое случилось в пригороде, на шоссе автостроде, всего в четырёх километрах от города. Пассажирский автомобиль, в котором находились три человека, все члены одной семьи, внезапно выехал на встречную полосу, по которой с большой скоростью, в противоположном направлении двигался грузовой автомобиль. Водитель легкового автомобиля попытался избежать столкновения с грузовой фурией, в результате чего, потеряв управление, легковой автомобиль на большой скорости вылетел в обочину, перевернулся и врезался в массив скальной породы, находившейся всего в нескольких метрах от края обочины. По имеющимся у нас данным, пассажирами легкового автомобиля были члены семьи Свардовски, а именно Григорий Свардовски – известный в городе фотхудожник, его жена Анастасия Свардовски и их четырёхлетняя дочь. В результате произошедшей аварии, супруги Свардовски отделались травмами лёгкой и средней степени тяжести, в то время как дочь получила тяжёлые травмы шейного отдела позвоночника и черепа. Ребёнка доставили в центр интенсивной терапии областной детской больницы, где за её жизнь в течение двенадцати часов боролись несколько смен реаниматологов и нейрохирургов. На настоящий момент состояние ребёнка оценивается как тяжёлое стабильное. Медикам удалось стабилизировать основные жизненно важные функции, однако ребёнок не пришёл в себя, и находится на аппаратуре жизнеобеспечения. Вчера на базе детской областной клинической больницы состоялся консилиум¹² специалистов, участвующих в лечении ребёнка. Врачи пытались определить дальнейшую тактику действий. Нам удалось узнать, что на настоящий момент, анализ диагностических данных состояния ребёнка не позволяет судить о возможных позитивных изменениях. В частности, нейрохирург, проводивший экстренную операцию, заявляет о наличии очагов физического поражения в тканях головного мозга ребёнка. Это означает, что самостоятельное функционирование жизненно важных систем организма ребёнка не представляется возможным. Рассматривается вопрос о целесообразности поддержания жизненно важных функций искусственным путём»

Затем, на экране появились кадры, сделанные оператором в здании больницы, то, что было запечатлено, не имело никакого отношения к освещаемому событию, поскольку доступ в палату интенсивной терапии, где находился ребёнок, был закрыт. Зато у сотрудников информационного агентства были записи бесед с родителями несчастного ребёнка.

«Родители ребёнка, в свою очередь, категорически против такого развития событий. Их не устраивает перспектива добровольного отказа от жизнеобеспечения ребёнка, по их личному мнению, такое решение не отличается от убийства и они были готовы решать этот вопрос в судебном порядке, даже после того, как юридический представитель больницы обосновал то правовое поле, в котором действуют врачи. Вся область следила за развитием событий эти дни, и вот только несколькими часами ранее стало известно о том, что частный исследовательский центр, занимающийся исследованиями в области нейрофизиологии, по собственной инициативе вызвался помочь семье Свардовски.»

Когда диктор говорила о исследовательском центре, вмешавшемся в ход событий, Риз сразу же понял, о чём шла речь. Он придвинул к себе столик, на котором стоял ноутбук и увеличил громкость.

Теперь в кадре появились Григорий и Анастасия Свардовски, рядом с ними стоял достаточно молодой мужчина, в деловом костюме, в офисных очках, держащий в руках какую-то папку с бумагами.

Говорить, тем не менее, начал Григорий Свардовски.

«Представители исследовательского центра объяснили нам, что вопреки заключениям и прогнозам местных специалистов, судьба нашего ребёнка всё ещё не predetermined. Нам буквально на пальцах объяснили, что в рамках их организации осуществляется какая-то совершенно новая, революционная процедура, которая может помочь и в нашей ситуации. Я, честно говоря, сразу же заподозрил неладное. Ожидая услышать цены, условия и обязательства, но нам предлагают безвозмездную помощь, и мы просто права не имеем отказать, так я считаю»

Всё то время, что говорил Григорий, его супруга кивала, в знак солидарности с мужем, и лишь изредка от неё можно было услышать хоть что-то. Наконец, когда Григорий закончил, объектив камеры переместился на мужчину-представителя исследовательского центра.

«Всё верно. Григорий в принципе описал всё правильно. Наш центр уже попадал в поле зрения общественности из-за успеха, которого удалось достичь с не менее тяжёлым пациентом. Теперь, в наших руках не только знания и уникальная технология, но и практический опыт. Мы действительно предлагаем этой несчастной семье нашу помощь на безвозмездной основе, потому как, в некотором роде, принимая наше предложение, они помогают нам. Они помогают нам донести до сознания общественности то, чего мы добились, и чего ещё предстоит добиться»

После этого интервью, на экране появились кадры, сделанные уже в исследовательском центре, и Риз тут же вспомнил тот самый день, когда представители СМИ наведывались на пресс-конференцию, проводимую Кириллом Генриковичем с его участием. Во время демонстрации коридоров исследовательского центра, и некоторого оборудования, которое репортёрам когда-то удалось заснять, голос диктора сообщал следующее:

«Исследовательский центр нейрофизиологии является негосударственным научно-исследовательским учреждением, существующим на средства независимых инвесторов и на средства, получаемые от реализации учреждением некоторых своих услуг. Тем не менее, уникальным это заведение делает то, что в его стенах был разработан и апробирован метод оперативного вмешательства на головном мозге человека, получившем название нейросинтез. Данный метод позволяет сохранять информационную сущность человека, пережившего ту или иную форму повреждения головного мозга.»

После этого короткого комментария диктора, на экране появилось лицо Максимилиана, и в нижней части экрана высветился текст, из которого следовало, что Максимилиан являлся руководителем исследовательского отдела. Это могло означать только то, что Максимилиан заполучил желаемую должность.

Мужчина, прекрасно держась перед камерой, давал развёрнутое объяснение:

«Нейросинтез, это принципиально новый метод оперативного вмешательства на головном мозге пациента. Несмотря на свою сложность, принципиально метод заключается в следующем. Судьба пациентов, которые по каким либо причинам получили ту или иную форму повреждения тканей головного мозга, во многом определяется исходя из того, какие именно структуры были повреждены. Дело в том, что с точки зрения нейрофизиологии, спасение человека заключается в сохранении его личности. Несмотря на распространённое мнение, личность человека не такое уж и абстрактное явление. Личность человека это совокупность таких составляющих как жизненный опыт, знания, психологический стереотип. Даже язык, и речевой стереотип находится в этих категориях. Нейрофизиология уже давно позволили специалистам выявить и дифференцировать отдельные участки головного мозга, содержащие специализированные группы нейронов, и отвечающие за специальные функции. Таким образом,

именно от сохранности таких отделов во многом зависит прогноз применения нейросинтеза. Если же говорить о самой процедуре, то здесь всё строится на принципах трансплантации. Говоря проще, мы сперва определяем степень сохранности важных компонентов головного мозга пациента, затем выделяем их и соединяем с донорским мозговым веществом. Таким образом, мы восстанавливаем естественную и функциональную среду мозга »

И вновь на экране появились кадры различных образцов медицинской техники, большинство из которых не имели даже отдалённого отношения к нейросинтезу.

Когда на экране вновь появилась женщина-диктор, то она уже говорила более предметно:

«Семья Свардовски приняла предложение исследовательского центра и на настоящий момент готовится процедура для транспортировки ребёнка из палаты интенсивной терапии областной больницы в операционный отдел исследовательского центра. Это потребует принятия особых мер, поскольку сохраняется риск жизни ребёнка. Администрация областной больницы, после непродолжительных переговоров, согласилась пойти на встречу и помочь в решении всех складывающихся проблем. В то время как консилиум врачей областной больницы выступает с самой откровенной критикой в отношении как исследовательского центра, так и самого метода оперативного вмешательства. Врачи утверждают, что данный метод не апробирован должным образом, в силу чего сохраняется высокий риск жизни пациента. Тем не менее, родители ребёнка готовы пойти на этот риск, исходя из того, что никакой другой альтернативы у них нет.»

Женщина-диктор пообещала, что информационное агентство будет держать своих зрителей в курсе развивающихся событий. На этом сообщение закончилось, на экране была запущена серия бессмысленных рекламных роликов.

Риз задумался над тем, что только что увидел. Ему казалось, что у всей этой ситуации было как минимум две жертвы – Григорий со своей супругой, буквально агонирующие той надеждой, которую им внезапно преподнесли представители исследовательского центра, и сам ребёнок, от мнения которого ничего не зависело, во-первых в силу возраста, а во-вторых – в силу своего положения.

Риз больше заинтересовал тот факт, что руководителем исследовательского отдела стал Максимилиан, а в последнее время Елизавета говорила, что о Кирилле Генриковиче так ничего и не было слышно. Это всё выглядело весьма странным. Внезапность исчезновения доктора, внезапный проявленный интерес Максимилиана к нейросинтезу. Риз так же вспоминал свой разговор с Максимилианом, состоявшийся незадолго до выписки. Психотерапевт вёл себя странно, а характер его вопросов позволял сделать вывод о том, что у него был какой-то личный интерес в отношении проекта.

Из раздумий Риз вырвал звук стука в дверь. Не очень громкий, зато энергичный и не продолжительный.

С момента своего возвращения из исследовательского центра, Риз так и не включил ни домофон ни звонок на входной двери. Причина заключалась в том, что много гостей Риз не ожидал на своём пороге.

Подойдя к входной двери, Риз посмотрел в дверной глазок. Он сильно удивился. На пороге его квартиры стояла Елизавета, но она не предупреждала о своём визите. Более того, за целый день Риз не получил от неё никакого сообщения, даже касательно высланной ей таблицы.

Прежде чем открыть дверь, он стремительно перебрал в уме собственную квартиру, всё ли на данный момент было в надлежащем порядке, чтобы принимать гостей. На самом деле до порядка было ещё очень далеко, Риз не утруждал себя аккуратным размещением вещей в квартире, но и заставлять Елизавету ждать ему не хотелось.

Женщина вошла в прихожую и тут же разразилась тирадой:

– Извини что без предупреждения, ты не против если я зайду не на долго? – спросила Елизавета, было видно, что она была несколько взволнована.

– Конечно, конечно... – отозвался Риз, делая жест, приглашая женщину пройти в гостиную.

Оказавшись в гостиной, Елизавета на мгновение остановилась и окинула взглядом окружающее пространство. На её лице отразилась едва заметная улыбка, она повернулась к Ризу и спросила:

– Так это вот где ты живёшь?

Риз не нашёл что ответить, он до конца не понимал, какой смысл был заложен в этом вопросе.

– Да, как то вот так. – ответил Риз, приглашая Елизавету присесть на диван.

– Так, – Елизавета закрыла на мгновение глаза и глубоко вдохнула – прежде всего. Я сегодня получила файл с таблицей, которую ты сделал.

Риз утвердительно кивнул.

– Я была приятно удивлена тем, что ты серьёзно подошёл к этому вопросу. – из дамской сумочки Елизавета вынула несколько листов с каким-то текстом, отдельные фрагменты которого были выделены маркером, а также свой смартфон с широким дисплеем – У меня просто не было времени тебе ответить. У нас в центре всё с ног на голову встало...

– Оу, это наверно то, о чём я хотел бы тебя спросить... – сказал Риз, пытаясь замедлить Елизавету и обернуть разговор в несколько другое русло.

Елизавета посмотрела на Риза, ожидая его вопроса.

– Я буквально минут десять назад видел репортаж, – Риз указал на стоящий на столике ноутбук – в котором шла речь о семье, попавшей в серьёзное ДТП...

Елизавета не смогла дождаться когда Риз закончил бы свой ход мыслей, она перебила его.

– Ты о семье Свардовски. Они уже стали героями местного уровня. Да, отчасти весь тот кипишь, что творится в центре, связан с их ситуацией...

– Слушай, а разве Максимилиан уже получил должность руководителя отдела? – Риз использовал подходящий момент, чтобы задать конкретный вопрос, не позволяя Елизавете отвлечься.

– Ах да, вот ты о чём. – женщина покачала головой – Я ведь тебе не рассказала, а ты так интересовался судьбой Кирилла Генриковича.

Риз терпеливо и испытующи, глядел на Елизавету.

– Когда в сети появилась информация о семье Свардовски, когда их дочь только доставили в реанимацию областной больницы, Максимилиана словно в задницу оса ужалила.

Риз не смог удержаться от усмешки.

– Он созвал что-то вроде консилиума, но не по научному вопросу, а скорее по вопросам авторитета нашего центра. Максимилиан поставил вопрос ребром, утверждая, что несчастье этой семьи, это наш уникальный шанс повторить успех первого нейросинтеза.

Сказав это, Елизавета на мгновение замолчала, и отвела взгляд в сторону, а Ризу потребовалось чуть больше времени, чтобы понять, что женщина смутилась из-за некой этической составляющей вопроса. Её очевидно было не с руки говорить в присутствии Риза о нём как о объекте научного исследования.

– Эй, – ободряюще сказал Риз – что там дальше!

– Ну, он заявил, что неудача клиницистов в областной больнице оставляет родителей девочки один на один с несчастьем, и без каких либо достойных альтернатив. Это, по его мнению, позволило бы нам добиться их согласия на то, чтобы применить на их ребёнке нейросинтез. Некоторым из нас это показалось несколько не этичным, но большинство специалистов сослались на то, что у семьи девочки вообще нет никаких более достойных вариантов. С такой точки зрения, мы нужны им не меньше, чем они нам.

– А я правильно понимаю, что это по большей части эксперимент, чем операция? – спросил Риз.

Елизавета попыталась уклончиво ответить:

– Ну это ведь, в нашем случае одно и то же...

– Я имею в виду, уточнил Риз – что у Максимилиана, и у вашего центра вообще, нет достаточной уверенности в положительном исходе.

Елизавета ничего не ответила, но Ризу и без того было ясно, что он попал в самую суть.

– У вас складывается ситуация, при которой в случае успеха операции, вы сможете искупаться в славе. Но в случае провала, вас скорее всего утопят в позоре.

Метафора была более чем ясна, Елизавета внимательно посмотрела на Риза, затем едва заметно кивнула.

– В моём случае, несмотря на то, что мой проект был первым, риска для вашего центра было меньше. Если бы со мной не получилось, то скорее всего никто бы об этом и не узнал. Максимум в научных, медицинских кругах говорили бы о Кирилле Генриковиче и его провале. Но вот теперь, особенно после этого репортажа, широкое внимание общественности уже устремлено на вас.

– Абсолютному большинству вообще не интересно развитие нейросинтеза, какие то там перспективы и возможности. – женщина говорила это, и смотрела куда-то перед собой, отчего её облик казался отстранённым – Большинство видит в этом личную драму семьи, разыгрывающуюся в режиме реального времени. А у любой пьесы должны быть отрицательные герои, на которых возлагается вина за печальный финал.

– Получается, главный риск для вас – это то, какими «героями драмы» вы в последствии предстанете перед общественностью. – заключил Риз.

– К сожалению, – отозвалась Елизавета – путь прогресса далеко не всегда выстлан красной, бархатной ковровой дорожкой.

– Точно, – отозвался Риз – иногда этот путь выстлан костями.

Риз и Елизавета сменили тему, и беседа потекла более оживлённо и приятно. Молодые люди обсуждали разные вопросы, Риз рассказал немного о новостях, заинтересовавших его, о которых Елизавета даже и не слышала, будучи постоянно поглощённой интенсивной работой и фактически каждодневно принося в жертву своё время и силы.

В конце концов, молодые люди вернулись к тому, что изначально должно было стать темой их разговора.

– Я просмотрела твою таблицу, и описания. Ты ведь сам выявил определённую закономерность?

– Да, это не было сложной задачей. Я ещё до таблицы стал замечать, что определённые образы появлялись в моих снах всё чаще.

Елизавета хотела вывести таблицу на дисплей своего смартфона, но Риз упредил её, открыв таблицу на ноутбуке, на широком дисплее было куда удобнее разбирать содержимое.

– Видишь, – начала Елизавета – я насчитала шесть основных элементов. Их можно назвать «яркими фрагментами»

Риз утвердительно кивнул.

– Прежде всего, важное значение имеет место, пространство, в котором происходят события, являющиеся тебе во снах. Мы можем наблюдать, что ты чаще всего видишь некий природный объект.

– Да, точно так. – подтвердил Риз, не выпуская чашку чая из рук.

– Так, я в общих чертах поняла характер места, но не смогла обнаружить в нём никаких ярких особенностей. Сможешь мне сейчас рассказать по подробнее.

– Да, конечно. – теперь Риз поставил чашку на стол, затем сложил ладони в замысловатую позицию на груди – Это место, это действительно природа, я имею в виду, это не что-то

техногенное. Это на открытом пространстве. Я обнаруживаю себя там всякий раз. Там повсюду снег, хотя совсем не холодно. Говоря точнее, я понимаю, что это зима, ну или очень поздняя осень. И сам снег указывает на то, что окружающая температура должна быть ниже нуля, но я не чувствую даже холода от снега.

– Тактильные ощущения практически никогда не передаются во сне, ведь головной мозг в это время не выполняет функцию анализа тактильных рецепторов. – объясняла Елизавета – В противном случае, мы не могли бы даже заснуть, продолжая ощущать воздействия на тактильные анализаторы. Во сне, анализаторная система работает по принципу охранной системы. Мы долго можем не чувствовать каких либо воздействий, пока степень воздействий не становится травматичной. Вот тогда наш мозг пробуждает нас, чтобы мы могли устранить опасное воздействие.

– Я правильно понимаю, – решил уточнить Риз – что когда я периодически, во время сна, закидываю руку за голову так, что нарушается кровоснабжение тканей руки, и долго время, я продолжаю спать, не чувствуя неудобств, пока в определённый момент, я как бы по щелчку просыпаюсь, чтобы восстановить нормальное положение части тела – руки, и восстановить кровоснабжение?

– Ну да. – улыбнулась Елизавета – всё верно. Просто та ишемия тканей, из-за длительного отсутствия достаточного кровоснабжения, которая уже угрожает повреждением мышечных и других тканей, является опасным состоянием, и наша нервная система автоматически прерывает сон, чтобы мы могли устранить угрозу. А вот тот, кто засыпает сильно пьяным, сильно рискует, поскольку алкоголь угнетает нервную систему, и экстренного пробуждения может и не произойти. Знаешь, часто так бывает, что сильно выпивший человек мог заснуть лицом в подушку, и задохнуться под весом собственного тела.

– Ясно, – продолжал Риз – пусть будет так. В том месте, находится лес, хвойный, деревья высокие, покрытые снегом. Я хорошо помню и такой момент, что если смотреть на их вершины, то можно видеть, как они раскачиваются, словно от ветра. Но в то же самое время, никакого ветра не ощущается. Ладно. Этот лес, он словно расступается и между ним находится озеро. Оно уже покрыто льдом, но очевидно лёд тонкий, недавно сформировавшийся. Поверхность льда скрыта снегом.

– А есть там что-то на противоположном берегу? – спросила вдруг Елизавета – Может быть что-то такое, что ты можешь видеть, и ощущаешь желание, стремление туда добраться.

– Нет, нет, ничего подобного там нет. – поспешил ответить Риз, чтобы женщина не ушла в неверном направлении – Противоположный берег вообще плохо виден, но не потому что он далеко. Просто, если в его направление смотреть, то ты словно понимаешь, что берег там, но не видишь его. Это довольно странно, и касается не только берега, но и многих других объектов. Раз за разом, когда я видел это место, объекты и сам берег становились более чёткими. Я даже подобрал наиболее подходящий термин – детализация.

Елизавета ничего не ответила, лишь озадачено посмотрела на Риза.

– Ну, это процесс прорисовки мелких деталей. Особенно актуально для компьютерной графики, когда программа задаёт определённые значения, таким образом, чтобы изображение объектов последовательно проявлялось, по мере приближения к ним камеры. Здесь, по ощущениям, во многом точно также.

– Словно кто-то дорисовывает пространство. – Елизавета закончила идею Риза, подобрав настолько точное описание явления, что молодой человек сам поразился этому.

– Да, именно так. Думаю это можно как раз так и описать.

– Хорошо, – Елизавета похоже предпочла не задерживаться на этом своём предположении – а что там, в противоположном направлении от озера?

– А там ничего и нет. – коротко ответил Риз – В этом тоже не всё просто так. Всякий раз, когда я был обращён лицом в противоположное от озера направление, там было лишь

пространство, заснеженная поверхность, словно поле, уходящее далеко, до тех пор, пока не сливается с горизонтом. И двигаться в этом направлении попросту невозможно, поскольку просто не получается приблизиться, ну или если точнее, удалиться от пресловутого озера и леса.

– Интересно. – заключила Елизавета, глядя на Риза – А ещё что ни будь ты там встречал?

Этот вопрос показался Ризу подозрительным. Молодой человек уже успел изучить манеру речи и некоторые аспекты поведения Елизаветы. Сейчас, это было очевидно, она хотела услышать что-то такое, что должно было подтвердить или опровергнуть какую то её догадку, озвучивать которую она пока что не собиралась.

Ризу не хотелось говорить о том, последнем компоненте своего сна. Странная фигура, человек, которого он видел несколько раз.

«– Возможно,» – думал Риз – «твои догадки как-то связаны с этим человеком. Но ведь о нём я не упоминал в таблице. Ты определённо что-то знаешь»

– Да вроде нет, – вслух ответил Риз – больше ничего такого там нет, иначе я бы указал это.

Молодой человек кивнул на таблицу, Елизавета посмотрела на дисплей и тоже кивнула.

– Хорошо, давай дальше. – сказала женщина – Следующим пунктом я бы выделила вот это...

Она ткнула пальцем в экран, не прикасаясь к поверхности дисплея.

– Здесь у тебя указан какой-то храм. Что это такое?

Риз задумался, подбирая слова, поскольку вот это его видение ему было сложнее всего описывать, настолько животрепещущим оно ему казалось.

– Я, возможно, начну из далека, – наконец заговорил Риз – ты помнишь тот вечер на конференции, когда мы в первый раз встретились вне исследовательского центра?

Елизавета кивнула головой в знак подтверждения.

– Эта лекция о территории между королевством Бутан и Непалом. – сказала женщина, давая понять, что она очень хорошо помнит тот вечер.

– Именно. Лекция того азиатского учёного, которому якобы удалось втереться в доверие и прожить какое-то время в среде той таинственной народности, про которую он рассказывал. Так вот, я ещё тогда, слушая его лекцию, смотрел на те слайды, что были у него за спиной. С какого-то момента я стал ощущать себя странно. Мне показалось, будто некоторые изображения были мне знакомы.

– Ну, – Елизавета несколько неуверенно перебила Риза – ты ведь мог видеть нечто такое в интернете. Сейчас даже самые экзотические уголки, так или иначе, уже попадали в объективы камер.

– Нет, здесь совсем другое. – отрезал Риз – Я не просто вспоминал, что где-то, когда-то видел нечто подобное. Я ведь далеко не специалист в архитектуре, особенно в зодчестве не изученных народов южной Азии. Понимаешь, в интернете можно найти миллионы снимков самых разных развалин, храмовых комплексов и прочего. Человеку, который не специалист в этой области, будет, мягко говоря, не просто дифференцировать такие вещи. Для меня, архитектура Непала, с их буддийскими храмами мало чем отличается от храмовой архитектуры того же Бутана.

Елизавета понимающе кивнула, призывая Риза продолжать объяснения.

– Но вот когда я увидел именно те фотографии, я фактически ощутил, что я, и это может прозвучать странно, был там. Словно сам находился среди тех скальных фигур, примитивных резных барельефов. Я закрыл тогда глаза, и я не просто вспомнил, а почувствовал это место, о котором шла речь. Дальше всё было ещё более странно. Я словно отключился посреди лекции, обнаружив себя там, в этом храмовом комплексе. На этот раз, всё было очень реально. Я ощущал изнуряющую жару, при высокой влажности воздуха. Я ощущал редкие порывы освежающего ветра, которые приносили с собой и ароматы некоторых растений. Там кругом были

мангровые джунгли. Я видел в таких мелких деталях узоры, вырезанные на скальных стенах, и я слышал, как в небе, над самым комплексом, кружили бесчисленные птицы, неизвестной мне породы. Они были светло-серого оперенья, скорее даже белёсого. Они отвратительно кричали, и их крик, заполнял собой скальный комплекс, скорее всего из-за эффекта эха.

– Ты всё это увидел там, тогда, во время лекции? – спросила Елизавета, которая была сильно удивлена услышанному.

Риз кивнул, и не дав женщине ничего сказать, добавил:

– Я видел это место, но это было не просто видение и уж тем более не сон. Я мог бродить по тем местам, прикасаться к предметам, понимаешь? Я мог взаимодействовать с миром, как если бы он был реальный.

– И как долго это продлилось? – спросила Елизавета.

Риз посмотрел на женщину, затем прикоснулся к подбородку, задумался, пытаясь дать наиболее точный ответ.

– Очень сложно сказать. Видишь ли, там, в том месте я как бы пробыл не мало. А вот когда я пришёл в себя, оказалось, что просто закончилась двадцатиминутное выступление того профессора.

– И я подошла к тебе.

– Что?

– Ну помнишь, я подошла к тебе и поздоровалась, – Елизавета напомнила Ризу о их встрече – ты тогда казался растерянным, я даже слегка удивилась. Мне сразу же пришла в голову мысль, что быть может и не стоило тебя беспокоить....

Риз помолчал какое-то время, а затем рассмеялся, растирая ладонями глаза.

– Нет, – говорил молодой человек – уж вот это-то сделать как раз стоило!

Елизавета тут же ответила молодому человеку аналогичной реакцией.

– Ну хорошо, что ты не жалеешь.

– Слушай, а что это был за профессор такой? – спросил вдруг Риз.

– Который читал лекцию? – переспросила Елизавета – Это был знаменитый этнолог, его зовут, если я смогу это правильно произнести, Кадернатх Пандэй.

– Ого, ты вспомнила такое имя? – удивился Риз.

– Ну он достаточно известный учёный. Видишь ли, я не просто так была на той конференции. – объясняла Елизавета – Мой отец был профессором истории и долгие годы занимался этно-географией. Он уже умер, но меня иногда приглашают некоторые его старые друзья на конференции, где проходят презентации папиных книг. Права на свои труды, мой отец ещё при жизни продал одному издательскому дому.

– Здорово. Ты никогда не рассказывала... – сказал Риз и осёкся, поскольку осознал, что у них с Елизаветой состоялось не так уж и много очных встреч, и всякий раз они говорили только о нём, а рассказать о самой себе женщина не имела никакой возможности.

– Да это дело такое, семейное и не факт, что тебе будет интересно. –отмахнулась Елизавета, желая уклониться от этой темы.

– Я думаю, – Риз придвинулся к ноутбуку, оказавшись совсем рядом с Елизаветой – что имеет смысл узнать, где сейчас этот этнолог. Как ты говоришь его зовут?

– Кадернатх Пандэй. – проговорила Елизавета, почти-что по слогам.

Риз набрал имя учёного в поисковике и тут же получил множество ссылок. Однако его интересовало только то, где и как можно было бы найти этого человека. На официальном сайте учёного Риз нашёл его контактную информацию. Там были номера телефонов и электронная почта. Причём, номера телефонов были и российские.

– Если он ещё в России, – говорил Риз – я хочу попробовать договориться с ним о встрече.

– Так, – озадачено произнесла Елизавета – и что дальше?

– Я хотел бы поговорить с ним по подробней о этих его снимках. Где, когда и при каких обстоятельствах он их сделал.

– Интеерсно... – согласилась женщина – Ты хочешь ему позвонить, или написать сообщение?

– Для начала, я отправлю ему сообщение. Если получу обратную связь, то там уже и свяжемся. – Риз на секунду задумался. Затем добавил – Хотя, даже если он вообще ничего мне не ответит, я всё равно ему позвоню.

Елизавета улыбнулась.

– А давай я попробую написать ему на почту от нашего отдела. -предложила Елизавета – Известные учёные, как правило, страдают не дюжим снобизмом. Он может из принципа не пойти на контакт с тобой.

Риз посмотрел на женщину, улыбнулся в ответ, и ответил.

– Было бы просто отлично. Если только тебя это не затруднит и никаких проблем не составит.

– Да какие там проблемы. – отмахнулась Елизавета, пододвигаясь к монитору, чтобы записать адрес электронной почты себе в смартфон.

В этот момент, женщина оказалась очень близко от Риза, и тот смог почувствовать, как сквозь ауру аромата её парфюма пробивался запах её свежих, уложенных в замысловатую причёску волос. Ризу сделалось вдруг очень приятно само ощущение присутствия Елизаветы рядом с ним. Молодой человек захотел что-то сказать, но на ум не приходило подходящих ситуации фраз.

Сам не понимая зачем, Риз произнёс её имя тихим, едва не шепчущим голосом. Женщина замерла, но не спешила отпрянуть. Она ничего ему не ответила. Покосившись краем глаза на молодого человека и игриво улыбнувшись, она ловко поймала его руку и преодолевая незначительные, неосознанные сопротивления, притянула ладонь Риза к себе, и опустила на бедро. Наконец Риз волевым усилием заставил себя отказаться от неловких сопротивлений, вызванных волнением и растерянностью. Впоследствии, Елизавета сделала всё за него.

На утро, Риз проснулся с пониманием того, что впервые со дня своего пробуждения в исследовательском центре, его сон был спокойным, не наполненным никакими видениями или образами, а сам он чувствовал себя свежим, отдохнувшим и полным сил.

Елизавета, с первой же минуты своего бодрствования принялась суетиться. Оказалось, что она уже опаздывала на какое-то очередное совещание, связанное с предстоящей операцией. Женщина на ходу выпила кофе съела два яблока, которые лежали у Риза в холодильнике. Ни о каком завтраке и речи быть не могло. За окном, на дорогах уже собирались солидные пробки. Одеваясь практически на ходу, женщина заявила, что прихорашиваться она будет в машине, благо на её пути до работы будет как минимум четыре участка с извечными заторами на дороге.

Уже на самом пороге, в прихожей, Елизавета остановилась, словно опомнившись, что она что-то позабыла. Обернувшись, она увидела, что Риз стоял в коридоре и молча провожал её взглядом. На лице молодого человека была лёгкая, еле заметная улыбка.

– Ну что! – выдохнула Елизавета – Ты так и будешь стоять там как истукан или пожелаешь мне хорошего дня?

Риз улыбнулся.

– Будь осторожна на дороге, – проговорил он – и хорошего тебе дня.

Елизавета улыбнулась в ответ.

– Ну я имела в виду, что ты мог бы меня поцеловать.

Риз с большой охотой пожелал Елизавете «хорошего дня» таким способом, как она того хотела, и женщина буквально помчалась вниз по подъезду, во двор, где стоял её автомобиль. За минувшую ночь, как не удивительно, не напало много снега.

Риз, закрыв входную дверь, и оставшись один, подошёл к окну на кухне, и посмотрел во двор. Он увидел, как автомобиль Елизаветы, едва успев прогреться, уже покидал двор.

Проведённый вечер оставил у Риза чрезвычайно приятные впечатления, но теперь, когда он вновь остался наедине с самим собой, он вновь почувствовал как к нему возвращалось его самообладание, контроль над эмоциями.

Позавтракав, Риз подумал о планах на день. Первым делом он осуществил задуманное, написав сообщение профессору Кадернатх на его электронную почту.

Однако, это заняло не больше полчаса, после чего Риз решил, что имело смысл как следует порыться в интернете в поисках информации, касавшейся того таинственного места, про которое индийский этнолог рассказывал. Трудно было представить, что при том размахе навигационных и спутниковых технологий, которых достиг прогресс, ещё оставались места столь малоизученные, пусть даже и в южной Азии.

Риз планировал проводить свои поиски не столько по официальным поисковым системам, от этого было мало толку. Он собирался поискать специализированные форумы, посвящённые вопросам этнографии, истории, чего-либо, связанного с интересующим его вопросом.

Вскоре молодому человеку удалось найти подобные ресурсы. Особую ценность, как казалось Ризу, представляли именно форумы. Поскольку конкретной информации по племенам и народностям вблизи королевства Бутан богатой нигде не было. Риз надеялся задать вопросы бывалым различных форумов. Все, более-менее серьёзные форумы данной тематики, были иностранными, и язык общения там был английский. К собственному изумлению Риз обнаружил, что этим языком он владеет едва ли хуже чем русским. Сперва неуверенно, Риз продвигался по строкам, осознавая, что значения слов, связанных в предложения, становятся ему ясны, как бы сами собой. Это означало, что когда-то он уже изучал английский и, очевидно, этот язык был у него на очень приличном уровне. Находка поразила Риза не только как приятный сюрприз, но и как ещё одно подтверждение теории о том, что в постоперационный период после нейросинтеза, нейронные связи продолжали устанавливаться в мозгу Риза, в то время как он сам не мог и догадываться, какие ещё находки ждут его впереди.

Зайдя на самый авторитетный форум, который был организован при университете Гарвард. Здесь было учреждено крупнейшее этнографическое сообщество¹³.

Это был большой форум, с огромным деревом тем, подтем, и библиотекой сообщений за много лет существования портала.

«— Ну и что дальше?» — задавался вопросом Риз.

Просмотрев названия тем, он обнаружил, что он большинство из них даже приблизительно не касались искомого региона. Большая часть обсуждаемых тем касалась очень узких вопросов, обсуждение которых изобиловало специальной терминологией.

Риз принялся открывать ветки тем с наиболее интересными ему названиями. Всё, что было хоть как-то связано с вопросами практикуемых в южной Азии религиозных учений. Оказалось, что главной причиной столь скудных данных о данной территории являлась практически перманентная политическая напряжённость. Кроме того, культура, история и этнография как Непала так и королевства Бутан были довольно хорошо изучены, и именно эти два государства теперь диктовали культурные тренды в регионе.

Однако в территориальные споры между тесно расположенными государствами оказывались вовлечены те малые народности, которые проживали в труднодоступных территориях. Одной из таких народностей были Бурпа, которые издревле селились в горах, компактно расселяясь в тех частях горных массивов, на которых сохранялась достаточная растительность.

Культура Бурпа была изучена весьма поверхностно, поскольку данный народ не отличался коммуникабельностью, а его специфическая религия способствовала только изоляции. Даже жители королевства Бутан не обладали достаточными знаниями о этом народе. Всё, что

этнологам удавалось вызнать у них о Бурпа, ограничивалось местными преданиями и суевериями.

Риз, читая обширные выдержки из разных статей, которые участники форума приводили в качестве доказательства некоторых своих гипотез, периодически обнаруживал упоминания о профессоре Кадернатх Пандэй. Оказалось, в узких кругах этнологов, его имя было известным, и он считался авторитетным учёным. Кадернатх, около восемнадцати лет назад, когда он только начинал свой путь международного исследователя, заявил о своём намерении сорвать вуаль таинственности с региона. И народность Бурпа значилась наиболее важным объектом в его исследованиях.

Помимо Кадернатх, были и другие исследователи, в том числе и из России. Данные, которые стали постепенно публиковаться в виде научных трудов, были скудными. Для свободного путешествия в регион нужно было выбирать момент, когда территории не были охвачены военными акциями или беспорядками. Затем, нужно было обеспечить надлежащую подготовку, ведь территории, на которых проживали Бурпа, были труднопроходимыми и обладали совершенно специфическими условиями. И наконец, сами Бурпа вообще не шли на контакт. Некоторые исследователи описывали, как целые поселения покидали свои дома и уходили в горы, как только их достигала весть о приближающихся иноземцах.

Были также и сведения о агрессивных проявлениях со стороны туземцев. Профессор Кадернатх утверждал, что многие исследователи заранее обречены на неудачу из-за своего непонимания менталитета Бурпа.

Впоследствии, именно индийский учёный оказался первым, кто принёс сведения о том, что Бурпа вовсе небыли дикарями. У них была собственная цивилизационная надстройка, а народ пребывал в кастовом делении. Те представители Бурпа, что встречались большинству незадачливых европейских исследователей, были представители низшей касты, он более всех остальных своих соотечественников были приближены к природе, и во многом их агрессивная реакция была обусловлена их близостью с животным миром. Кадернатх Пандэй утверждал, что у Бурпа есть своя столица, и это прекрасно построенный город, здания которого выстроены из камня и дерева. И в этом городе особое место занимают официальные лица Бурпа, которые, как и во многих мало-развитых обществах, объединяют в себе религиозные и властные начала.

Но власть в Бурпа, по словам Кадернатх, не была монолитной, единой. У них был властитель, личность которого неизменно отождествлялась с богом. Власть правителя передавалась по наследству. Были также и духовные лица, что-то на вроде жрецов, которые олицетворяли посредников между божеством, в которое верили Бурпа, и самим народом.

Кадернатх, представив свои открытия научному миру, сперва был воспринят с глубоким подозрением. Многие учёные сочли его данные надуманными или вообще вымыслом. Никто не хотел верить, что индийскому учёному удалось то, в чём потерпели фиаско европейцы. Но Кадернатх предоставил первые документальные доказательства своих слов. Это были первые фотоснимки того, что ему было позволено заснять, находясь в столице Бурпа. Когда фотоматериалы были обнародованы, в среде этнологов, географов и как ни странно, в политической среде, поднялся не шуточный переполох. Впервые, исследования данных территорий попали в поле зрения правительства. И здесь, как это часто бывает, именно США оказались впереди планеты всей, выделив существенные гранты на исследования региона. Кадернатх хорошо понимал, что тягаться с финансовой и технологической машиной США ему не удастся. А когда его самого попытались привлечь к американскому проекту, то он отказался от участия по политическим соображениям. Тем не менее, последующие несколько лет, когда спонсируемые правительством США экспедиции к Бурпа потерпели череду крупных провалов, авторитет профессора Кадернатх только усилился. Теперь в нём видели чуть ли не единственного в мире специалиста, который мог выступать связующим звеном между цивилизованным миром и таинственным регионом.

Но сам профессор не шёл на контакты. Он лишь продолжал собственные исследования, совершая длительные экспедиции к Бурпа.

Далее, будучи увлечённым темой, Риз рассматривал карты, фотографии и зарисовки из многочисленных экспедиций. Его интерес усиливался, когда он раз за разом узнавал в изображениях нечто, что как ему казалось, он уже видел. Иными словами, он всё явственнее ощущал как раскрываемая им информация находила непонятные отголоски в глубинах его памяти.

Было обидно, что авторы всех этих исследований были иностранного происхождения, а про отечественные достижения в данной области говорить не приходилось. Риз перелопатила большой объём информации, так и не найдя ни одной русской фамилии. Все надежды теперь были связаны с профессором Кадернатх, однако тот не спешил давать ответ даже через электронную почту. Риз утешал себя тем, что Елизавета охотно вызвалась помочь ему в этом вопросе.

Риз просидел в поиске информации до полудня. Затем он почувствовал естественное желание хотя бы ненадолго выйти на улицу, совершить прогулку, освежить мысли. Пообедав, он так и сделал. Маршрут прогулки молодой человек выбрал не случайно. Он решил нанести визит в конференц-зал в выставочном центре, где выступал со своей лекцией индийский учёный. Сегодня здесь не планировались никакие мероприятия, но атмосфера внутри, всё равно, сохранялась суетная. Люди сновали из стороны в сторону, какие-то рабочие проводили замеры помещений и планировали будущие инсталляции.

Когда на Риза, глазевшего на происходящее, наконец-то обратили внимание, молодой человек уже успел рассмотреть старые, оставшиеся до сих пор не выброшенными, программки выступлений. Но это никак не помогало Ризу в его поисках.

А вот разговор с администратором выставочного зала придал Ризу дополнительную надежду. По словам менеджера, ответственного за связи с выступающими и за привлечение всё новых специалистов, профессор Кадернатх Пандэй ещё не покинул город, и более того, у него были запланированы несколько встреч и кое-какая работа с местными аспирантами. Это означало, что Риз мог не дожидаться ответа чрез почту, вполне вероятно, учёный был слишком занят, чтобы регулярно проверять электронный почтовый ящик.

Разумеется, не было и речи о том, чтобы менеджер сказал Ризу адрес или другие личные контактные данные учёного, но и без этого удалось узнать места, где Кадернатх встречается с аспирантами. Этим обстоятельством Риз был чрезвычайно доволен. Однако это удовлетворение вряд ли могло идти в какое-либо сравнение с удивлением от совершенно иного обстоятельства.

Придя домой, когда за окном уже начинало темнеть, Риз первым делом включил компьютер, чтобы проверить статус ящика электронной корреспонденции. К собственному удивлению он обнаружил два входящих сообщения, каждое из которых было, судя по обратному адресу, от Кадернатх Пандэй.

В первом сообщении профессор приветствовал Риза какой-то смесью из формального приветствия и попытки звучать как можно более непринуждённо. Затем письмо обрывалось, как если бы профессор по неосторожности кликнул функцию «отправить», а вот во втором письме, Кадернатх уже говорил, что называется, «по делу»

В письме было сказано следующее:

«Я несколько удивлён, что молодой человек, коих было по сути не мало на моей презентации, проявил любознательность более всех других. Впервые я наблюдаю ситуацию, чтобы человек, на относящийся к миру науки, проявлял такой интерес. Мне, безусловно, это не может не льстить».

Тем не менее, ничего не отменяет действительность. Я в настоящее время сильно занят, мой день буквально расписан по часам. Но кем бы я был, если бы отказал вам в вашей просьбе? Я предлагаю вам прибыть завтра, после восьми вечера, в гостиницу «Пантеон», в

которой я временно проживаю. Я буду ждать вас в вестибюле. Мы сможем поговорить о интересующем вас вопросе. Я очень надеюсь, что помочь вам – в моих силах»

В конце второго сообщения следовали причудливые формы вежливого завершения дистанционной беседы.

Риз проверил указанный адрес по интернет-карте города, и обнаружил, что гостиница, в которой проживал Кадернатх, находилась довольно далеко от того места, где жил сам Риз. Это была довольно дорогая гостиница, называлась она «Пантеон» и туда добирались преимущественно на такси, поскольку постояльцы данного заведения вполне могли себе позволить такие издержки. Но там была и очень хорошая транспортная развязка, поэтому добраться туда проблем не представляло.

Риз твёрдо решил, что завтра он обязательно нанесёт визит профессору, и поэтому следовало уже этим вечером подумать о конкретных вопросах, чтобы разговор не затягивался и не оставалось никакой недосказанности. Но прежде, он хотел позвонить Елизавете и сообщить ей о назначенной встрече.

Набрав номер Елизаветы, Риз был вынужден услышать множество гудков в ожидании соединения. Женщина очевидно была либо занята, либо оставила телефон где-то поодаль и теперь не слышала входящего вызова. Подобные ситуации, как уже успел заметить Риз, были не редки.

Наконец на противоположном конце ответили. Это был голос Елизаветы, но казалось, что женщина была уставшей и несколько растерянной. Ей понадобилось несколько мгновений, прежде чем она поняла, кто с ней разговаривал, и тем более о чём шла речь. Тогда, Елизавета поприветствовала Риза и поделила с ним частицу радости от его успеха.

– Ты знаешь, – говорила женщина – а у нас тут такой бедлам, что у меня не было времени даже вспомнить об этом. Хорошо, что ты сам написал этому индусу сообщение. Хочешь, чтобы всё было сделано хорошо – сделай это сам!

Риз согласился, поговорка была к месту, но он и не думал винить Елизавету. Меж тем, женщина проявила даже некоторый интерес к предстоящей встрече.

– Так, где ты говоришь ваша встреча состоится? А это что же получается, он там теперь проживает? Странно, очень уж люксовая гостиница. Ты уже знаешь, в каком ключе поведёшь беседу?

Риз ответил на все эти вопросы, дав Елизавете обещание, что обязательно сообщит ей о результатах встречи.

Женщина, в свою очередь, выразила сожаление, что её работа попросту не позволяет ей в ближайшие пару дней выбраться для свидания с Ризом.

– Это, очень даже может быть, и к лучшему. – отвечал Риз – Ведь когда мы в следующий раз встретимся, то у меня, должно быть, будет много интересного.

– Это точно. – задумчиво ответила Елизавета.

Риз, во время всего этого разговора, не переставал обращать внимание на задний звуковой фон на стороне собеседницы. Женщина находилась в очень спокойной обстановки, вопреки тем описаниям, что она сама давала. Не было слышно ни стука множества ног о кафельный пол, ни отдающихся эхом голосов, ровным счётом ничего. Но Риз предпочёл думать, будто Елизавета всё же смогла найти посреди всего описываемого ею хаоса некий островок спокойствия.

Приятный, хотя и несколько необычный разговор закончился, Риз ещё какое-то время сидел на диване напротив компьютера, а затем вышел на кухню, приготовил себе кофе, вместе с которым он вернулся обратно в гостиную, чтобы подготовить свои вопросы для завтрашней встречи с легендарным профессором-этнологом Кадернатх Пандэй.

Глава 4

Гвидо Дерковски сидел в своём кабинете, будучи абсолютно уверен, что в ближайшие несколько часов его никто не побеспокоит. Своей помощнице, женщине не стандартной для такой профессии внешности, Аллеоноре, Гвидо наказал никого не приглашать в приёмную без предварительного его уведомления. Женщина, получая такое распоряжение, тяжело выдохнула и несколько раз кивнула головой, давая понять, что распоряжение ясно как день. Гвидо изумился, когда узнал, что его проницательная помощница, работавшая ещё с его братом, столь детально подмечает все происходящие в нём перемены. Казалось, будто это она учредила эту организацию, и именно она подбирала сперва брата Гвидо, затем и его самого в свои ассистенты.

– Что бы я без тебя делал! – периодически восклицал Гвидо, когда в очередной раз оказывалось, что расторопность и осмотрительность Аллеоноры предвосхитили какой-либо административный коллапс в организации.

Гвидо терпеть не мог весь этот бизнес, поскольку в силу собственного характера он был человек собственных умений и навыков. Прожив долгое время в маленьком городке, работая собственными руками на самого себя, мужчина так и не мог найти в себе хоть малой толики терпимости к мегаполису, со всеми его беспокойными жителями и причудливым укладом. Он с огромным удовольствием вернулся бы туда, где теперь стоял его собственный цех по утилизации отловленных бездомных животных, но судьба, а точнее говоря, судьба его брата, распорядилась так, что теперь у Гвидо были обязательства, отвернуться от которых он не мог себе позволить ни при каких обстоятельствах.

Фотография брата Гвидо стояла в рамке, в правом углу большого офисного стола. На столе всё было расставлено так, как когда-то расставлял Антон Дерковски, брат Гвидо. Единственное, что Гвидо позволил себе изменить в обстановке кабинета, были многочисленные фотографии кошек, висевшие на стенах. Он убрал их в первый же день своего пребывания здесь. Мало того, что кошачьи фотографии выглядели нелепо, так ещё и принимая в расчёт работу Гвидо, это казалось мужчине издевательством. Но, разумеется, никаким издевательством это не являлось. Антон Дерковски, в отличие от своего брата любил домашних животных, да и вообще, с самого детства он был довольно чувственный по натуре человек. Во многом именно эта черта его характера, так считал Гвидо, и стала причиной случившегося с ним несчастья.

Антон уже полтора года как не было в живых. Но продолжал худо-бедно функционировать его бизнес, несмотря на всю экстравагантность, для российского рынка, идеи. Это была единственная в городе, да и во всей области, гостиница для кошек. Суть заключалась в том, что Антон выкупил здание в несколько этажей, где следуя апробированной на Западе системе, разместил специальные секции со всем необходимым оснащением для комфортного размещения животных. Услугу эту потребляли прежде всего не кошки, а их состоятельные и заботливые хозяева, которые уезжая куда-либо на длительный срок, оставляли своих питомцев в так называемой гостинице. Идея была не нова для Европы, но в России это было что-то необычное и люди потянулись. Помимо личного ассистента, которой и была Аллеонора, у Антона работали ещё четыре специалиста, которые и осуществляли необходимый уход за животными.

После того, как Антона не стало, бизнесу суждено было кануть в лету. Однако Аллеонора, удручённая смертью Антона, продолжила какое-то время вести его дело, пока на пороге гостиницы не появился Гвидо. Женщина с первого взгляда признала в мужчине брата Антона, они были близнецы. Но именно внешностью ограничивалось сходство двух братьев, характеры их разнились как огонь и лёд. При этом, огнём можно было назвать именно Антона, хотя лишь в том контексте, что это был эмоциональный человек, который никогда не пытался маскировать своих переживаний. А вот Гвидо был скрытным, суровым, немногословным. Аллеонора, безусловно, различала душевные агонии, которые испытывал мужчина из-за утраты брата, но внешне, Гвидо оставался невозмутим. Он так и не посвятил женщину в свои планы, действуя

из принципа, что двое смогут сохранить секрет, только если один из них окажется в могиле. Но впоследствии, Гвидо уже практически оставил все сомнения на счёт того, что Аллеонора догадывалась о сути его присутствия.

Всё то время, что Гвидо находился при деле своего брата, бизнесу мужчина уделял меньше всего времени. Он расширил полномочия Аллеоноры до небывалых масштабов, и фактически, всё дело теперь вела она. Наивно полагая, что когда женщина сможет столь-же пропорционально получить заработанное, заставит Аллеонору позабыть про всякие догадки и подозрения, Гвидо серьёзно ошибался. Аллеонора лишь укоренилась во мнении, что Гвидо преследует совсем иную цель, никак не связанную с бизнесом в кошачьей гостинице.

Теперь Гвидо вообще не волновало это обстоятельство. Исполнение его плана было уже не за горами. Закрывшись в кабинете, мужчина разложил ноутбук и просматривал собранные материалы слежки за Максимилианом.

Главным образом Гвидо фиксировал всё, что было связано с передвижениями психотерапевта, и временем. Гвидо выписывал на отдельный лист места в которых Максимилиан появлялся регулярно всего, и время его появлений там.

Когда дело было сделано, Гвидо убрал в сторону свой ноутбук и раскрыл толстый ежедневник в кожаной обложке, на лицевой стороне которой было теснение – надпись «Антон»

Это ежедневник принадлежал брату Гвидо, и больше чем на половину он был уже испи-сан. Проверя отдельные даты, Гвидо уже в который раз убеждался, что Максимилиан имел странную тенденцию назначать встречи отдельным пациентам в одном весьма необычном месте.

Это был старый, закрытый кинозал, стоявший в удалённом районе города, являющийся наследием советских времён. От мародёров это здание спасало лишь то, что там где оно располагалось, проживали теперь преимущественно одни только пенсионеры, а на дверях и окнах были установлены замки с заглушками, исключающими простое проникновение внутрь. Гвидо узнал, что несколько лет назад, после неудачной попытки сделать из кинозала небольшой музей местного значения, администрация района хотела использовать это здание как складское помещение для различного строительно-ремонтного материала, используемого местной управляющей компанией при осуществлении ремонтных работ. Но нашлось некое частное лицо, которое поспешило выкупить неликвидный объект в собственность. Администрация пошла навстречу такому желанию, и вскоре у здания старого кинозала появился свой владелец. Сперва местные пенсионеры забеспокоились, решив что теперь частник непременно сделает из кинозала какой-нибудь местный клуб или бар. Однако все беспокойства оказались напрасными. После продажи здания в собственность, единственное, что изменилось, так это появление новых железных дверей и ставень на окнах, с надёжными замками.

Гвидо теперь не сомневался, что судя по всему именно Максимилиан выкупил здание для своих личных целей. Вопросом однако оставалось, что это были за цели такие. Из тех сведений, которыми располагал теперь Гвидо, становилось ясно, что психотерапевт периодически проводил в этом здании встречи с некоторыми своими пациентами. На первый взгляд это могло показаться очень странным, но при дальнейшем рассмотрении Гвидо выяснил, что для того, чтобы вести открыто частную практику, Максимилиану потребовалось соответствующее лицензирование, а это, в свою очередь, означало бы опубличивание деятельности. Отсюда появлялся другой вопрос, почему психотерапевт с достаточно громким именем не хотел обустроить свою частную деятельность легально? И Гвидо видел два вероятных ответа. Во-первых, Максимилиан мог практиковать какие либо ещё не признанные научной медицинской доктриной методы, а во-вторых, его работа в исследовательском центре над проектом нейросинтеза, могла подразумевать некие рестриктивные ковенанты¹⁴ в его договоре с учреждением. Например, одно из таких ограничений могло запрещать Максимилиану заниматься частной практикой из-за угрозы нанести ущерб репутации исследовательского центра.

Периодически мучавшая Антона бессонница заставила мужчину обратиться к специалистам, а так как мужчина был сторонником передовых идей, обращался он строго к продвинутым исследовательским организациям, в наименьшей мере связывающим себя отраслевыми стандартами. Так Антон попал к Максимилиану. Впоследствии мужчина неоднократно делился со своим братом впечатлениями о сеансах, проводимых Максимилианом.

Гвидо, разумеется, не обращал на это никакого внимания и вообще не придавал никакого значения внезапному увлечению брата. По мнению Гвидо, психологические консультации являлись чистой воды надувательством и легальным способом вытягивать деньги из легковых людей. До недавнего времени, Гвидо даже и не понимал разницы между психологом, психотерапевтом и психиатром. Впервые Гвидо насторожился из-за увлечённости брата, когда тот рассказал ему, что Максимилиан применяет на своих сеансах какой-то препарат. Гвидо был уверен, что психология идёт порознь с клинической медициной. Антон же не унимался, и рассказывал про некое средство, разрабатываемое в исследовательском центре и ещё не получившее широкого распространения. Максимилиан утверждал, что это должно было стать прорывом в клинической фармакологии.

Вскоре после этого, Антон рассказывал о улучшениях. К нему вернулся сон, и вообще, он утверждал, что сеансы Максимилиана помогли решить ему сразу множество второстепенных проблем, о которых он и не догадывался. Это был второй раз, когда Гвидо почувствовал что-то неладное. Спустя несколько недель, он получил телефонный звонок с номера Антона, но говорила уже Аллеонора. Женщина старалась не терять самообладания, но уже по одному только её голосу мужчина понял, что случилось что-то серьёзное.

Женщина рассказала, что Антон сперва не появился в своём офисе, что было невообразимо для него. Позднее, уже сама Аллеонора была дома у Антона. Мужчина был без сознания в постели. Прибывший врач скорой помощи осмотрел Антона. Это было поразительно даже для сотрудников такой службы. У Антона сохранялось ровное, поверхностное дыхание, не было никаких признаков нарушения кровообращения. Все основные физиологические показатели сохранялись, хотя и были в несколько заниженных пределах. В виду отсутствия диагноза, врачи довольствовались констатацией состояния Антона, определив его как кома неясной этиологии. Мужчину госпитализировали в больницу и поместили под наблюдение, на случай если понадобится бы применение систем жизнеобеспечения. Тем временем, всю квартиру Антона перевернули верх дном. Искали наркотики, лекарственные вещества, всё, что угодно. Ничего так и не было найдено. А когда Аллеонора попыталась объяснить, что Антон в принципе никогда не держал препаратов, следствие взялось и за неё. Сотрудники явились в кошачью гостиницу и устроили обыски там. Кроме того, в качестве одной из версий, следствие рассматривало Аллеонору в качестве потенциального подозреваемого, считая, что у женщины мог быть мотив избавиться от Антона и завладеть его бизнесом. Вскоре не только эта, но и все остальные версии следствия развалились за неимением необходимых доказательств.

Гвидо несколько раз встречался со следователем, который руководил следствием и рассказывал ему о встречах Антона с Максимилианом, о несанкционированных сеансах и о неизвестном препарате. Однако следователь утверждал, что это всего лишь доводы, не имевшие никаких подтверждений. В частности, с Максимилианом состоялось несколько бесед, и он вполне открыто рассказывал о сеансах. Психотерапевт заявил, что он вообще то был не вправе рассказывать такие детали о своём пациенте, но раз на том настаивали ближайшие родственники, Максимилиан рассказал о проблемах с которыми к нему обратился Антон, а также психотерапевт заявил, что столь необычное место для сеансов было выбрано во многом по предпочтениям Антона, якобы бизнесмен опасался за свою репутацию.

Гвидо понимал, что это всё было полной чушью, Антон никогда не зависел от мнения других людей, а консультацией с психотерапевтом в современном мире никого не удивишь. Тем более, Максимилиан категорически отрицал факт использования какого либо медикамен-

тозного средства или биологически активных веществ. Следствие же, проведя необходимую экспертизу, пришло к аналогичному выводу. Но Гвидо больше верил собственному брату, чем Максимилиану и следователям вместе взятым.

Дело грозило сильно затянуться из-за большой неясности и отсутствия обвиняемого лица. Исследования, которым подвергли ещё живого Антона в больнице не выявили никаких патологий, и диагноз «кома не ясной этиологии» оставался в силе. Наконец, некий невролог из Санкт-Петербурга, пребывавший в городе в связи со своей научной деятельностью, вызвался провести детальное исследование Антона при помощи особого метода магнитно-резонансной томографии и последующего гистологического исследования вещества мозга. Идея была такова, что если при помощи МРТ-исследования удастся выявить зону аномальной активности нейронов, то именно из этой зоны должен быть получен материал на гистологическое исследование. Это, по мнению доктора, поможет выявить причину состояния Антона.

Гвидо охотно поддержал эту идею, в то время как следствие восприняло объявившегося специалиста как ещё одного умника, желавшего сделать себе имя на громком деле. Так или иначе, это было самое конструктивное предложение из всех. Была назначена дата исследования.

Но ни исследованию, ни установлению причины не суждено было сбыться. Буквально за два дня до назначенной даты, не приходя в сознание, Антон умер в палате интенсивной терапии, где всё это время находился под наблюдением. По словам наблюдавших его специалистов, в какой-то момент все жизненно-важные функции организма, которые выводились на дисплеи регистрирующих устройств, прекратились. Исчезли пульс и сердцебиение. Затем остановилось дыхание и тут-же стал стремительно падать уровень оксигенации крови. Врачи, разумеется, прибегли к реанимационным мерам, но ни электростимуляция, ни введение специальных препаратов уже не смогли возобновить работу органов систем. Биологическая смерть была зафиксирована. Спустя несколько часов, об это сообщили следственным органам, а те, ещё несколькими часами позднее – Гвидо.

Последовавшая аутопсия¹⁵ также не выявила никаких аномалий. Всё, что удалось найти суд-мед экспертам, были лишь возрастными изменениями, не выходящими за рамки нормы.

Впоследствии дело было закрыто за неимением улик. Следствие довольствовалось медицинской гипотезой о особой форме аномалии в тканях головного мозга, которую пока что невозможно зарегистрировать ни одним из имеющихся в арсенале диагностов методом исследования. Якобы, подобные аномалии проявляются сперва отдалёнными симптомами, и жалобы Антона на проблемы со сном неплохо вписывались в эту концепцию, а затем, когда девиация клеток достигает определённого уровня, в зависимости от того, о каком отделе мозга идёт речь, ситуация разрешается функциональными проявлениями. Человек может терять слух, зрение, обоняние, речь, что угодно, всё зависит от локализации процесса. Согласно данной теории, у Антона такая аномалия могла начаться в гипоталамусе или в Варолиевом мосту¹⁶, а в последствии распространилась и на продолговатый мозг, вовлекая в процесс центры регулирующие дыхательную деятельность и деятельность сердца. Именно поэтому, если верить данной теории, ситуация разрешилась фактически отказом работы этих систем.

Данная теория не имела никаких фактических доказательств, кроме как нескольких известных фамилий крупных нейрофизиологов, придерживавшихся подобной концепции. Однако на «безрыбье и рак рыба», и следствие использовало предложенное объяснение как основание для закрытия неудобного дела.

Гвидо был в бешенстве, когда ему объявили о том, что все следственные действия, в эффективности которых мужчина сильно сомневался, прекращаются. А ознакомившись с предложенной гипотезой, он окончательно утратил контроль над собой. Он лично поехал в исследовательский центр, где работал Максимилиан и буквально поймал мужчину в холе. Между ними состоялся разговор на повышенных тонах, причём высокие тоны исходили

конечно же от Гвидо. Мужчина угрожал психотерапевту тем, что он всё равно докопается до истины и призовет врача к ответу. Максимилиан же сохранял самообладание, призывая Гвидо успокоиться и утверждал, что тот не понимал о чём он говорит. Лишь подоспевшая охрана смогла успокоить Гвидо и его буквально вывели из здания.

В тот день Гвидо дал клятву, что он во что бы то ни стало узнает, что именно случилось с его братом, и отомстит за его смерть. К собственному удивлению, спустя девять дней после похорон Антона, Максимилиан сам явился к порогу кошачьей гостиницы. Психотерапевт настаивал на разговоре с Гвидо один на один, и мужчина предоставил психотерапевту такую возможность. Максимилиан рассказал Гвидо о своём впечатлении от работы с Антоном, о проблемах с которыми он к нему обратился. Особенно подробно психотерапевт рассказывал о применяемом им методе лечения ряда психо-эмоциональных недугов. Здесь же Максимилиан давал и объяснения по поводу специфического характера места проведения сеансов. Но на чём психотерапевт сосредотачивал особое внимание, был тот самый вопрос о применении некоего лекарства. Максимилиан признался, что именно этот момент являлся одним из самых деликатных во всей его практике.

– Видите ли, я разрабатывал свой метод терапии психо-эмоциональных травм, отталкиваясь от опыта своих предшественников. Это то, как функционирует наука.» – рассказывал Максимилиан – «Но я не мог себе позволить узколобость в вопросах эффективного лечения. Поэтому я анализировал работы сразу нескольких своих предшественников. Так, помимо той замысловатой процедуры, о которой я вам рассказал в самых поверхностных описаниях, я иногда использовал более классические приёмы, если того требовали обстоятельства. Это во многом зависит от пациента, с которым работаешь. Ваш брат был как раз таким человеком.

– Каким человеком он был?» – спрашивал Гвидо, совершенно спокойно и не выказывая никаких признаков неприязни.

– Ваш брат был из той категории людей, которых называют объективистами» – видя, что Гвидо не до конца понимает о чём идёт речь, Максимилиан поспешил пояснить – Антон привык полагаться на то, что имело прочную связь с объективной действительностью, в то время как психология работает с субъективным миром человека, с его психо-эмоциональным фоном.

Гвидо медленно кивнул, продолжая смотреть на Максимилиана не отводя взгляда.

– Иными словами, Антон охотней верил в таблетки, инъекции, оперативное вмешательство, нежели в неинвазивную медицину. – продолжал объяснять Максимилиан – В какой-то момент я пришёл к выводу, что для улучшения эффекта от наших совместных усилий по решению его проблемы, стоило бы придать Антону дополнительной уверенности. И именно так я и сделал, рассказав ему про испытываемый препарат селективного действия, который якобы способен напрямую влиять на гипоталамо-гипофизарную цепь. На самом деле это было плацебо, подобная практика широко применяется в нашем деле.

Гвидо долго молчал, не отводя взгляда от Максимилиана, затем наконец улыбнулся не размыкая губ. Эта улыбка могла содержать самые разноречивые смыслы, и Максимилиан не понимал, следовало ли ему испытывать облегчение от разрядки ситуации, или же напротив, Гвидо не верил ему.

Гвидо Дерковски прекрасно понимал, что скромность его научных познаний не позволял ему делать далеко идущие вводы. Несмотря на крутой нрав, он не был лишён и должного благоразумия.

«– Предположим, ты говоришь правду» – подумал в тот момент Гвидо – «Но я не в достаточной степени идиот, чтобы верить в стечения обстоятельств. Доверяй, но проверяй!»

В тот день, Гвидо предпочёл за лучшее сделать вид, как если бы он в существенной степени изменил своё отношение к Максимилиану. Чтобы добиться такого эффекта, мужчине пришлось осторожно изменить тему разговора, уводя её постепенно как можно дальше от тра-

гического происшествия. Либо Максимилиан был не в малой степени легковверным, либо он очень хорошо притворялся, но вскоре он и сам перестал испытывать сковывавшую его до селе напряжённость. Вполне вероятно, психотерапевт попался на том, что внешность Гвидо заставляла видеть в нём тупую, примитивную силу, не подозревая о природной хитрости этого человека. Сам же Гвидо Дерковски продолжал испытывать к Максимилиану не меньшее недоверие, однако теперь он решил обратить ситуацию в свою пользу.

«— Друзей стоит держать близко,» — размышлял про себя Гвидо — «— а врагов ещё ближе!»

Максимилиан постепенно стал чувствовать себя более менее расковано. А когда Гвидо уже провожал своего гостя к порогу, и неловко извинился за грубые слова и поспешные суждения, психотерапевт, казалось, окончательно восстановил самообладание и вновь чувствовал себя в контексте «врач-пациент».

— Я ещё раз выражаю вам свои соболезнования. — говорил Максимилиан, стоя у входной двери — Мне хочется полагать, что мы с вами теперь хорошо понимаем друг друга.

Гвидо, через усилие, натянул на своё лицо широкую улыбку, думая, что такое выражение его лица смягчает впечатление от его образа в целом. Кроме того, мужчина кивал каждой церемониальной реплике Максимилиана, желая поддержать того в его заблуждении.

— Если у вас возникнут какие либо проблемы из сферы моей компетенции, — психотерапевт немного замялся, ощущая неловкость из-за двусмысленности сказанного — вы всегда можете обращаться ко мне!

— Я буду иметь это в виду, спасибо. — ответил Гвидо, стараясь, чтобы его голос звучал если и не радушно, то хотя бы нейтрально — Однако я не задержусь здесь слишком долго. Моё место не здесь, я приезжал только из-за брата. Теперь, похоже, я могу возвращаться к своей нормальной жизни.

Гвидо говорил всё это ради того, чтобы вызвать у Максимилиана ложное чувство облегчения и безопасности. Гвидо уже тогда понял, что ему предстоит немало потрудиться, чтобы вывести психотерапевта на чистую воду. И ему было бы гораздо проще, если бы Максимилиан не проявлял излишней бдительности.

— В любом случае, — отвечал Максимилиан — вы знаете как со мной связаться, если в этом вдруг появится необходимость.

Гвидо утвердительно кивнул, провожая мужчину за дверь.

В тот день Гвидо разговаривал с Максимилианом в последний раз. Твёрдо решив, что следующая их беседа будет носить уже гораздо более откровенный характер, Гвидо принялся разрабатывать план сбора информации и последующей мести. Понимая, что силы правопорядка в данной ситуации не на его стороне, Гвидо приходилось действовать с большей осторожностью. Тем не менее, уже тогда, когда одержимость идеей мести возымела свой эффект, он отчётливо представлял себе, где вся эта безумная история должна была закончиться.

«— Все реки, рано или поздно впадают в один поток» — размышлял и теперь Гвидо, рассматривая изображение старого кинозала, в котором состоялся первый сеанс Антона, и где, по мнению Гвидо, началась вся эта история.

Спустя какое-то время, что Гвидо Дерковски провёл в безмолвном размышлении, ведя мысленный диалог с самим собой, мужчина посмотрел на часы. Это было время, в которое по местному телеканалу транслировали местные новости, то, что Гвидо терпеть не мог, но с недавних пор и этот источник стал в некотором роде источником информации.

Откинувшись на спинку широкого кресла, Гвидо стал смотреть. Бессмысленные сообщения сменяли друг друга, после чего их место заняли сводки о чрезвычайных происшествиях и несчастных случаях. Наконец, Гвидо дождался финального информационного сюжета, в рамках которого в последнее время и освещали интересовавший его вопрос.

На экране вновь показывали интерьеры отдельных помещений исследовательского центра, в то время как голос диктора рассказывал о ходе приготовлений к предстоящей операции в рамках уникального проекта -нейросинтеза.

«Наконец позади остались все формальные вопросы, и теперь уже с определённой уверенностью можно сказать, что семья Свардовски получают свой шанс на спасение их дочери. Научным сотрудникам негосударственного исследовательского центра нейрофизиологии удалось преодолеть все формальные преграды. Воздвигаемые отдельными личностями преграды морального характера, местные специалисты не обращают внимания, ставя в угол стола жизнь маленького пациента. Сегодня нам уделит время главный куратор данного проекта, руководитель отдела нейрофизиологии, профессор Максимилиан »

После этих слов, видео обзор переместился в комфортабельный кабинет, где за офисным столом восседал Максимилиан. Гвидо улыбнулся, при виде лица психотерапевта.

«— Ну даже здесь ты от меня не спрятался!» – подумал Гвидо, ощущая на сколько приятной кажется ему эта мысль.

Максимилиан говорил пафосные речи, затем отвечал на вопросы репортёра.

«Да, это действительно так. Нам удалось уладить все эти неурядицы, так или иначе связанные с областью права, нежели с жизнью человека. Более того, я полагаю, наш успех ознаменовался вовсе не тогда, когда мы получили полный «кардблэндж» для дальнейших действий, а скорее когда мы решили вопрос с донорским материалом »

За этой репликой последовала череда вопросов от репортёра, на которые Максимилиан отвечал по порядку.

«Видите ли, специфический характер нашего метода требует использования донорских тканей головного мозга, но помимо таких параметров, как группа крови и резус фактор, нам приходится учитывать трансплантационную совместимость, активность иммунитета реципиента, но что особенно важно – степень сохранности мозговой ткани пациента. Ведь наша задача заключается в том, чтобы к родителям вернулся их ребёнок, а это означает спасение информационного статуса человека. Помимо биологической смерти, мы обязаны предотвратить смерть информационную. Сохранение личности пациента, вот в чём заключается самая главная цель нашей процедуры. Это будет не просто, но мы готовы как никогда!»

Репортёр задавал более дельные вопросы, касающиеся непосредственно предстоящей операции.

«В этот раз, нам сильно повезло, как и семье Свардовски, как и нашей пациентке. Степень травмированности её мозговых тканей такова, что практически не затронуты те участки мозга, которые отвечают за информационный статус личности, это означает, что тот ребёнок, которого родители знали, всё ещё с нами. Более того, учитывая ранний возраст пациентки, её информационный статус с одной стороны ещё не развит настолько, как у взрослого человека, а во-вторых, при удачном исходе, сохраняются все перспективы развития этого статуса в будущем. Иными словами, шансы нашей пациентки на благополучный исход весьма велики, да и нам ещё не предоставлялись столь благоприятные условия

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.